

АДЫГЕЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

МЕОТЫ — ПРЕДКИ АДЫГОВ

МАЙКОП 1989*

АДЫГЕЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

МЕОТЫ — ПРЕДКИ АДЫГОВ

Редакторы: профессор **Н. В. Анфимов (ответственный)**
и **П. У. Аутлев.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение древней меотской культуры имеет сегодня большое значение для истории Кавказа и поэтому публикации новых археологических материалов из раскопок последних лет на территории Адыгеи историки ждут с нетерпением.

Меоты — коренное население Северо-Западного Кавказа, их культура сложилась в Закубанье в VIII — первой половине VII вв. до н. э. Большинство кавказоведов относят меотов к кавказским племенам. Изучение языков, топонимики и ономастики Северо-Западного Кавказа дает основание отнести древнее меотское население к адыго-кабардинскому этническому массиву, что согласуется и с археологическими памятниками, свидетельствующими о глубокой самобытности сложения и развития меотской культуры и ее связи с последующими культурами средневековых адыгов.

История меотских племен охватывает более тысячелетия и разделяется на несколько этапов, позволяющих проследить развитие их экономики и социальных отношений.

Впервые меоты упоминаются у древнегреческих авторов в VI в. до н. э. Кроме античных авторов, название меотских племен сохранили нам посвященные надписи с территории Боспорского государства. Меоты занимали бассейн нижнего и среднего течения р. Кубани, раселяясь до Ставропольского плато, Восточного Приазовья, Закубанья, Таманский полуостров и прилегающий участок Черноморского побережья.

Раскопки 80-х годов, особенно на территории Адыгеи, намного обогатили наши сведения о меотах. Введение в научный оборот результатов последних исследований имеет первостепенное значение для решения важных исторических проблем.

Ранняя история меотов, изучаемая лишь по археологическим материалам, выявляет их связи с крупнейшими государствами древнего Востока, что отчетливо видно по разнообразным чужеземным предметам из золота и серебра. Четко прослеживаются связи не только с государством Урарту и Ассирией, но и с культурой восточной части Малой Азии. Эти выводы устанавливаются по замечательным комплексам из знаменитых Келермесских курганов.

Сборник содержит десять статей и публикаций научных сотруд-

ников-археологов Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории, Государственного Эрмитажа, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Государственного музея искусств народов Востока и отражает тем самым совместную работу центральных и местных научных учреждений. Такая совместная работа, несомненно, залог успеха. Сборник открывается статьей ст. научного сотрудника АНИИ Аутлева П. У. «К этногенезу адыгов». Автор в небольшой статье останавливается на основных положениях, имеющих в исторической литературе об этногенезе адыгов, полностью соглашаясь с тезисом, что меоты являлись одними из отдаленных предков адыгов, вошедших в себя и ираноязычных сираков. В подтверждение этого автор обращается к нартскому эпосу и на основании анализа имени нарта Саусырыкъу, приходит к выводу, что «в процессе этногенеза, растворив в своей среде часть сарматского племени сираков, меоты Кубани обогатили свою материальную и духовную культуру».

В статье профессора Анфимова Н. В., всю жизнь посвятившего изучению меотов, в соавторстве со ст. научным сотрудником Краснодарского музея Пьянковым А. В. описывается новый протомеотский могильник Черноклёновский севернее г. Абинска, исследованный Пьянковым А. В. в 1986 г. Для устройства могильника были использованы небольшие курганы эпохи бронзы. Аналогичный могильник был ранее исследован (в 1974 г.) в этом же районе. Авторы считают, что использование курганных насыпей более раннего времени объясняется высоким уровнем стояния грунтовых вод. Сравнивая Черноклёновский могильник с одновременными памятниками протомеотской культуры (Николаевским могильником и др.) считают, что исследованный могильник входит в общую группу памятников Закубанья, которые оставлены древнемеотскими племенами, жившими здесь в VIII веке и в первой половине VII в. до н. э.

Следующие две статьи — старшего научного сотрудника Краснодарского музея Анфимова И. Н., специализирующегося по истории меотов, и научного сотрудника Майкопского филиала ГМИНВ Това А. А. представляют публикацию бронзовых уздечных наборов и предметов вооружения из размытых водами Краснодарского водохранилища протомеотских погребений на левой террасе р. Кубани близ хут. Казазова (Анфимов И. Н. Могильник протомеотской культуры хут. Казазово) и на левой надпойменной террасе р. Пшиш в 1,5 км к северу от аула Тауяхабля (Тов А. А. Протомеотский могильник Чишко близ аула Тауй-хабль). Этот материал позволяет сделать новые интересные выводы.

Большое значение имеют исследования двуслойного поселения Красногвардейское П, результаты которого публикуются в статье ст. научного сотрудника Ленинградского отделения института археологии АН СССР Шарафутдиновой Э. С. Нижний слой поселения относится к эпохе бронзы, а верхний — к переходному периоду от бронзы к раннему железу (конец IX — первая половина VIII вв. до н. э.). Анализ керамического материала позволяет автору связать верхний слой посе-

ления с расположенным рядом с ним протомеотским Николаевским могильником. Протомеотское поселение Красногвардейское П (верхний слой) является пока первым на Кубани. Автор подчеркивает значение этого памятника, заключающееся в том, что материал из обоих слоев демонстрирует продолжение ряда традиций эпохи финальной бронзы в последующий период. Это позволяет сделать вывод, что местная культура финальной бронзы на Кубани была не только непосредственным хронологическим предшественником протомеотской культуры, но и могла являться одним из ее слагаемых в основном процессе этно- и культурогенеза.

Значительный интерес представляет статья ст. научного сотрудника Государственного Эрмитажа Л. К. Галаниной «Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника». При раскопках курганов экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством автора статьи, близ ст. Келермесской в группе курганов, получивших мировую известность благодаря сделанным в них находкам 1903—1904 годов, новыми раскопками был обнаружен раннемеотский грунтовой могильник. Автор статьи публикует результаты раскопок могильника за 1983 г. (итоги раскопок 1980—1982 гг. автором были опубликованы ранее). Келермесский безкурганый некрополь, как отмечает автор, является, бесспорно, родоплеменным кладбищем рядового аборигенного, другими словами, меотского населения. На основании тщательного анализа инвентаря, полученного вследствие новых раскопок могильника, значительно расширился круг аналогов между погребальным инвентарем грунтовых и подкурганых захоронений Келермесса, что подтверждает правильность ранее высказанного автором вывода об одновременности знаменитых келермесских курганов и грунтового могильника, расположенного между ними, что особенно важно для решения вопроса об этнической принадлежности Келермесских курганов.

Статья ст. научного сотрудника Института археологии АН СССР Тереховой Н. Н. о химико-технологической характеристике черного металла из Келермесских курганов является важным дополнением к статье Л. К. Галаниной. Автор подвергла металлографическому анализу ряд предметов из железа из Келермесских курганов, что дало возможность дать развернутую характеристику кузнечного дела в конце VII — рубеже VII—VI вв. до н. э. Автором выделены вполне определенные признаки, отличающие черный металл из Келермесса от металла изделий из скифских памятников Северного Причерноморья. Черный металл из Келермесских курганов, как считает автор, хорошо вписывается в металлургическую группу, объединяющую металл из таких памятников как Ульские курганы, могильники Нартая в Кабардино-Балкарии, а также кубанских памятников Северного Кавказа и Северного склона Центрального Кавказа.

В статье Носковой Л. М. и Кожухова С. П. «Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника (по материалам раскопок 1985—86 гг.)» публикуются материалы третьей самой многочисленной группы погребений, которая датируется второй половиной I тыс. до н. э., III—I вв. до н. э. и первыми веками н. э. По обряду погребения и по инвентарю данный могильник имеет много общих черт с меотскими могильниками

Правобережья р. Кубани, что позволяет автору говорить об этнокультурной общности племен, оставивших могильники во 2-й половине I тыс. до н. э. в Закубанье и Прикубанье. На основании анализа инвентаря автор приходит к выводу, что развитие материальной культуры меотского населения Закубанья в последние века I тыс. до н. э. продолжается в традиционном направлении. Каких-либо существенных изменений в этническом составе населения не происходит, а появляющиеся новые черты свидетельствуют лишь о начале этого процесса.

Статья научного сотрудника Государственного музея искусств народов Востока (Москва) Бегловой Е. А. посвящена публикации материалов грунтового могильника аула Уляп. Этот, относимый к меотам, могильник был обнаружен при раскопках курганов близ аула Уляп.

Обзор статей сборника показывает участие в нем археологов разных поколений и разных учреждений, объединенных разработкой общей темы истории меотов, очень важной для изучения этногенеза народов Адыгеи.

**Академик АН СССР и АН Арм. ССР,
Герой социалистического труда
Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ
18.08.88**

К ЭТНОГЕНЕЗУ АДЫГОВ

Вопросы истории происхождения народов, как известно, являются одними из самых сложных, запутанных, как тыквенные или арбузные стебли, вопросов. Иначе говоря, они всегда служили и служат уравнием с целой паутиной неизвестных антропологического, археологического, языковедческого, этнографического, фольклористического, психологического и собственно исторического порядка. Даже у наций, обладающих огромным научным потенциалом, этот вопрос до сих пор не нашел общепризнанного удовлетворительного объяснения. Что же касается наций с малым научным потенциалом, то в разработке данной проблемы им оказывали и оказывают научную помощь представители народов с богатой академической силой.

В изучении этногенеза адыгских народов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов) научно ценное содействие оказали Б. А. Рыбаков, Е. И. Крупнов, М. М. Герасимова, Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконов, Ш. Д. Иванипа, Г. А. Климов, З. В. Анчабадзе, В. И. Марковин, А. А. Формозов, В. П. Алексеев, Л. И. Лавров, Ю. С. Крушкол, Р. М. Мунчаев, Н. В. Анфимов, Е. П. Алексеева и др. В их публикациях намечены древнейший, древний и средневековый этапы этногенеза адыгов.

Истоки происхождения последних ищат в седой старине. Так, Б. А. Рыбаков писал, что «рождение индоевропейской, тюркской, угрофинской, адыго-картвельской и других языковых семей восходит к далекой первобытности, куда может проникнуть глаз археолога» (1, с. 36). Антропологическое родство северокавказской ветви народов, в том числе адыгов, формировалось на пути перехода от присваивающего в палеолите к производящему в неолите хозяйству в VI тыс. до н. э. (2, с. 101—102). Но находка долихокранной формы черепа финальноверхнепалеолитически-раннемезолитического времени в отложениях Сатанайской стоянки в Московском районе Кубани (3, 49) дает некоторое основание для поисков истока длиннолобых меотов (4, 135—140) в далеком верхнем палеолите — раннем мезолите, отстоящем от нас на 12—10 тыс. лет.

Резко переходя от древнейшего к древнему этапу этногенеза адыгов следует, прежде всего, отметить работы Л. И. Лаврова. С 1954 до 1978 года он отстаивал киммерийскую гипотезу происхождения адыгских

народов (5, с. 198—199). К киммерийским племенам Л. И. Лавров причислял синдов и других меотов, а также керкетов, торетов, ахеев, зихов. Продолжая свою мысль, он указывал: «Так как эти племена являются несомненными предками нынешних абхазов, абазин, адыгейцев и кабардинцев, то эти последние четыре народа имеют основания выводить свое происхождение от восточной части киммерийских племен» (5, с. 198—199) — конников, лучников и меченосцев. Когда же выяснилось, что киммерийцы были не кавказоязычными, а ираноязычными (6, с. 239—241) племенами, то под напором новых фактов и мыслей Л. И. Лавров полностью избавился от концепции киммерийского происхождения и перешел на новые, более обоснованные на его взгляд, позиции ахейско-зихского происхождения адыгских народов (7, с. 38).

В отличие от Л. И. Лаврова, Н. В. Анфимов усилил аргументацию своей давней публикации «К вопросу о происхождении адыгов» (8, с. 140—141) от меотских племен. В своих аргументациях Н. В. Анфимов придерживается марксистской точки зрения о том, что истории неизвестны чистокровные народы без той или иной «чужеродной» примеси. Так произошло и с меотами, которые делились на две группы — донских и кубанских. Донские меоты, в силу своего иноэтнического савромато-сарматского преобладающего окружения из адыгоязычных стали ираноязычными. В противоположность донским меотам кубанский меотский массив сохранил и пронес через всю свою многотрудную историю собственную адыгоязычность, которая, кстати сказать, неубедительно оспаривается (9; 10). А пребывание меотов на Тамани опровергается, к примеру, на том основании, что в языке адыгов якобы нет слова, обозначающего «остров»*.

Доказано, что в конце III—II веков до н. э. на Кубань проникает одно из ираноязычных сарматских племен-сираки. В I веке до н. э. происходит дальнейшее продвижение и включивание в меотскую среду сираков, которые оседали среди аборигенного населения. Но какой-либо смены культуры этого населения не произошло. Господствующей оставались меотская культура, меотский язык. Пришлые сираки были ассимилированы меотами. (11, с. 214).

Из ираноязычных они постепенно превратились в адыгоязычных.

Смена языка, о которой только что сказано, долгое время была для слуха адыгов лишь красивым и приятным предположением. Так продолжалось до тех пор, пока в нашем распоряжении не оказался один

* В диалекте кубанских шапсугов «остров» обозначается словом «ндыж». А в нату-хайском говоре Суджукская коса у Новороссийска называлась «ЧыхэкI» — «отходящая от земли» в воду.

Кстати сказать, признавая автохтонность языков Северо-Западного Кавказа, в то же время Б. Г. Джонуа и Г. К. Климов поддержали гипотезу О. Н. Трубачева о древнеиндийской принадлежности синдов, входящих в меотский этнический блок (Джонуа Б. Г., Климов Г. К. К индоевропейцам в языках Северо-Западного Кавказа (абхазские данные)// Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. Т. 44, № 2. с. 156—157). Археология считает некорректной их утверждение о том, что несколько удаленные в прошлом от морского побережья адыги не занимались рыболовным промыслом, так как в их языке якобы не прослеживается обозначение рыболовной снасти. Но этому противоречат слова *хъы*, *хъыты* — «рыболовная сеть».

очень важный факт, что натолкнуло на написание этой заметки. Источником указанного факта явился адыгский вариант знаменитого в мировой фольклористике нартского эпоса. Как известно, одним из самых любимых читателями героев этих сказаний выступает нарт Саусырыкъу, доставивший людям «розу» зимы — огонь. Долго трудились специалисты над дешифровкой имени этого нартского хитроумного, смуглого богатыря, недавно показанного Центральным телевидением в мультфильме «Сын камня». Но все их попытки объяснить смысл Саусырыкъу на базе норм родного адыгейского языка кончались безуспешно, потому что эти попытки (12; 13, с. 307—311) были оторваны от исторической среды, в которой зародилось интересовавшее их имя.

Между тем ларчик открывался просто, но только с помощью ираноязычных сираков, сведения о которых оставлены знаменитым греческим географом Страбоном (14, с. 468, 479—480). С точки зрения иранских языков, в том числе иронского диалекта осетинского, имя Саусырыкъу расчленяется на две части: *сау-шау* — в смысле черный, смуглый, что соответствует текстам сказаний, и *сырыкъу*, что в произношении адыгов полностью совпадает со страбоновским этником «сираки». В целом же адыгизированное имя иранского «Саусырыкъу» * означает «черный, смуглый сирак» (15, с. 210). Причем присутствующий в слове элемент «къу» не служит адыгским показателем лица мужского пола по отношению к своим родителям (в значении «сын»), а служит лишь формой адыгской передачи элемента «ак» в этниконе «сирак». Короче, в адыгейский язык вошло это слово в своей ираноязычной сущности, чуть перекосившись по правилам соответственной фонетики. С псевдоэлементом «къо» им обогатились также варианты нартского эпоса, начиная от осетинского и кончая абхазским.

Так в процессе этногенеза, растворив в своей среде часть сарматского племени сираков, меоты Кубани обогатили свою материальную и духовную культуру. И все это произошло естественно-историческим путем, а не путем завоевания сираков меотами или, напротив, — меотов сираками. При этом следует подчеркнуть, что в антропологическом отношении брахикранные сираки оказали существенное влияние (путем, например, смешанных браков) на восточных адыгов-кабардинцев средневековья, которые более брахикефальны, в то время как западные адыги сохраняют долихокранный европеоидный тип (16, 198—199, 276—278), сложившийся еще в верхнем палеолите-мезолите.

* Кроме личного имени Саусырыкъу встречается и гидроним Саусыръкъуай для обозначения реки Фарз (с адыг. «перекатывающаяся», «вбегающая», «влетающая»). Саусыръкъуай «Саусырыковская» с адыгским суффиксом принадлежности «ай» намекает на пребывание на этой реке смуглых сираков. Больше того, последние назывались и чисто адыгским словом «лӡыпцӡэхэр, лӡыпцӡэ лӡэпкӡыр» — «смугляки, племя смугляков» (Нарты. Адыгский эпос. Т. 4. Майкоп, 1970, с. 147).

* * *

¹ Рыбаков Б. А. Археология: проблемы и достижения // Наука и жизнь, 1969, № 11.

² Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986.

³ Романова Г. П., Харитонов В. М. Морфологические особенности черепа человека из палеолитической стоянки в ивесе Сатанай // Вопросы антропологии, 1984, № 73.

⁴ Герасимова М. М. К вопросу об этническом составе населения древнего Таианса (III в. до н. э.— IV в. н. э.)// Советская этнография, 1971, № 4.

⁵ Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа// Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 3. Нальчик, 1954.

⁶ Дьяконов И. М. История Индии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.— Л., 1956.

⁷ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

⁸ Анфимов Н. В. К вопросу о происхождении адыгов// Тезисы докладов на научной сессии Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам. Ростов н/Д, 1962.

⁹ Трубачев О. Н. О сндах и их языке// Вопросы языкознания, 1976, № 4.

¹⁰ Трубачев О. Н. Таврские и скифогеотские этимологии// Этимология. М., 1979.

¹¹ Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.

¹² Кумахов М. А. К этимологии имени основного героя адыгского и абхазского эпоса// Сказание о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.

¹³ Гадагатль А. М. Героический эпос Нарты адыгских (черкесских) народов. Майкоп, 1987.

¹⁴ Страбон География в 17 книгах. М., 1964.

¹⁵ Аутлев П. У. Об одном «новом направлении» в нартоведении// Известия СОНИИ, 1966. Т. 26.

¹⁶ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948.

ПРОТОМЕОТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАКУБАНЬЯ

В 1986 г. Абинской археологической экспедицией Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника под руководством ст. научного сотрудника А. В. Пьянкова были произведены раскопки двух курганов /могильник Черноклен/ на землях колхоза XXII партсъезда Абинского района. Курганы были расположены в 4 км на северо-запад от г. Абинска, между реками Абин и Бугундырь, восточнее шоссе Абинск — пос. Варнавское. Курганные насыпи земляные, сильно распаханые, потерявшие первоначальную конфигурацию. Курган № 1 высотой 2 метра при диаметре 62 × 56 м, вытянутый с севера на юг. Курган № 2 высотой 0,35 м при диаметре 56 × 45,5 м, так же вытянутый с севера на юг. Погребенная почва под вторым курганом прослеживалась ниже современного уровня дневной поверхности на 60 см /от вершины кургана на глубину 0,95 м/. Оба кургана были возведены в эпоху бронзы и содержали по одному основному погребению. К более позднему времени относятся многочисленные впускные захоронения. Так, в кургане № 1 было обнаружено 4 протомеотских погребения, 97 средневековых и 3 безинвентарных, не поддающихся точной датировке. В кургане № 2 — 10 протомеотских и два безинвентарных.

Таким образом, в исследованных курганах можно выделить три хронологические группы: 1) погребения эпохи бронзы, которых обнаружено только два, являющиеся основными, 2) протомеотские — 14, 3) средневековые — 97. В настоящей работе мы остановимся только на второй группе — протомеотских погребениях.

Все они являются впускными, в большинстве своем в насыпи, часть могил углублена в материк. Форма погребального сооружения не прослеживалась.

Курган № 1

Погребение № 1/76 * находилось в 15 м к юго-востоку от центрального репера /в дальнейшем ЦР/ в насыпи на глубине 0,56 м. Скелет

* При раскопках курганов нумерация погребения давалась сквозная. Здесь и далее глубина дается от поверхности земли.

отсутствовал, сохранились только небольшие отломки черепа взрослого человека, с западной стороны остатков черепа находился фрагментированный лепной ковш и южнее его скопление фрагментов от пяти лепных сосудов. На запад от черепа на расстоянии 0,7 м от него, стоял второй лепной ковш, раздавленный землей. С южной стороны ковша лежали бронзовые удила со стремечковидным концом. Близ скопления фрагментов керамики лежал обломок трубчатой кости животного /лошади или коровы?/ — Таб. 1 рис. 1—12

Погребение № 2/97 находилось в 14 м к югу от ЦР на глубине 1,2 м в насыпи. От скелета сохранились бедренные и берцовые кости. Судя по ним скелет был ориентирован головой на запад, лежал на спине, вытянуто. В области ступней, у каждой ноги находился лепной сосуд /ковш/, раздавленные землей и сильно фрагментированные. Близ левого колена лежало биконическое глиняное пряслице /Таб. 2., рис. 1—4/.

Погребение № 3/101 находилось в 3 м к востоку от ЦР на глубине 2,4 м. В материке прослеживалась яма овальной формы с неправильными очертаниями, размером 1,5 × 1,8 м /таб. 2., рис. 5/. Скелет не сохранился, в могиле встречено только три обломка трубчатых костей человека. В разных частях ямы, частично выше дна /на 7—11 см/, встречены отдельные фрагменты лепных сосудов — ковшей и корчаги /?/. По-видимому, погребение было ограблено /Таб. 2., рис. 5/.

Погребение № 4/106 находилось в 19 м к северо-западу от ЦР на глубине 1,1 м, в насыпи. Скелет ориентирован головой на юг, лежал скорчено на правом боку, плохой сохранности /кости грудной клетки таза, кистей и стоп не сохранились/. По сторонам черепа находилось по одному лепному сосуду /ковшу?/, раздавленных землей /Таб. 3, рис. 1—3/.

Курган № 2

Погребение № 1 находилось в 8 м к югу от ЦР на глубине 0,85 м в насыпи. Скелет был ориентирован головой на запад, лежал на спине, вытянуто, сохранился не полностью /отсутствуют кости грудной клетки, кости рук, голеней и ступней/. Справа от черепа лежали фрагменты лепного сосуда /форма не восстанавливается/. Под черепом находились шесть бронзовых трубочек, свернутых из тонкого листа /Таб. 4, рис. 1—7/.

Погребение № 2 находилось в 16 м к югу от ЦР на глубине 1,6 м в материке. Детский скелет был ориентирован головой на север, лежал скорчено на левом боку, правая рука была согнута в локтевом суставе и кости предплечья лежали поперек туловища, левая рука — резко согнута в локте, кистью к лицу. Сохранность костей плохая. Около черепа справа стоял лепной ковш /Таб. 4, рис. 8—9/. По дну могилы прослеживались угольки.

Погребение № 3 находилось в 10 м к юго-западу от ЦР на глубине 0,9 м, в насыпи. Скелет ориентирован головой на восток, лежал на спине вытянуто. Правая рука была несколько согнута в локтевом суставе и кости предплечья лежали в области таза, левая рука — вытянута.

Скелет плохой сохранности. В области ног, с наружной стороны правой голени, стояли два лепных одноручных ковша, раздавленных землей /Таб. 4, рис. 10—12/.

Погребение № 5* находилось в 14 м к юго-востоку от ЦР, на глубине 1,65 м в материке. Скелет ориентирован головою на юго-восток, лежал на спине, вытянуто /?/. Кости плохой сохранности, нижняя часть скелета — таз и кости ног, отсутствует. За черепом стоял раздавленный землей одноручный лепной ковш /Таб. 4, рис. 13—14/.

Погребение № 6 находилось в 13,5 м к юго-востоку от ЦР, на глубине 1,7 м в материке. Скелет нарушен, многие кости отсутствуют. Сохранились обломки раздавленного черепа, трубчатых костей рук и ребер, лежащих кучей. Рядом с костями находился фрагментированный лепной ковш /Таб. 5, рис. 1—2/.

Погребение № 7 находилось в 18 м на юго-восток от ЦР на глубине 1,6 м в материке. Скелет отсутствует, сохранились только обломки черепа взрослого человека. Рядом с ними находится фрагментированный одноручный лепной ковш /Таб. 5, рис. 3—4/.

Погребение № 8 находилось в 13 м на северо-восток от ЦР на глубине 1,5 м в материке. Скелет ориентирован головою на В-Ю-В, лежит на левой стороне, вытянуто. Правая рука была несколько согнута в локтевом суставе, левая — вытянута, левая нога согнута в колене, правая — вытянута. Кости плохой сохранности. За черепом стоял фрагментированный лепной ковш /Таб. 5, рис. 5—6/.

Погребение № 10 находилось в 10 м на юго-запад от ЦР на глубине 0,73 м в насыпи. Скелет ориентирован головою на юго-восток, лежал на спине, вытянуто, плохой сохранности. Отсутствуют кости грудной клетки и кости рук, за исключением обломка левой плечевой кости. У остатков черепа находились фрагменты /стенки и ручка/ лепного ковша. Второй ковш, раздавленный землей, стоял снаружи левой голени /Таб. 5, рис. 7—9/.

Погребение № 11 находилось в 4,5 м на северо-запад от ЦР, на глубине 0,7 м в насыпи. От скелета сохранились только обломки черепа и обломок плечевой и локтевой костей. Среди костей находилось бронзовое височное кольцо в полтора оборота /Таб. 5, рис. 10, 11/.

Погребение № 12 находилось в 12,4 м к северо-западу от ЦР на глубине 0,95 м в насыпи. От скелета сохранились обломки ребер и плечевой кости. На юго-запад от костей находились раздавленные землей два лепных сосуда /ковши?/ и на северо-запад от костей человека лежали два лошадиных зуба /Таб. 6, рис. 1/.

Вне погребения в насыпи кургана был также найден лепной ковш /Таб. 6, рис. 2/, а над погребением № 1 /выше на 6 см/ находился бронзовый листовидный наконечник копья /Таб. 6, рис. 3/, который, возможно, находился в засыпи этого погребения.

* Погребения №№ 4 и 9 безинвентарные и датировке не поддаются.

Обряд погребения

Протомеотские племена, жившие в Закубанье, для захоронений своих покойников в данной местности использовали возвышенные места — курганные насыпи более раннего времени, устраивая на них свои кладбища /могильники/. Это могло быть обусловлено относительно высоким уровнем стояния подпочвенных вод, особенно в период половодья, тем более, что данная местность представляет собой пойменную /левобережную/ долину р. Кубань. Необходимо отметить, что это уже не первый случай, известный нам, когда курганы использовались здесь протомеотами для устройства могильников. В 1974 г. в 12 км к северу от г. Абинска, по дороге к Варнавинскому водохранилищу, были исследованы Е. А. Ярковой четыре небольших кургана эпохи бронзы, в двух из которых были обнаружены 33 впускных протомеотских погребения¹.

Все погребения, как выше было указано, впускные, большинство в насыпи, несколько погребений более глубокие, опущены в материк, Могильные ямы из-за однородности грунта не прослеживались, в виду чего форму могилы установить не представлялось возможным. Выявленная в нижней своей части яма в могиле № 3/101 имела неправильные очертания и скорее напоминала грабительскую яму, о чем говорит и отсутствие скелета /сохранились только три обломка трубчатых костей/ и разбросанные на разном уровне фрагменты керамики. Сохранность скелетов очень плохая, в некоторых могилах они почти полностью отсутствуют за исключением обломков отдельных костей, ввиду чего в ряде случаев не представлялось возможным установить ориентировку и положение скелета /кур. № 1, погребения №№ 1, 3; кур. № 2, погребения №№ 6, 11, 12/. Все погребения одиночные и принадлежат взрослым индивидуумам, за исключением одного детского /кур. № 2, погребение № 2/. Глубина могил колеблется от 0,7 м до 1,7 м /средняя глубина 0,9—1,6 м — 50%/; наименьшая — 0,56 /кур. № 1, погр. № 1/ и наибольшая — 2,4 м /кур. № 1, погр. № 3/. Ориентировка неустойчивая, преобладала восточная — юго-восточная /4/, южная — I, западная — 2 и северная — 1. В шести могильниках из-за почти полного отсутствия скелетов установить ориентировку не представилось возможным. В положении скелетов наблюдается сочетание двух обрядов: скорченные на боку и вытянутые на спине. Последние преобладают в 5 погребений, скорченные встречены в двух погребениях с ориентировкой на юг и на север. В одной могиле /кур. № 2, погр. № 8/ скелет лежал на левой стороне /боку/, вытянуто со слегка согнутыми в локте правой рукой и в колене левой ногой. В шести могилах положение скелета не установлено. Все погребения сопровождался инвентарем. По количеству и характеру инвентаря погребения были более или менее однородны и небогаты. Инвентарь ограничивался, как правило, лепными ковшами /от одного до двух/ и отдельными бытовыми предметами /глиняное пряслице, бронзовое височное кольцо, бронзовые трубочки/. В одном погребении /кур. № 1, погр. № 1/ были встречены бронзовые удила. Вне погребения в кургане № 2 найден бронзовый наконечник копья, возможно, занесенный из погребения № 1. Характерным в обряде явля-

ется расположение керамики: ковши ставились или в головах покойника /в восьми случаях/ или ногах /в трех случаях/. К обрядовой стороне относятся мелкие угольки по дну могилы /кур. № 2, погр. № 2/. В двух погребениях были встречены кости домашних животных — зубы и мелкие осколки челюсти лошади /кур. № 2, погр. № 12/ и обломок трубчатой кости лошади или коровы /?/ /кур. № 1, погр. № 1/. Керамика в инвентаре занимала господствующее положение. Сосуды встречены во всех погребениях, кроме одного /кур. № 2, погр. № 11/. Последнее оказалось сильно потревоженным — сохранились только мелкие обломки черепа и обломки плечевой и локтевой костей, лежащие в беспорядке. Таким образом, нет полной уверенности, что сосуда первоначально в могиле не было. Глиняные сосуды, среди которых преобладают ковши, все лепные, тщательно сформованные, с хорошо сглаженной поверхностью, иногда со слабым лощением. Ковши все однотипные, имеют несколько округлое тулово, уплощенное дно. Венчик у некоторых экземпляров слегка отогнут. Ручки петлеобразные, высокие, поднимающиеся над краем, в сечении, как правило, плоские, но встречаются овальные и круглые /Таб. I, рис. 11, 12; таб. IV, рис. 9, 11, 14; таб. VI, рис. 2/. У некоторых ковшей тулово несколько более приземистое, закругляющееся ко дну /Таб. I, рис. 10; таб. IV, рис. 12/. На одном фрагменте ковша /кур. № 1, погр. № 1/ в верхней части имеется орнамент из косых линий, образованных точечным наколом /Таб. I, рис. 5/. Глина серая или серо-коричневая, тесто плотное. Средние размеры ковшей следующие: высота 8—10 см., диаметр по верхнему краю 8—10 см., диаметр дна 6—7 см. Кроме ковшей в погребении № 3 /01/ кур. № 1/ встречены фрагменты горшка на плоском дне со слегка отогнутым венчиком, темно-серой глины, лощеный /форма полностью не восстанавливается, таб. 2, рис. 8—9/.

Аналогичные ковши с петлеобразной ручкой, высоко поднимающейся над краем, найдены в протомеотских могильниках Закубанья: Николаевском могильнике VIII в. до н. э. /из разрушенных погребений 1958; погр. 18 1958²; погр. 17 и 28 1960 г. и др./, могильнике Ясеновой поляны близ поселка Колосовки на р. Фарс /погр. 18, 1958/³, на Псекупском могильнике⁴, в погр. № 20 I-го кургана Абинского могильника⁵. Такой же ковш был найден в погребении VIII в. до н. э. на р. Псеба близ пос. Новомихайловского /Туапсинский р-н/.

Из предметов вооружения найден только один бронзовый наконечник копья /таб. VI, рис. 2/, который находился в насыпи кургана № 2 над первым погребением. Он имеет листовидной формы перо с овальными очертаниями нижней части листа, по всей длине которого проходит продолжение втулки, постепенно сужающаяся кверху, но сохраняя круглое сечение. Втулка цельнолитая, сравнительно длинная, составляющая более трети общей длины наконечника, в сечении круглая. В нижней трети втулки имеется два отверстия для закрепления наконечника на древке. Бронзовые наконечники копий с цельнолитой втулкой найдены в протомеотских могильниках Закубанья: Николаевском, Новосвободнинском на р. Фарс /урочище «Клады»/, Ясеновой поляне /пос. Колосовка/, Псекупском, Абинском⁶. Данный тип наконечников тщательно проанализирован А. А. Иссеню в работе о Прикубанском очаге металлургии, в которой

приводится весь известный к тому времени материал с Северо-Западного Кавказа, в том числе наконечники из ст. Крымской и пос. Каменноостского на р. Белой, из окрестностей Майкопа⁷. Автор считает возможным наконечники эти относить к местному производству. Аналогичные наконечники известны и из Причерноморья — района Новороссийска /пос. Горный, ст. Раевская/, Геленджика⁸. Бронзовые наконечники с цельнолитой втулкой датируются, в основном, VIII в. до н. э., возможно, захода в начало VII в. до н. э. В Кубанском могильнике конца VIII в. — 1-й половины VII в. до н. э. бронзовых наконечников копий мы не встречали, только железные⁹.

Из принадлежностей конского убора найдена только часть бронзовых удиц со стремячковидным концом и имитацией литой циркулярной обмотки на стержне /Таб. 1, рис. 3/. В свое время А. А. Иессен удила со стремячковидными концами относил ко времени не ранее начала собственно скифского периода, т. е. не ранее второй половины VII в. до н. э.¹⁰. Находки в Николаевском могильнике /погр. № 112/ удиц со стремячковидными концами¹¹, позволило пересмотреть их датировку в сторону удревления. А. И. Тереножкин в своей монографии «Киммерийцы» в связи с этим писал, что «вопреки представлениям А. А. Иессена, старейшими в Европейской части СССР бронзовыми удилами с соответствующими им архаическими бронзовыми псалями являются удила со стремячковидными концами»¹². Такие удила были найдены в погр. № 12 1985 г. могильника Кочипэ на северо-восточной окраине г. Майкопа.

Украшения представлены бронзовым височным кольцом и бронзовыми трубочками. Кольцо круглое из толстой проволоки в полтора оборота /кур. № 2, погр. 11, таб. V., рис. 11/. Близкое височное кольцо встречено в погребении кургана № 10 в г. Геленджике¹³. Привески в виде бронзовых трубочек, свернутые из листовой бронзы, в количестве шести лежали под черепом костяка. Все трубочки фрагментированы — концы обломлены, сохранившаяся длина 2,5—4 см. Они могли применяться или в качестве наконечников или привесок. Аналогичные трубки известны в памятниках Кобанской культуры. Они найдены в слое X—VII вв. до н. э. Сержень-юртовского поселения, а также обнаружены в комплексах начала I тысячелетия до н. э. в сел. Шарой /раскопки В. И. Долбежева/¹⁴. Такого же типа подвески известны и в киммерийской культуре /в памятниках поздней чернолесской культуры 1-й половины VIII в. до н. э./¹⁵

ВРЕМЯ ЧЕРНОКЛЕНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА И МЕСТО ЕГО СРЕДИ ДРУГИХ ПРОТОМЕОТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЗАКУБАНЬЯ

Анализ инвентаря Чернокленовского могильника дает возможность датировать его VIII в. до н. э. Найденная керамика — ковши с петлеобразной ручкой, поднимающейся над краем, характерны для погребений VIII в. до н. э. Николаевского могильника. Для более позднего времени /VII в. до н. э./ ковши несколько видоизменяются /Кубанский могильник, могильник на р. Фарс в урочище «Клады» /. VIII в. до н. э., как выше говорилось, датируются и бронзовые удила со стремячковидными кон-

цами, к этому же времени относятся и бронзовые трубки-подвески. В последние годы обнаружен целый ряд новых памятников протомеотской культуры, в основном могильников, расположенных в Закубанье — на р. Фарс в урочище «Клады», в станице Дондуковской, на северо-восточной окраине г. Майкопа /могильник Кочипэ/, у впадения р. Псекупса в Краснодарское водохранилище /Псекупский могильник/, на южном берегу Краснодарского водохранилища севернее хут. Казаво /в зоне затопления/, а также впускные погребения в кургане севернее станицы Холмской /Абинский район/ и поселение протомеотского времени в сел. Красногвардейском на южном берегу Тшикского водохранилища.

Чернокленовский могильник и территориально и по обряду погребения наиболее близок Абинскому, исследованному в 1974 г. Они расположены на близком расстоянии друг от друга и, в отличие от большинства других могильников, здесь использованы небольшие курганчики эпохи бронзы. Глубина погребений в Абинском могильнике в основном такая же, как и Чернокленовском, ориентировка также неустойчива, с преобладанием южной с отклонением к востоку и восточной. Погребения также отличаются бедностью и однородностью инвентаря. В обоих могильниках сосуды /в большинстве ковши/ ставились в головах или ногах. Отличием являлось то, что в Абинском могильнике скорченных погребений не встречено и значительный процент парных. Здесь были найдены железные ножи и железный наконечник копья, а также бронзовый наконечник стрелы 1-й половины VII в. до н. э. Ручки у некоторых ковшей наверху оканчиваются небольшим цилиндром. Эти отличия указывают на то, что ряд погребений относится к несколько более позднему времени.

Чернокленовский могильник как в обряде погребения, так и в инвентаре имеет много общих черт с Николаевским могильником. Такая же в среднем глубина могил, сочетание обряда скорченности /меньшинство/ с вытянутым положением, одиночные захоронения, единичные-детские, расположение ковшей в головах и ногах. Отличием в обряде является наличие в Николаевском могильнике галек и культовых костей коровы — коленной чашечки. Погребения Николаевского могильника содержат довольно много оружия, предметов конского убора, бронзовые ножи, оселки, наконеч, погребения с конем. Много общих черт имеется также с Псекупским могильником — положении скелета, расположении керамических сосудов /ковшей в головах/, отчасти ориентировке. Здесь также, как и в Николаевском могильнике, встречаются оселки, наконечники копий, погребение коня. В могильнике в урочище «Клады» на р. Фарс форма могилы несколько иная, чем в других могильниках — с каменной обкладкой или вымосткой, что объясняется местными природными условиями. Ориентировка западная, реже южная /единичная — северная/.

Имеющиеся некоторые различия в протомеотских могильниках Закубанья не носят принципиального характера, являясь локальными особенностями того или другого памятника. Все могильники составляют единую группу и оставлены протомеотскими племенами, населявшими Закубанье в VIII—VII вв. до н. э.

Исследованный Чернокленовский могильник входит в эту группу протомеотских памятников.

1. Анфимов И. Н. Древнемеотские могильники близ г. Абинска — ВАА, 1981, с. 48—59.
2. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с. Николаевского // СМАА, т. 2, Майкоп, 1961, с. 122.
3. Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс // СМАА, т. 2, с. 168, т. 2, рис. 7.
4. Ловлаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса // ВАА, 1985, с. 40.
5. Анфимов И. Н. Ук. соч., с. 57, рис. 2.
6. См. примечания 1—4; «Сокровища курганов Адыгеи» // Каталог выставки. М., 1985, с. 63.
7. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА, № 23, М—Л, 1951, с. 111—114.
8. Аханов И. И. «Геленджикские подкурганные дольмены» // СА, 1961, № 1, с. 145, с. 143, рис. 4, 1, 6.
9. Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры /могильник хут. Кубанского // Скифский мир. Киев, 1975, с. 40.
10. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА, XVIII, М., 1953, с. 49 и сл.
11. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. МИА, № 177, М., 1971, с. 173.
12. Тереножкин А. И. Киммерейцы. Киев, 1976, с. 149.
13. Аханов И. И. Ук. соч., с. 146, рис. 6, 10.
14. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов Кубанской культуры. Восточный вариант // САИ, в. 2—5, М., 1982, с. 40, таб. XXIV, рис. 25, 26.
15. Тереножкин А. И. Ук. соч., с. 94, рис. 57, 11—14.

Приложение

№ кург.	№ погребения	Местоположение погребения	Глу. бина в м	Ориентир.	Возраст	Положение скелета сохр.	Инвентарь		Кости животных	Примечания
							Керамика	Другие предм.		
1	1/76	Находилось в 15 м к Ю-В от ЦР, в насыпи	0,56	—	Взр.	Сохранились обл. черепа	Три ковша (раздав. земель), фр-ты пяти(?) лепных сосудов	Обл. трубчатой кости	Скелет не сохранился	
1	2/97	Находилось в 14 м к югу от ЦР, в материке	1,2	Зап.	Взр.	На спине вытянуто	Два ковша (фрагм-ные) це гл. стояли в ногах	—	Сохранились кости ног	
1	3/101	Находилось в 3 м к востоку от ЦР, в материке	2,4	—	Взр.	Яма с неправ. очертан., обл. костей	Фр-ты лепных сосудов, горшка	—	Разрушенное погребение	
1	4/106	Находилось в 19 м к С-З от ЦР, в насыпи	1,1	Юг	Взр.	Скорчено На правом боку	Два ковша (фр-ные) близ черепа	—	—	
2	1	Находилось в 8 м к югу от ЦР, в насыпи	0,84	Зап.	Взр.	На спине вытянуто	Фр-т лепного сосуда трубки близ черепа	—	—	
2	2	Находилось в 16 м к югу от ЦР, в материке	1,6	Север	Детск.	Скорчено на левом боку	Ковш у черепа справа вокруг скелета	—	Сохранность плохая	
2	3	Находилось в 10 м к Ю-З от ЦР, в насыпи	0,9	Вост.	Взр.	На спине вытянуто	Два ковша у левой голени и стопы	—	Сохранность плохая	
2	5	Находился в 14 м к Ю-В от ЦР, в материке	1,65	Ю-В?	Взр.	На спине вытянуто?	Ковш (фрагм-ный) рядом с черепом	—	Кости нижней части скелета отсутствуют	

2	6	Находился в 13,5 м к Ю-В от ЦР, в материке	1,7	—	Взр.	—	Ковш рядом с костями	—	—	От скелета сохранились обломки черепа, ребер и рук
2	7	Находился в 18 м к Ю-В от ЦР, в материке	1,6	—	Взр.	—	Ковш (фр-ный) рядом с обломками черепа	—	—	Скелет отсутствует, сохранились только обломки черепа
2	8	Находился в 13 м на С-В от ЦР, в материке	1,5	В-Ю-В	Взр.	Вытянуто на левой стороне (боку)	Ковш за черепом	—	—	
2	10	Находилось в 10 м на Ю-З от ЦР, в насыпи	0,73	Ю-В	Взр.	Вытянуто На спине	Фр-т ковша у черепа, второй ковш у левой голени	—	—	От скелета сохранились обломки черепа, левой плечевой кости и кости ног
2	11	находилось в 4,5 м на С-З от ЦР, в насыпи	0,7	—	Взр?	—	—	Бронз. височное кольцо близ костей	—	От скелета сохранились обл. черепа, плечевой и локтевой костей
2	12	Находилось в 12,4 м на С-З от ЦР, в насыпи	0,95	—	Взр.	—	Обломки двух ковшей	—	—	Костяная труха и два зуба лошади

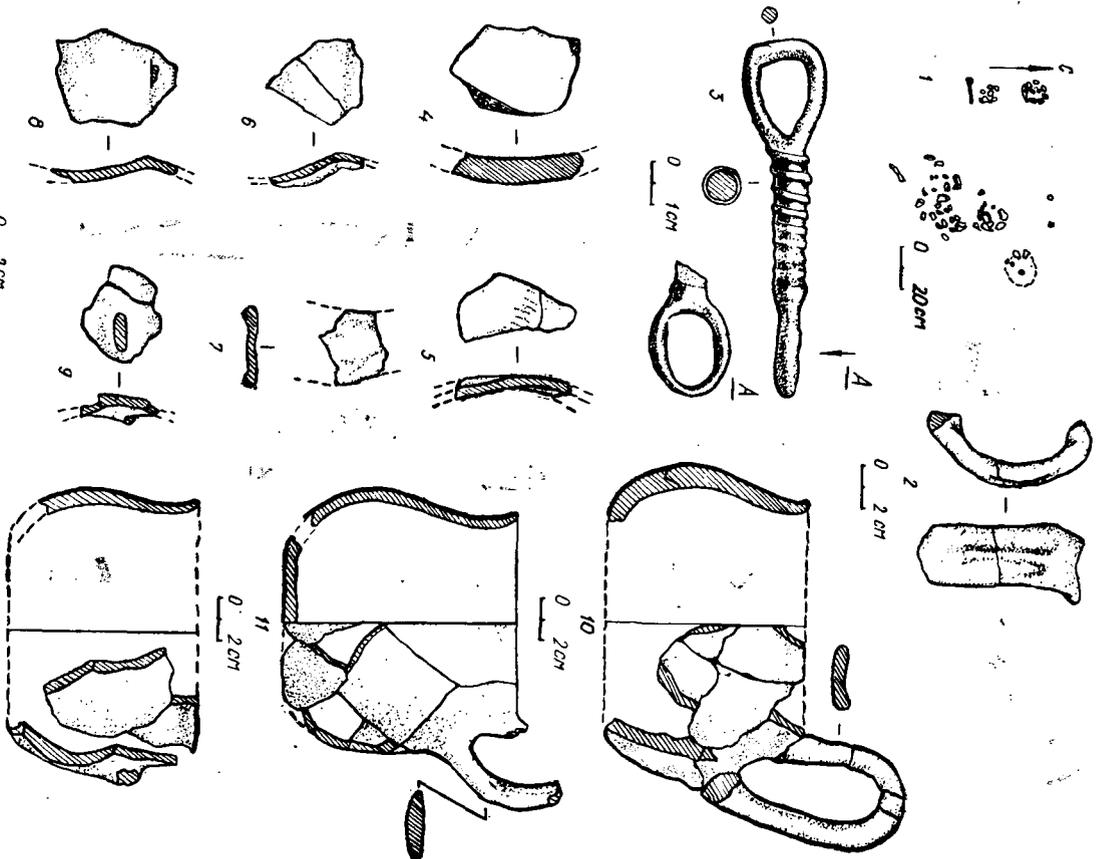

Таблица 1 — план и предметы п. 76, курган 1, могильник Черноклен.
 1 — план п. 76; 2 — фрагмент ручки ковша; 3 — половина бронзовых улит; 4 — фрагмент толстостенного лепного сосуда; 5—9 — фрагменты лепных ковшей; 10—12 — лепные сероглиняные ковши.

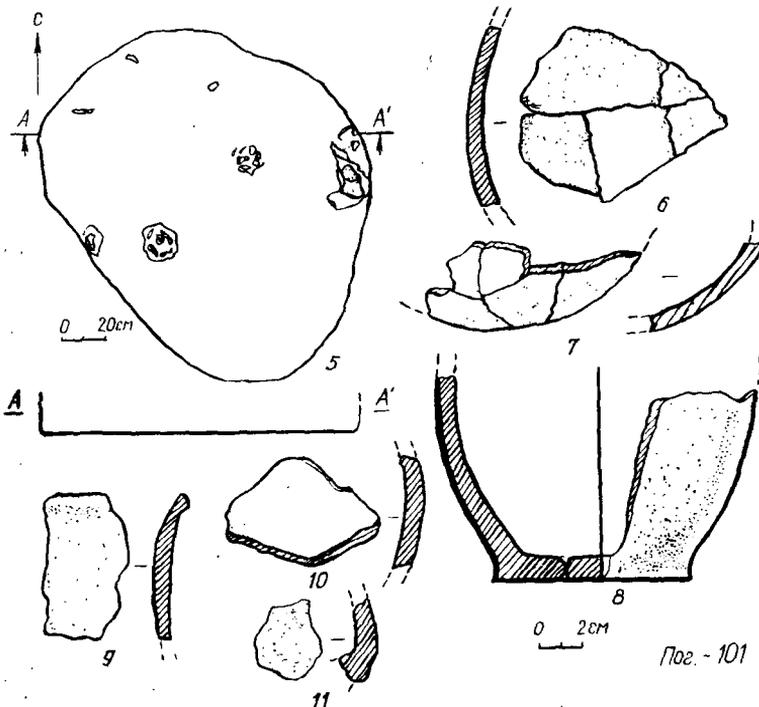
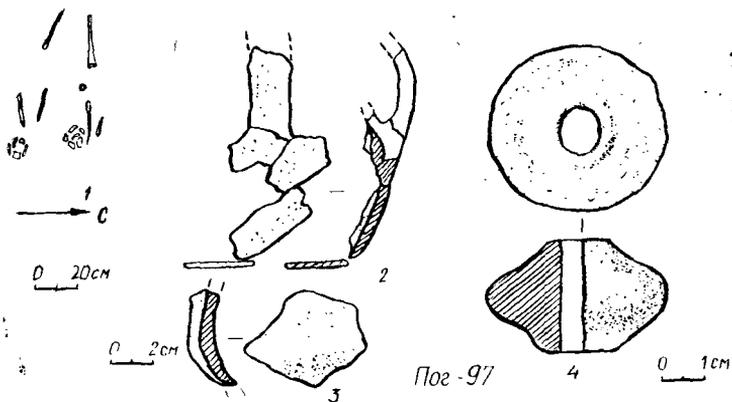

Таблица II — планы и предметы пп. 97, 101, курган I, могильник Черноклен.

I — план п. 97; 2—3 — фрагменты лепных ковшей, п. 97; 4 — пряслице, п. 97; 5 — план п. 101; 6, 7, 10, 11 — фрагменты лепных ковшей, п. 101; 8, 9 — фрагменты лепных корчаг, п. 101.

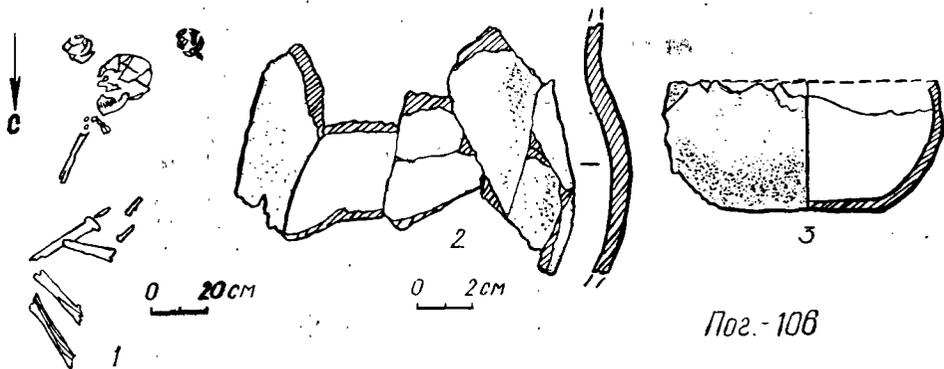

Таблица III — план и предметы п. 106, курган 1, могильник Черноклен.

I — план п. 106; 2, 3 — лепные ковши.

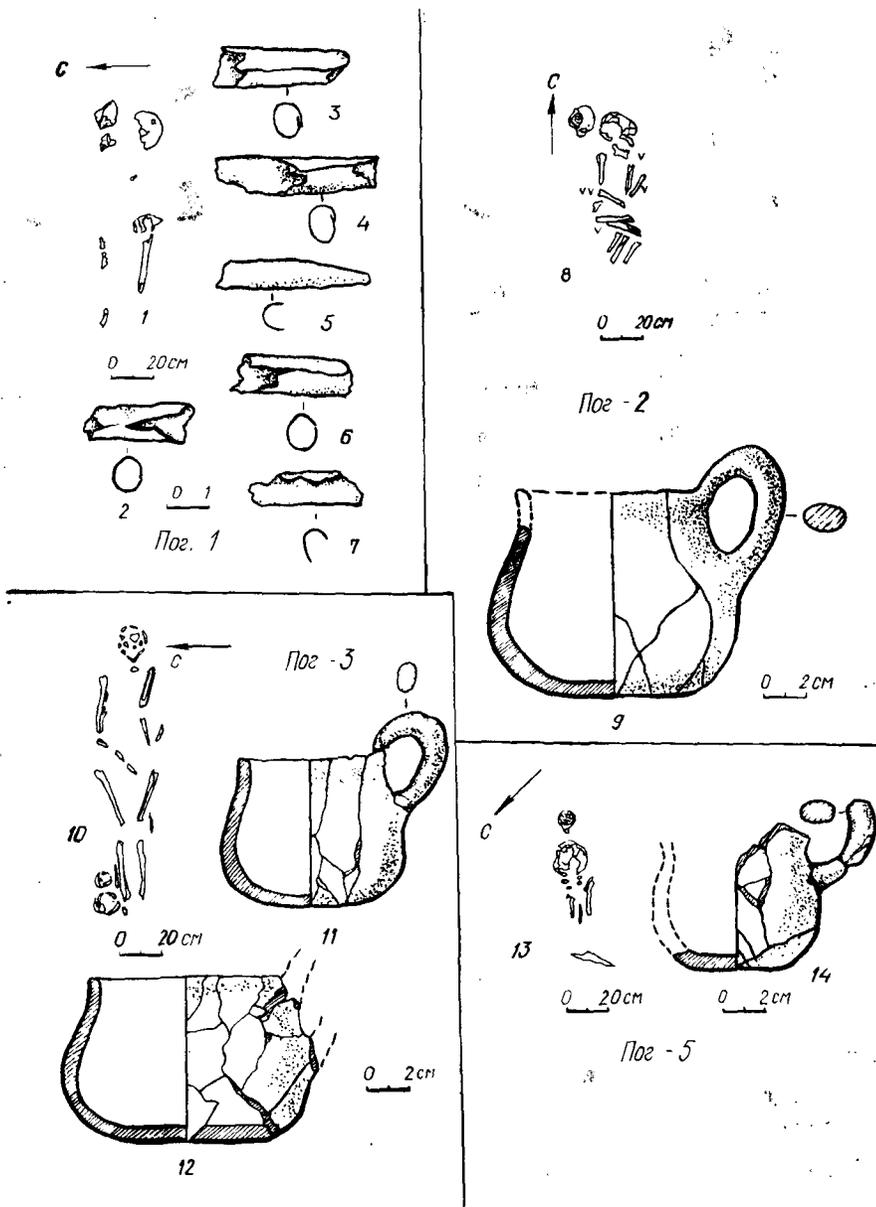

Таблица IV — планы и предметы п. п. 1, 2, 3, 5, курган 2, могильник Черноклён.

I — план п. 1; 2—7 — бронзовые трубочки, п. 1; 8 — план п. 2; 9 — лепной ковш, п. 2; 10 — план п. 3; 11, 12 — лепные ковши, п. 3; 13 — план п. 5; 14 — лепной ковш, п. 5.

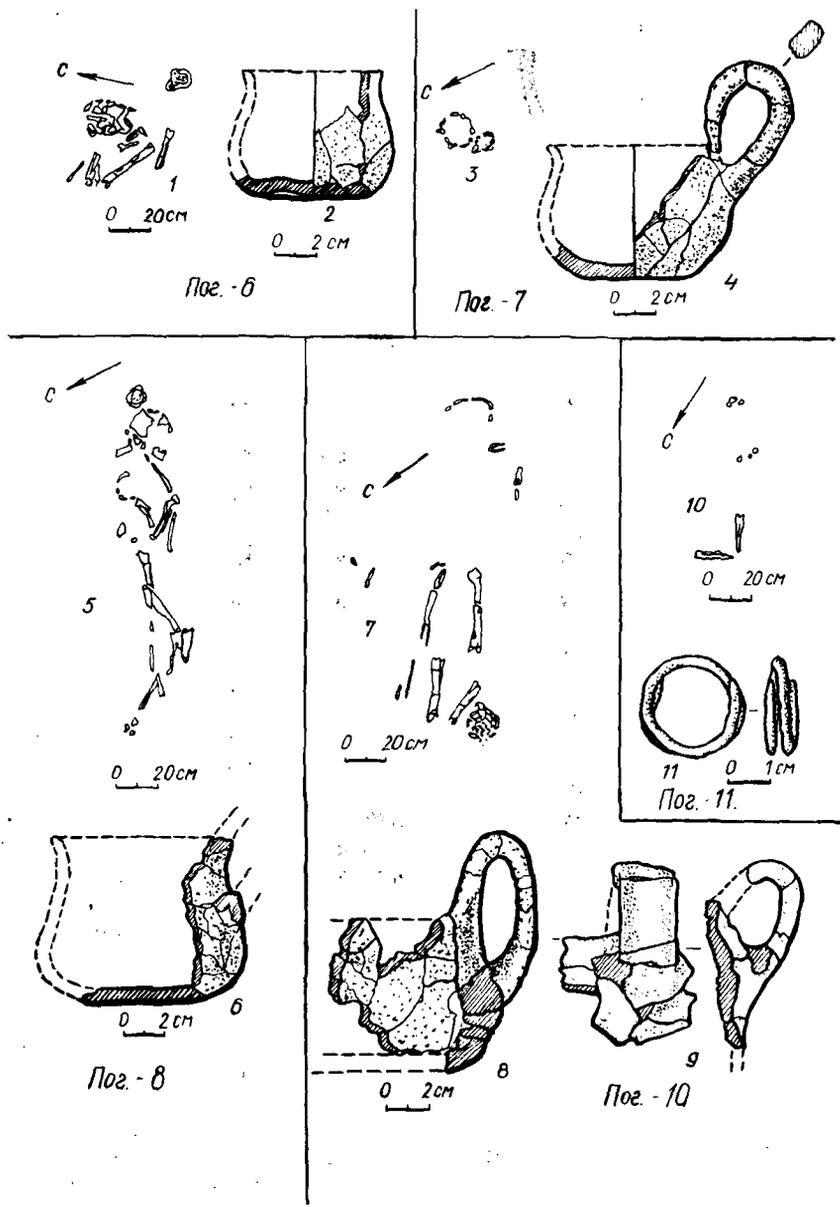

Таблица V — планы и предметы пп. 6, 7, 8, 10, 11, курган 2, могильник Черноклен.

1 — план п. 6; 2 — лепной ковш, п. 6; 3 — план п. 7; 4 — лепной ковш, п. 7; 5 — план п. 8; 6 — лепной ковш, п. 8; 7 — план п. 10; 8, 9 — фрагменты лепных ковшей, п. 10; 10 — план п. 11; 11 — бронзовое височное кольцо, п. 11.

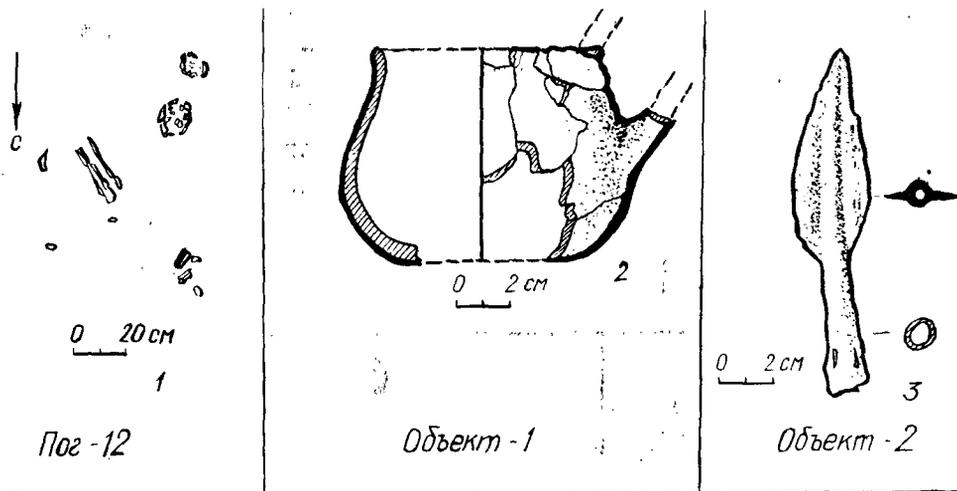

Таблица VI — план п. 12, курган 2, могильник Черноклён.

I — план п. 12; 2 — лепной ковш; 3 — бронзовый наконечник копья.

МОГИЛЬНИК ПРОТОМЕОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХУТ. КАЗАЗОВО

В 1986 году отряд Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника под руководством В. А. Тарабанова проводил археологические исследования памятников в районе хут. Казазово (Теучежский район Адыгейской автономной области), в третьей зоне Краснодарского водохранилища (рис. 1), на юго-западном участке дна чаши, который в зимне-весенний период покрыт слоем воды, толщиной 2—3 метра. Целью экспедиции были охранные работы на размываемых водами водохранилища средневековых памятниках: могильнике Казазово — 2, селище № 2 хут. Казазово.

В ходе этих работ экспедицией был собран подъемный материал, позволяющий говорить о наличии здесь протомеотского грунтового могильника. Раскопки памятника не производились. Сотрудники экспедиции ограничились сбором вещей, обнаруженных на поверхности почвы после спада воды в водохранилище. Эти находки, компактно расположенные, позволяют точно локализовать памятник.

С северо-востока терраса, на которой расположено селище № 2 хут. Казазово, образует мыс. Берег здесь относительно круто понижается к востоку примерно на 6—7 метров, затем переходит в плоское дно, обычно залитое водой даже в период летне-осеннего спуска воды. На расстоянии 800 метров к востоку—северо-востоку от мыса расположена небольшая возвышенность, представляющая собой во время максимального спада воды в водохранилище остров, вытянутый с юго-запада на северо-восток длиной 600 м и шириной 200 м (рис. 2). Эта возвышенность 2—3 месяца в году также уходит под воду. До сооружения водохранилища здесь располагались какие-то современные хозяйственные постройки, от которых сохранились остатки фундаментов. В центральной части этой возвышенности был собран подъемный материал, представляющий инвентарь размывших водой погребений¹. Коллекция найденных вещей состояла из бронзовых литых принадлежностей конской уздечки и обломков каменных боевых топоров. Предметы были вымыты водой и лежали в беспорядке*.

* Выражаю глубокую благодарность В. А. Тарабанову за представленные материалы.

Принадлежности конской сбруи

1. Удила бронзовые со стремечковидными концами (рис. 3). На поверхности удила слабо выраженные концентрические бороздки. Стержни удила круглые в сечении, диаметром 0,8 см; длина каждого звена — 9,8 см.

2. Псалии (2 шт.) парные, представляли собой прямые, круглые в сечении стержни, закругленные и слегка заостренные на концах. На каждом псалии по три выступающие круглые петли. Конец одного псалия слегка загнут (рис. 3, 2). Длина псалиев 14,2 и 14,8 см; диаметр стержней — 0,7 см; диаметр петель — 1,8 см.

Вышеописанные удила со стремечковидными концами и стержневидные трёхпетельчатые псалии, составляли, очевидно, один набор. Удила этого типа, как указывал в своей монографии А. И. Тереножкин, появляются в степной полосе еще в черноголовское время, но продолжают бытовать и в самом конце предскифского периода, причём ранние удила мало, а в некоторых случаях, по-видимому, и совсем не отличимы от бронзовых удила с такими же концами, получивших массовое распространение в начале скифского периода. С полной достоверностью доскифский возраст тех или иных удила устанавливается по сопровождающим их псалиям². В данном случае найденные псалии не относятся ни к одному из трёх ранних степных типов (черноголовский, камышевахский, цимбальский), выделенных А. И. Тереножкиным³, и более близки типу трёхпетельчатых стержневидных псалиев, известных из ряда памятников Северного Кавказа и Подонья. А. И. Тереножкин предполагал, что этот тип, появляясь в начале новочеркасского времени, развился затем в трёхпетельчатые псалии с широкой лопастью на нижнем конце и грибовидной шляпкой на верхнем, которые сочетаются обычно с двукольчатыми псалиями новочеркасского времени. Но стержневидные бронзовые псалии с тремя выступающими петлями существуют как самостоятельный тип и в раннескифское время. В качестве примера можно привести случайную находку из ст. Подгорной Отрадненского района Краснодарского края, где при строительстве жилого дома было, очевидно, разрушено погребение второй половины VII в. до н. э. Часть найденных вещей — бронзовые удила со стремечковидными концами (рис. 4, 1), бронзовый стержневидный трёхпетельчатый псалий с зооморфным изображением на верхнем конце (рис. 4, 2), были переданы в 1977 году в Отрадненский народный музей.

Таким образом, удила и псалии из Казазово должны датироваться VII в. до н. э., вероятно его серединой.

Большую часть находок из Казазовского могильника составляли литые бронзовые бляхи от конской сбруи. Всего их было найдено 10 экземпляров, разделяющихся на пять типов. Четыре бляхи круглой формы, слегка выпуклые, с гладкой поверхностью (рис. 3, 6—8, 13). Диаметр этих блях — 4 и 6,2 см. Другой тип представлен тремя одинаковыми бляхами с рельефным орнаментом (рис. 3, 10—12) в виде четырёхлепестковой розетки, образованной ромбовидным значком, вписанным в круг и с кружком в середине. Вокруг центрального кружка симметрично расположены четыре округлых отверстия. Диаметр блях — 5,3 см. Другую разновидность четырёхлепестковой розетки представляют две бляхи меньших размеров (рис. 3, 9, 5; диаметр — 3,5 и 2,7 см.) — это ромбовидный значок,

включенный в четырёхлепестковую розетку с выпуклыми листьями, образующими равноконечный крест. Все вышеописанные бляхи служили для соединения перекрещивающихся ремней конского оголовья. Орнаментальные композиции на них являются типичными для искусства Юго-Восточной Европы предскифского периода. А. И. Тереножкин присоединяется к мнению М. И. Вязьмитиной и В. А. Ильинской о солярной символике этих изображений, получивших широкое распространение в киммерийском искусстве под влиянием культуры Передней Азии или в результате воздействий, идущих из Сибири и Центральной Азии⁵. Бляхи с розеткой обоих типов широко представлены в памятниках VII в. до н. э. Северного Кавказа⁶.

Десятая бляха данной серии представляла собой лунницу с пятью плоскими кружками (рис. 3, 4; длина 6,6 см.). Развитая форма таких блях с пятью, шестью, семью кружками или спиралями является особенно характерной для киммерийского прикладного искусства новочеркасского времени⁷. На Кубани они известны в могильниках хут. Кубанского⁸, Фарс⁹, геленджикских дольменах¹⁰. Этим же временем датируется и бронзовое кольцо с подвижной муфтой для крепления повода (рис. 3, 3; диаметр кольца — 5,4 см.). В протомеотских памятниках Закубанья такие кольца найдены близ хут. Кубанского и на р. Фарс¹¹, но отличаются от кольца из Казазово формой подвески.

Предметы вооружения

Вместе с бронзовыми деталями конской узды были найдены обломки четырех каменных боевых топоров и молотков. Все они проушные, изготовлены из серого мелкозернистого песчаника, поверхность отполирована. От двух топоров сохранились нижние части клиновидной формы с закруглёнными лезвиями (рис. 3, 14, 16). От третьего топора сохранилась верхняя часть с закруглённым обухом (рис. 3, 15). По-видимому, от боевого молотка происходит четвёртый фрагмент (рис. 3, 17). Судя по сохранившейся части молоток был удлинённоцилиндрической формы и слегка расширялся в средней части (длина обломка — 7 см.).

Боевые проушные топоры и молотки, являясь традиционными предметами вооружения народов Северного Причерноморья в течение бронзового века, не исчезают и в позднейшее предскифское время¹². В этот период данный вид оружия широко использовался и протомеотскими племенами, о чём говорят находки в могильниках Закубанья VIII—VII вв. до н. э.¹³

Все рассмотренные материалы из могильника хут. Казазово входят в круг памятников протомеотского времени Прикубанья. Все типы инвентаря находят широкие аналогии в киммерийской культуре новочеркасского времени Северного Причерноморья, что дает основание датировать данный могильник концом VIII — первой половины VII в. до н. э.

1. Описание топографии памятника даётся по отчёту В. А. Тарабанова о работе археологического отряда краснодарского историко-археологического музея-заповедника в 1986 году //Архив КГИАМЗ.

2. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 149.

3. Там же, с. 149—151.

4. Одной из наиболее близких аналогий являются удила и псалии из погребения 25 могильника Фарс //«Сокровища курганов Адыгеи». Каталог выставки ГМИНВ. — М., 1985, № 76 (кат.), с. 64.

5. Тереножкин А. И. Ук. соч., с. 174; Вязьмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля //СА, 1963, № 2, с. 166—167; Ильинская В. А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. //МИА, № 130. М., 1965, с. 209—211.

6. Дитлер П. А. Могильник в районе посёлка Колосовка на реке Фарсе //Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. 2, Майкоп, 1961, табл. 1, 3; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, табл. XXXIV, 2—4; Тереножкин М. И. Указ. соч., рис. 92, 3—4; Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки ГМИНВ, М., «Советский художник», 1985, № 112 (кат.), с. 68.

7. Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 177—178, 202.

8. Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского) //Скифский мир. Киев, 1975, с. 46, рис. 4, 2.

9. Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985, № 60 (кат.), с. 61.

10. Аханов И. И. Геленджикские подкурганные дольмены. //СА, 1961, № 1, с. 146, рис. 6, 8.

11. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе //Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 121, рис. 10; Сокровища курганов Адыгеи ... № 79 (кат.), с. 65.

12. Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 139.

13. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с Николаевского //СМАА, П, Майкоп, 1961, с. 123, табл. II, 7; его же, Новый памятник древнемеотской культуры ..., с. 42—43, рис. 2, 6—8.

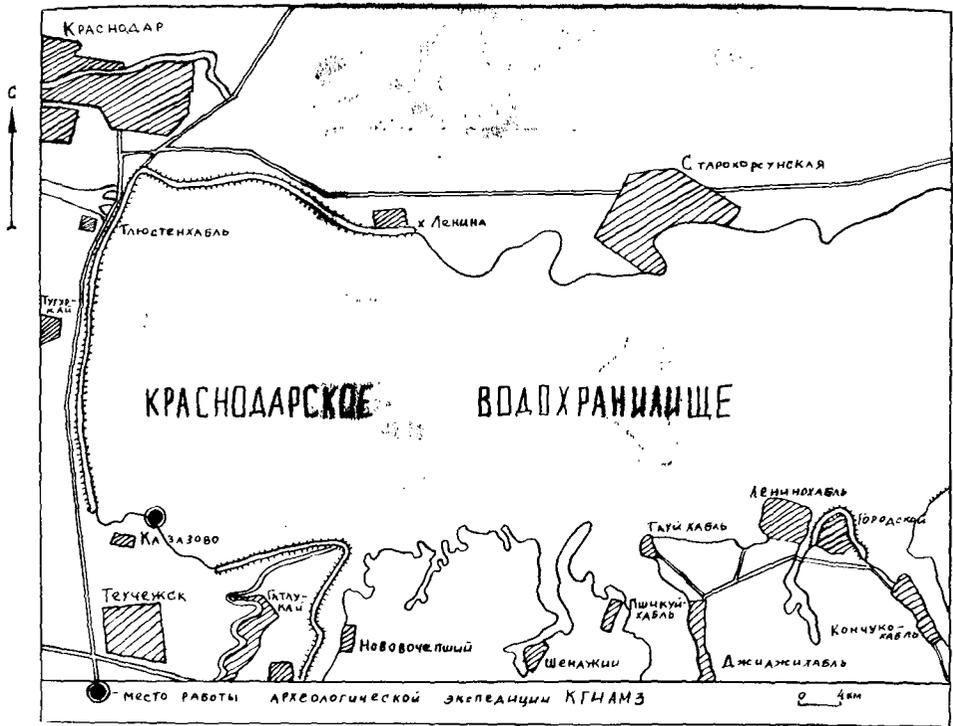

Рис. 1. Место работы археологического отряда Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника в 1986 г.

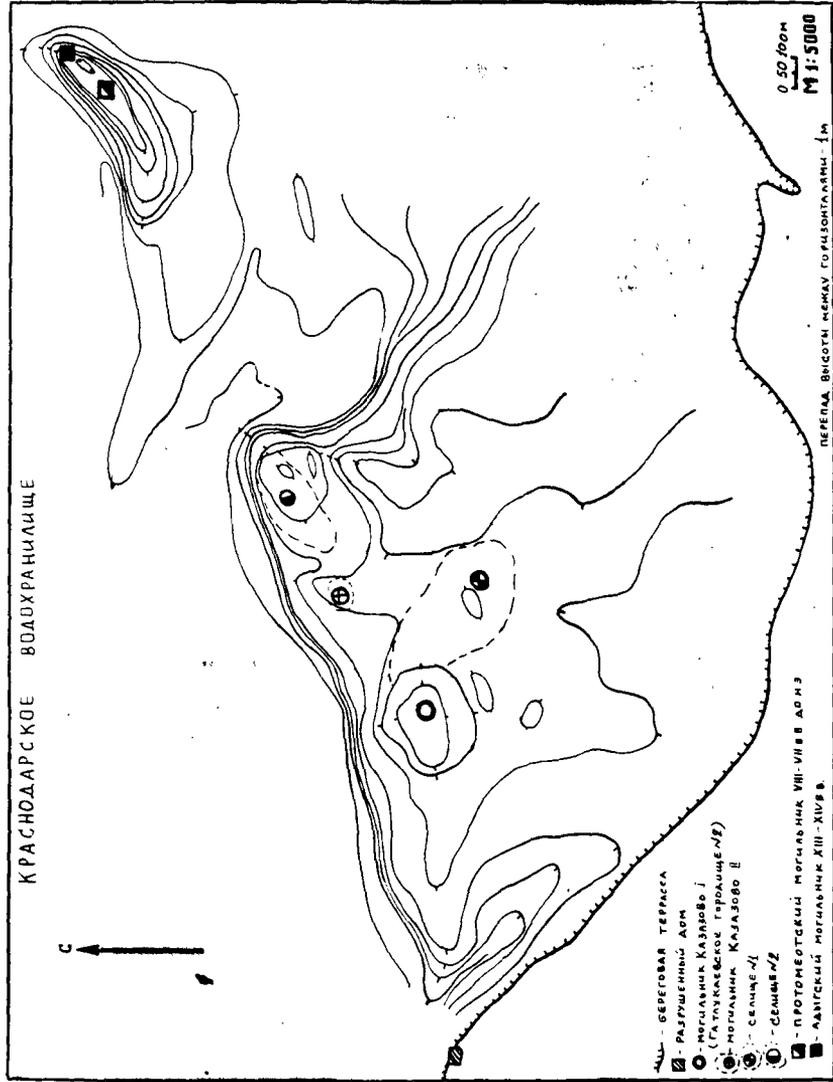

Рис. 2. Местоположение протомеотского могильника близ аула Казаново.

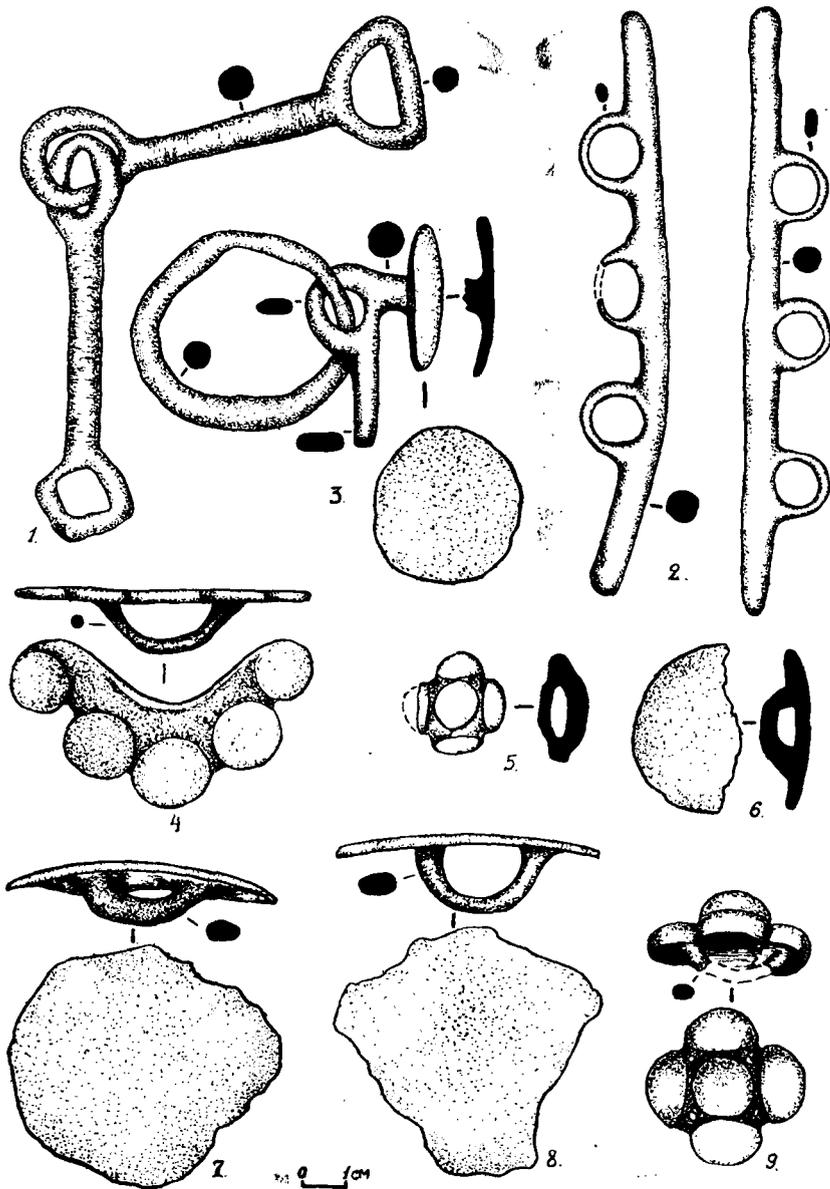
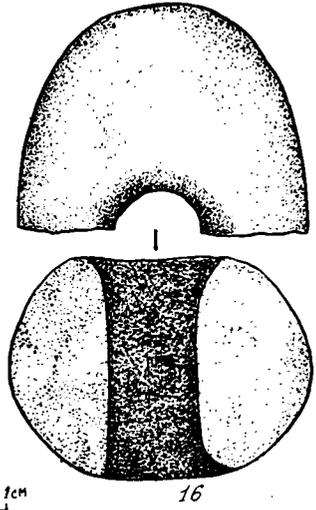
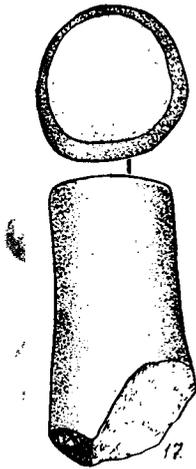
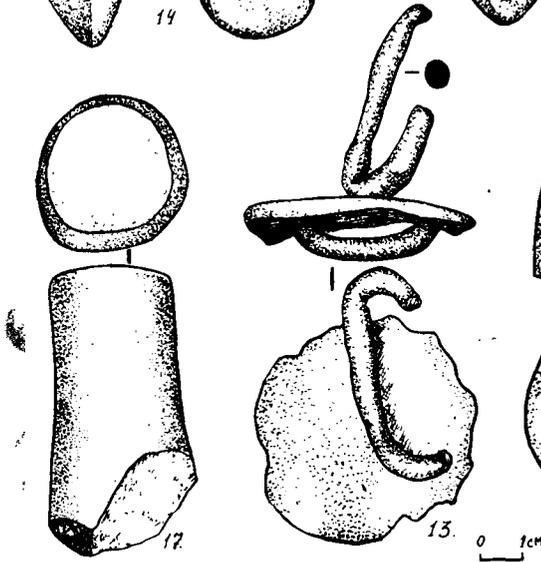
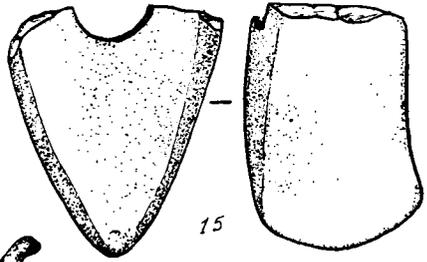
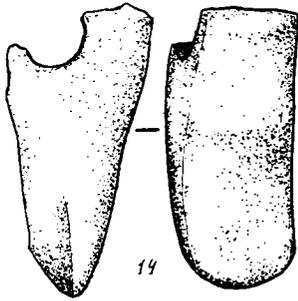
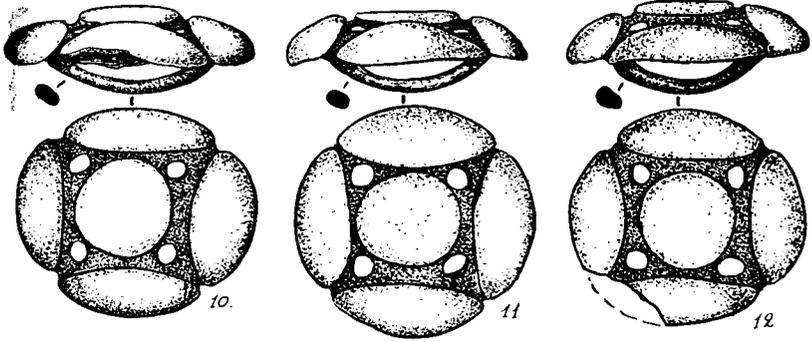

Рис. 3. 1 — удила. 2 — псалии. 3 — кольцо от уздечной сбруи. 4—13 — уздечные бляхи. 14—17 — фрагменты боевых топоров и молотков. /1—13 — бронза, 14—17 — камень/.

0 1cm

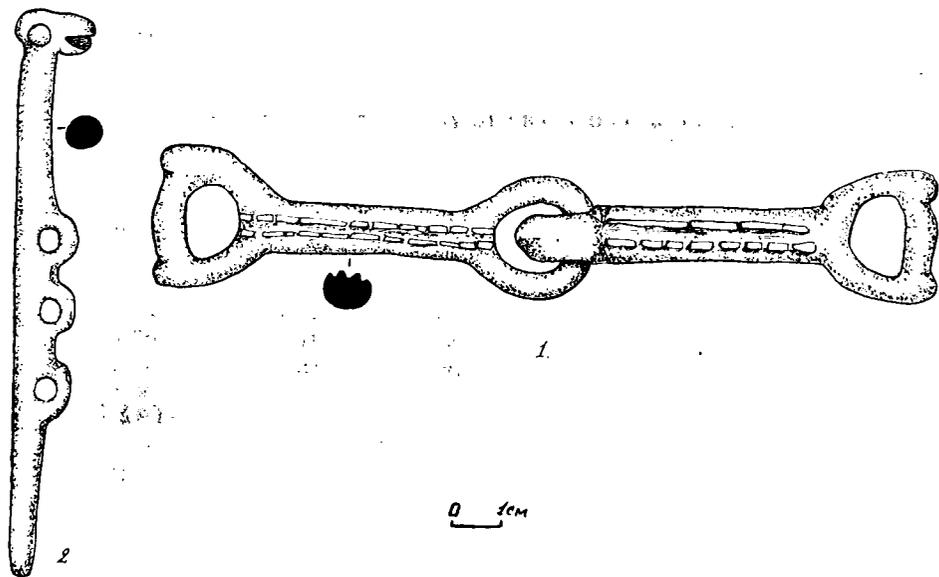

Рис. 4. 1 — удила. 2 — псалий /бронза/.

ПРОТОМЕОТСКИЙ МОГИЛЬНИК ЧИШХО БЛИЗ АУЛА ТАУЙХАБЛЬ В ТЕУЧЕЖСКОМ РАЙОНЕ

Возвышение Чишхо, которое до затопления Краснодарским водохранилищем являлось южным берегом Харзахского болота и левой надпойменной террасой р. Пшиш, расположено в 1,5 км. к северу от а. Тауйхабль Теучежского района Адыгеи.

В процессе интенсивного размыва и постоянных перепадов уровня воды на Чишхо открылись несколько ранее неизвестных археологических памятников, относящихся к разным историческим периодам от энеолита до позднего средневековья.

На отдельных из них в 1983 году отрядом Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока были проведены разведочные раскопки, а в 1986 году — картографирование выявленных поселений и могильников. В настоящее время на этой террасе, кроме названных объектов, размываются более 10 курганов, исследование которых дало бы много информации и археологического материала.

Осенью 1987 года при осмотре Чишхо обнаружен еще один могильник, датируемый по подъемному материалу от второй половины VIII в. до середины VII в. до н. э. Его находка стала возможной благодаря тому, что со всей поверхности возвышения сильными ветрами сдуты высохшие за лето наносы ила и песка, которые закрывали вымытые погребения.

Древний могильник начинается в 150 м к западу от поселения эпохи бронзы и простирается дальше в том же направлении на 250 м, смыкаясь со средневековым некрополем. Границы обоих памятников четко прослеживаются по вымытым костякам с востока на запад, но южные и северные их границы не просматриваются.

В восточной половине протомеотского кладбища почти до основания размыт двухметровый курган. У его Ю-З подножия в слое чернозема обнажились бронзовые предметы, которые и были расчищены. В комплексе оказалось 3 разнотипных набора бронзовых предметов конской узда. Скелеты лошадей и человека не сохранились. Удила с псалями лежали тремя отдельными группами. В восточной крайней находились два цельнолитые с псалями удила и остатки челюсти и зубы лошади. К западу от

них, в 0,65 м располагался комплект, состоящий из двухпетельчатых удил с двумя трехпетельчатыми псалиями, имеющими грибовидные навершия и с концами в виде широкой изогнутой лопасти. По их сторонам лежали две ажурные бляхи. К северу от них, в 0,50 м были положены 2 кольца с подвижными муфтами. Далее, в третьем наборе обнаружены стремяковидные удила с трехпетельчатыми псалиями, от которых к С-З в 0,35 м лежали 2 кольца из узких плоских полос с Т-образным выступом для прикрепления ремня. В С-В углу комплекса оказались несколько фрагментов стенки лепного черноглиняного сосуда.

Отсутствие скелетов, которые были смыты при заполнении чаши водохранилища, не дает возможности установить количество погребений и выяснить, была ли это одна могила или несколько. Сохранились только более тяжелые предметы — бронзовые принадлежности узды. Судя по положению псалиев у концов удил, они лежали в первичном положении. Кольца от сбруи, вернее всего, были перемещены водою.

В первом комплексе находились две пары цельнолитых бронзовых удил, лежащих вытянуто в одну линию с остатками челюсти лошади и несколькими зубами. Удила, будучи однотипными, различались некоторыми конструктивными деталями. Первая пара удил состоит из двух подвижных соединенных звеньев, каждое из которых представляет одно колено удил с насечками, вылитое вместе с псалием. Последний имеет шляпку на одном конце, а другой конец изогнут в виде лопасти. Посреди псалия расположены прямоугольные отверстия для ремня, прилегающие к концу колена удила, а с наружной стороны имеется кольцо для повода (рис. 1). А. А. Иессен считал, что эти удила связаны с изменением в конструкции ременной части оголовья; щечный ремень здесь не разрезался на три отростка по числу отверстий в трехпетельчатом псалии, а целиком пропускался через одно его отверстие и закреплялся в нем.¹ Аналогичные удила имеются в Краснодарском историко-археологическом музее из дореволюционных поступлений, происходящие из Майкопского района.

Вторые удила отличаются от первых тем, что между концами стержней (колен), которые несколько укорочены (дл. 3,5 см), вставлено дополнительное звено (дл. стержня 1 см) с кольцами на концах, соединяющиеся с кольцами колен удил. Псалии, также как и у первых удил, цельнолитые с удилами, но имеют еще дополнительные звенья, подвижно соединенные с наружным кольцом и отлитые совместно с удилами. На конце их имеется двойная шляпка для крепления повода (рис. 2). Такого типа трехчастные удила с дополнительным звеном на Северо-Западном Кавказе, насколько мне известно, встречены впервые. Все опубликованные к настоящему времени удила двухчастные.

Второй комплект состоит из бронзовых удил, двух псалий и двух больших ажурных блях. К северу от них, на расстоянии 0,65 м, лежали два бронзовых кольца с подвижными муфтами. Удила двукольчатые с небольшими шипами (шишечками) на стволах звеньев (колен) (рис. 3а). К ним относятся пара псалиев, лежавших у концов удил. Псалии трехпетельчатые, представляющие изогнутый стержень, на выпуклой стороне в прямой своей части снабжен тремя петлями. Прямой конец псалия имеет небольшую шляпку, а изогнутый оканчивается широкой лопастью (рис. 3б).

Двукольчатые удила, которые А. А. Иессен относит к первому типу, являются более поздними по отношению к однокольчатым удилам. А. И. Тереножкин считал, что «стержневидный псалий с тремя петлями и концом в виде изогнутой лопасти является принадлежностью удила с двукольчатыми концами новочеркасской ступени»². Двукольчатые удила, некоторые с дополнительными звеньями, и трехпетельчатые стержневидные псалии с изогнутой лопастью найдены в следующих пунктах на территории Адыгеи: в Фарсовском могильнике (урочище «Клады») ³, на могильнике Ясеновая поляна близ пос. Колосовки на р. Фарс (случайная находка) ⁴, в Майкопском могильнике «Кочипэ» (раскопки Ловпаче Н. Г., 1985 г.), в Псекупском могильнике ⁵, на хут. Чурикове Красногвардейского района (из разрушенного погребения, 1960 г.). Несколько пар удила и псалии происходят из случайных находок дореволюционного времени из Майкопского округа ⁶. Необходимо указать на находки таких же удила и псалиев в Кубанском могильнике 2-ой пол. VIII — 1-ой пол. VII вв. до н. э. ⁷ и в Абинском могильнике (1974 г.) в Закубанье ⁸.

Две ажурные крупные бронзовые бляхи лежали по одной с наружной стороны псалиев. Бляхи представляют собой большую четырехлепестковую розетку с выпуклыми листьями и вписанной крестообразной фигурой в круге, сочетающуюся с двойным ромбическим знаком, перекрывающим крест. На обратной стороне имеется петля для продевания ремня (диам. 7 см, рис. 4). Близкие по типу бляхи были найдены в разрушенном погребении могильника Казазово-III ⁹.

Ко второму комплексу относятся и два больших кольца от конской сбруи с подвижной муфтой с привеской, оканчивающейся двойной пуговицей для прикрепления ремня (диам. 9 см, рис. 5). Аналогичные кольца известны из Псекупского, Кубанского, Фарсовского могильников.

В третий комплекс входили бронзовые удила и два псалия. Удила со стремячковидными концами с прямой ступенькой, стволы звеньев (колена) гладкие (рис. 6а). Стремячковидные удила появляются на ранней ступени протомеотской культуры и продолжают бытовать до раннемеотского времени. Бронзовые псалии трехпетельчатые с изогнутым и заостренным концом (рис. 6б), лежали у внешних концов удила. К северу от удила на расстоянии 0,35 м находились два больших бронзовых пластинчатых кольца от конской сбруи с Т-образным горизонтальным выступом на ножке для прикрепления ремня; диам. 8,5—9 см, шир. кольца 1,5 см, длина выступа 3—3,5 см (рис. 7).

Все три комплекса одновременны и должны быть отнесены к младшей группе протомеотских памятников — концу VIII — 1-ой половине VII вв. до н. э.

* * *

1. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР //СА, XVIII, М. 1953, с. 92.
2. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 153.
3. Сокровища курганов Адыген. Каталог выставки. М., 1985, с. 64.
4. Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс.—СМАА, т. II. Майкоп, 1961, с. 117, таб. 1, рис. 1—2.

5. Ловпаче Н. Г. Могильник в устье реки Псекупса //ВАА. Майкоп, 1985, с. 43, рис. 2; 5.

6. Иессен А. А. Ук. соч., с. 62—63.

7. Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник х. Кубанского). /Скифский мир. Киев, 1975, с. 35—51.

8. Анфимов И. Н. Древнемеотский могильник близ г. Абинска. //ВАА, Майкоп, 1981, с. 50, рис. 11.

9. См. в данном сборнике статью Анфимова И. Н. Новый комплекс протомеотского времени из Закубанья.

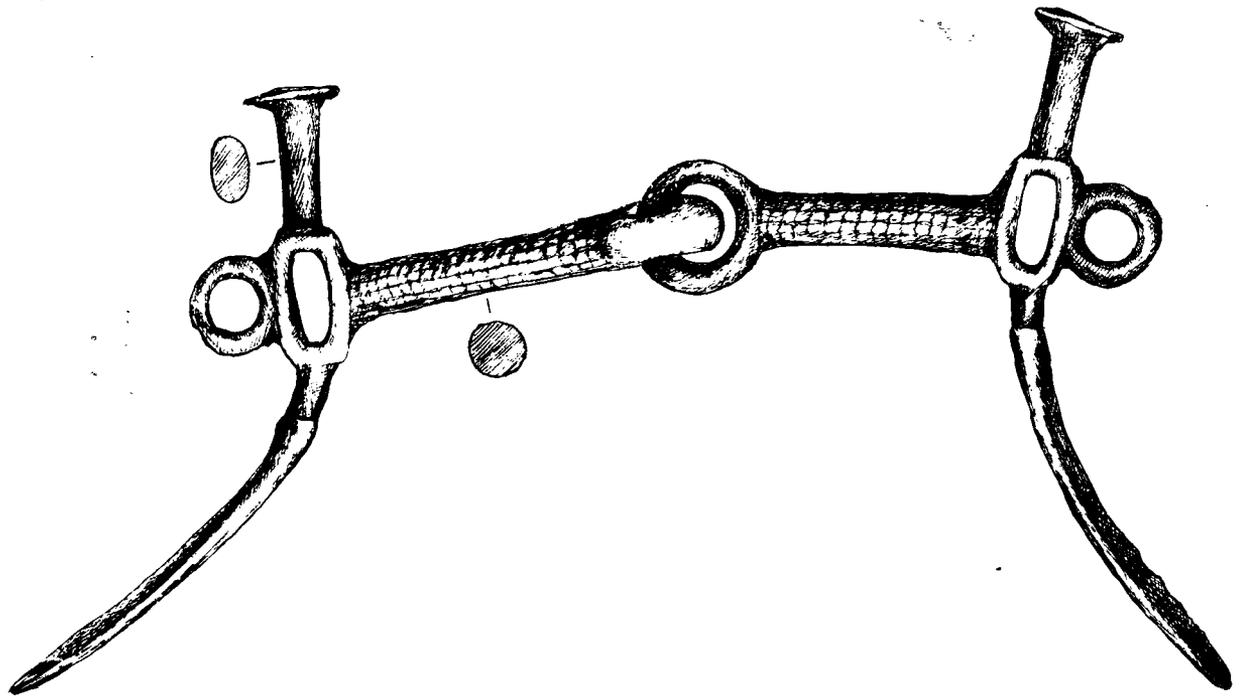

Рис. 1. Протомеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль.

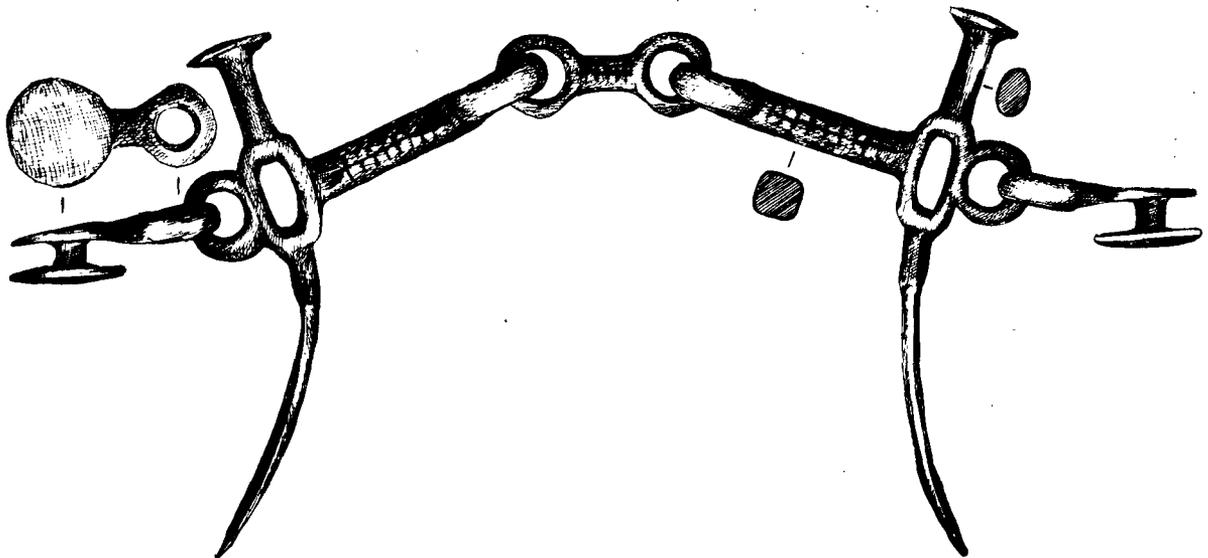

Рис. 2. Протомеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль.

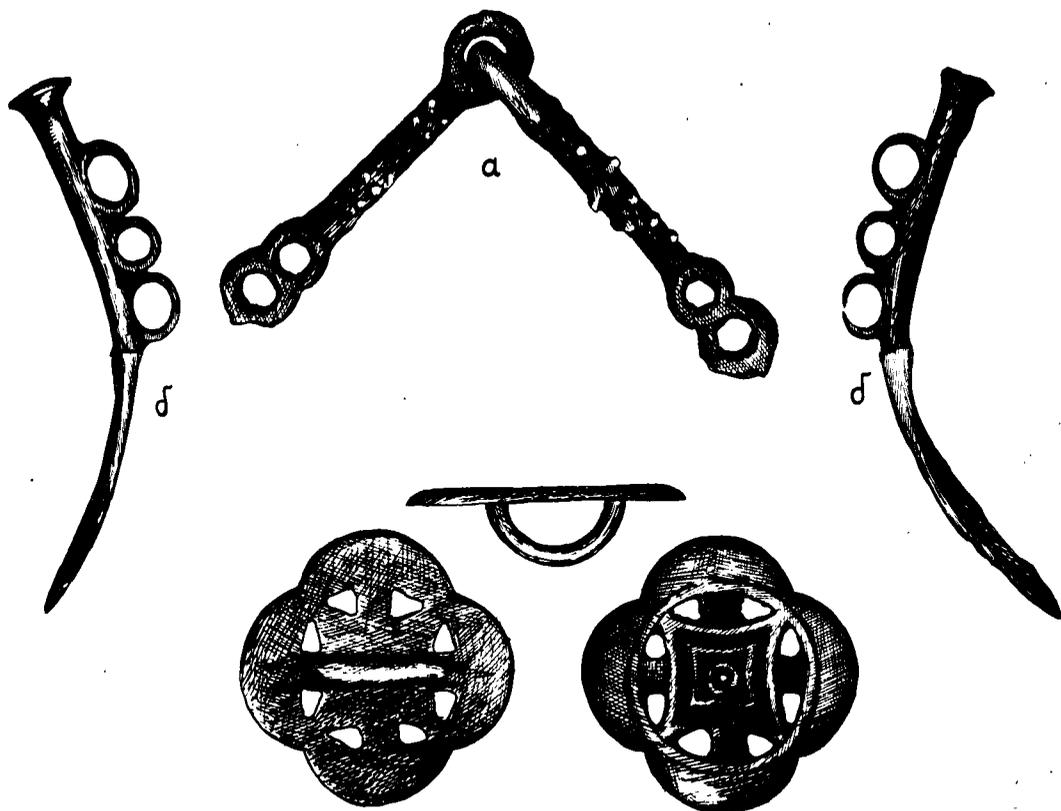

Рис. 3—4. Протогеометрический могильник Чишхо близ аула Тауяхабль.

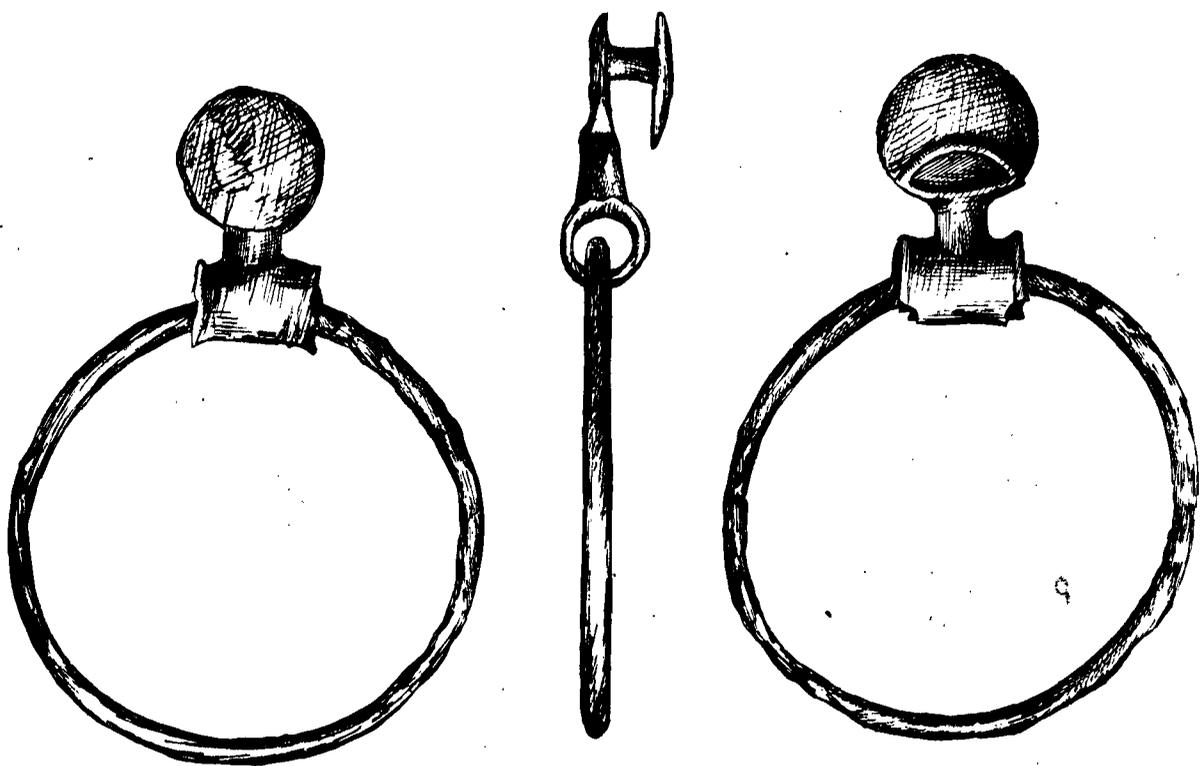

Рис. 5. Протогеометрический могильник Чишхо близ аула Тауяхабль.

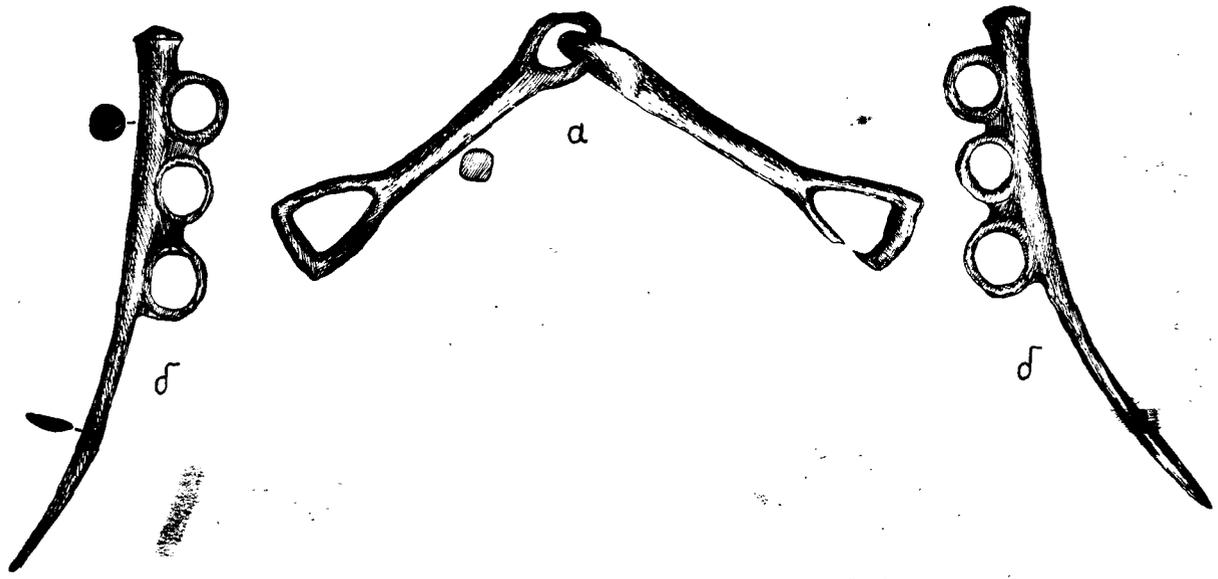

Рис. 6. Протогеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль.

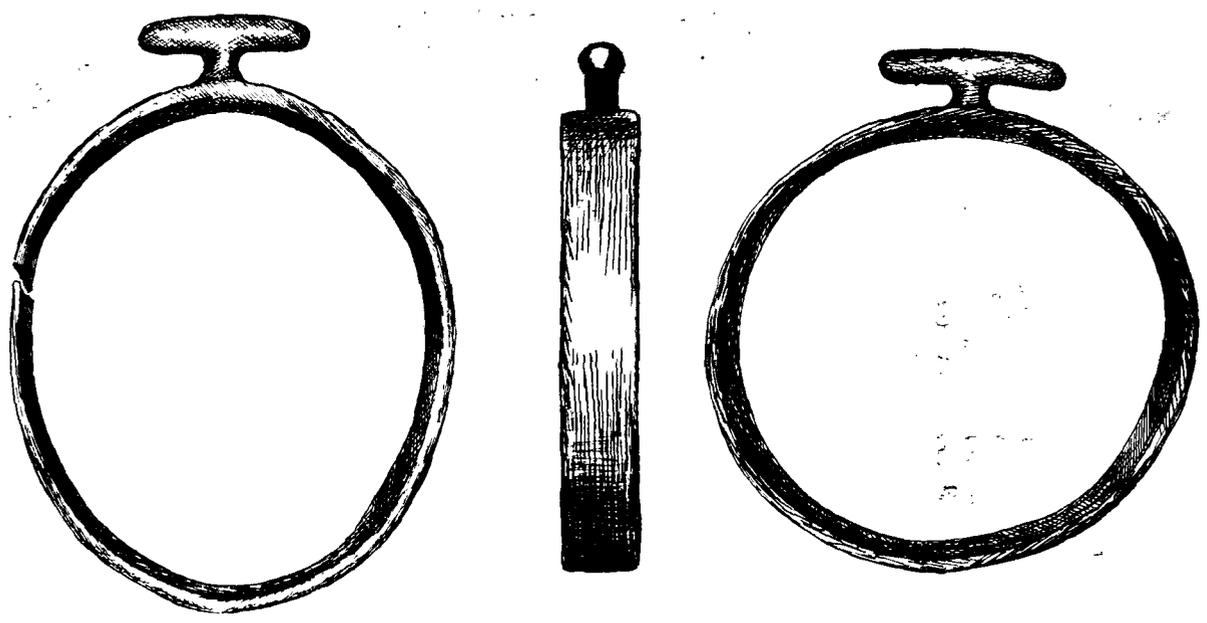

Рис. 7. Протогеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль.

ДВУСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КРАСНОГВАРДЕЙСКОЕ II — ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА КУБАНИ

В 1982 г. было произведено обследование высокой части левого берега Краснодарского водохранилища. Именно здесь, в северной степной части Закубанья в 1962—63 гг. была и открыта и раскопана проф. А. В. Анфимовым часть поселения эпохи поздней бронзы, связанного с кобяковской культурой¹. Это поселение — Красногвардейское I², названное в отчете Николаевской стоянкой, было перекрыто протомеотским Николаевским могильником, который исследовал Н. В. Анфимов в 1958—1963 гг. Территория обоих памятников, находившихся на территории с. Красногвардейское (бывш. Николаевское) Адыгейской АО, застроена больничным комплексом, при возведении которого и был обнаружен указанный могильник.

Памятники, по которым выделена кобяковская культура, поселения Кобяково, Нижнегниловское, Хапры и Сафьяново исследовались автором в дельте Дона во время работ экспедиций ЛОИА АН СССР (1956—62, 66—67, 70 гг.); истоки кобяковской культуры предположительно локализовались в степном Прикубанье⁴, что и подтвердилось впоследствии материалами поселения Красногвардейское I.

Все сказанное привело к необходимости продолжить поиски памятников конца бронзового века в указанной части берега водохранилища, являющегося надпойменной террасой Кубани. В результате таких поисков в 2 км к югу от пос. Красногвардейское I в 1982 г. было открыто двуслойное поселение Красногвардейское II. От нового памятника, занимавшего до сооружения водохранилища значительную площадь, к сожалению, сохранился участок в 200 кв. м. — единственное место вдоль берега, свободное от посевов и самое высокое (5—6 м). Мощный культурный слой прослеживался вдоль берегового обнажения на протяжении 300 м к северу и к югу от обнаруженного участка. Большая часть поселения, с юга и запада, к моменту его обнаружения была снесена водохранилищем; с востока и севера поселение ограничено частными огородами села Красногвардейское, перекрывшими и остальную часть памятника (рис. 1). Вы-

сокий берег восточной части водохранилища разрушается и по сей день, иногда с быстротой 2 м в год. Таким образом работы на памятнике носили спасательный характер. Настоящая статья посвящена анализу материала поселения, от которого уцелел небольшой островок в 200 кв. м, но со значительной общей мощностью обоих слоев (2,0—2,2 м), исследованных Красногвардейским отрядом Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР за три полевых сезона (1983—85 гг.)⁵. Краткая характеристика протомеотского материала по раскопкам первого года опубликована⁶.

Состав и характер находок из обоих слоев пос. Красногвардейское II позволили связывать верхний слой с протомеотским поселением начала эпохи раннего железа, нижний слой — с поселением эпохи поздней бронзы того же типа, что и соседнее пос. Красногвардейское I, т. е. с кобьяковской культурой.

Стратиграфия. Граница между обоими слоями памятника фиксировалась довольно резким сокращением числа находок, а также уровнем залегания строительных остатков протомеотского времени. Верхняя часть протомеотского слоя, нарушенная распашкой на глубину до 0,3 м (т. н. пахотный слой), содержала измельченную керамику и кости животных. Мощность протомеотского слоя составляла 1,3—1,5 м. Переход от серого протомеотского слоя (темного сверху и светлеющего книзу) к светло-коричневому слою поздней бронзы постепенный, но четкий. Такая окраска слоя свидетельствует не только о почвообразовательном процессе. Слой эпохи поздней бронзы, залегающий с глубины 1,3—1,5 м от современной поверхности*, имел меньшую толщину — 0,6—0,7 м и тоже светлел книзу. Материкивый суглинок везде залегал горизонтально, с глубины 2,1—2,2 м. Мощность протомеотского слоя и число фрагментов керамики в нем превышают: в два раза мощность слоя поздней бронзы, а также в пять раз количество фрагментов керамики и почти в три раза число обломков костей животных в последнем.

Описанный характер изменений цветности культурных слоев, как и отсутствие стерильной прослойки между ними, а также их различные толщина и численность находок говорят, скорее всего, об очень незначительном хронологическом разрыве между существованием обоих поселений (может быть, этот разрыв совсем отсутствовал?) и более активной и продолжительной жизни на протомеотском поселении.

Слой эпохи поздней бронзы. Наибольшее количество находок залегало непосредственно под протомеотским слоем; на последних двух штыках, на глубине 1,7—2 м находки были малочисленны. Всего в слое поздней бронзы обнаружено 2420 фрагментов сосудов, что составляет 16% от общего числа фрагментов керамики из обоих слоев (14590 фрагментов).

В юго-восточном углу кв. Ж4, на расстоянии 0,85×0,6 м и на глубине 1,57 м располагалось скопление керамики: 24 стенки от большого голстостенного сосуда, 18 обломков от различных сосудов, а также 3 каменных изделия из плоской гальки и 2 обломка костей животных.

Несколько ниже этого скопления, всего на расстоянии в 1,3 м к юго-западу от него, на кв. Ж5—Е5 находились на глубине 1,6—1,8 м остат-

* Все глубины измерялись от уровня современной дневной поверхности.

ки глинобитного очага (№ 1) округлых очертаний, диаметром 0,7—0,8 м. Очаг представлял собой развал из кусков обожженной глиняной обмазки и нескольких, растрескавшихся от воздействия огня, крупных галек (13×7 см). В двух случаях куски глиняной обмазки залегали в «сочленении» с этими камнями. Очевидно, камни, обмазанные глиной, входили в конструкцию очага. Непосредственно под очагом располагалась яма (№ 1), устье которой разрушено просадом развала очага и сурковинами. Контуры ямы 1, вырытой в светло-коричневом культурном слое до уровня желтоватого материка, улавливались с трудом. Книзу яма 1 слегка сужалась, диаметр ее дна 0,47 м, высота стен 0,25—0,36 м. В развале очага 1 и под ним, т. е. начиная с уровня устья ямы 1, обнаружено 60 фрагментов сосудов, кремневое изделие и 42 обломка костей крупных и мелких копытных. Среди керамики были крупные сосуды: коричневатолощевый кувшин с нарядным геометрическим узором (рис. 3, 4); четыре других сосуда розоватого и коричневатого цвета, на двух из них парные налеты (рис. 3, 9, 11). Найдены также обломок края «сковороды-жаровни», миниатюрный баночный розоватый сосудик и костяная круглая пуговица (рис. 2, 10; 5, 1, 2).

Судя по характеру конструкции очага 1 и связанной с ним ямы 1, а также по составу материала в них, перед нами, возможно, культовое сооружение.

В 3,5 м к югу от очага 1, почти на одном с ним уровне, на границах кв. кв. Е7—Ж7 выявлена небольшая хозяйственная яма (№ 2) диаметром 0,6 м, высотой стен около 0,22 м. Контуры ямы 2 прослеживались нечетко, так как ее заполнение и слой, в котором она вырыта, почти не различались. Находки в яме лежали *in situ*, горизонтально и двумя уровнями. Большинство находок в яме 2 залегали почти на уровне ее устья: кусок глиняной обмазки, обломки грубоватого горшка, обмазанного жидкой глиной и с небольшим гладким валиком, обломки стенок и дна от светло-желтого сосуда, обломки от разных сосудов и чаши, обломки каменного изделия и круглой глиняной поделки (рис. 2, 1; 5,6); ниже указанных находок на 15 см залегали 7 камней без следов работы, лежавшие вперемежку с таким же количеством черепков.

Вышеизложенное позволяет предположить, что скопление находок на кв. Ж4, очаг 1 с ямой 1 и яма 2, находясь на одном уровне и сравнительно недалеко друг от друга, составляют остатки какого-то жилищно (с культовым очагом)-хозяйственного комплекса площадью 5,5×2 м.

Вещевой материал из слоя поздней бронзы. В основном это керамика — 2420 фрагментов, в числе которых присутствуют венчики примерно от 200 сосудов. К керамике относятся также 13 глиняных поделок. Кроме того, в слое содержалось 85 обломков (обычно мелких) глиняной обмазки, отличающихся по конфигурации от кусков глиняной обмазки из протомеотского слоя; в последнем их встречено в четыре раза больше. В состав вещевого материала входят 20 обломков крупных каменных орудий, кремневые изделия (13) и отходы (18) и 2 костяных изделия. В слое обнаружено 750 костей животных.

Посуда представлена двумя основными группами: 1 — хозяйственная, или кухонная и 2 — столовая, составляющая 12% по всем фрагментам

или 24% по венчикам среди всей керамики в слое. Формы этой посуды аналогичны кобяковской керамике соседнего пос. Красногвардейское I. Крупные сосуды встречались преимущественно в ямах и очаге.

К кухонной посуде относятся плавно профилированные горшки, которым принадлежат примерно 150—160 венчиков среди 2120 фрагментов кухонной керамики. Плечики горшков иногда орнаментировались небольшим гладким валиком (10 случаев), и очень редко валиком, расчлененным овальными вдавлениями или насечками (2 случая) (рис. 2, 1, 6, 8, 11); изредка употреблялись прочерченные узоры из штрихов, «елочки», свисающих заштрихованных треугольников (рис. 2, 3, 5).

Для некоторых горшков, в том числе и для орнаментированных гладким валиком, характерно своеобразное оформление поверхности, нередко от венчика до дна: обмазка жидкой глиной (до обжига) в виде мелких комочков и мазков (30 фрагментов от различных сосудов) (рис. 1, 4, 7, 11, 12). Такой же прием обработки поверхности сосудов встречен на пос. Красногвардейское I (4 случая). Указанная обработка поверхности сосудов в целом характерна и специфична для керамики Северо-Восточного Кавказа с периода ранней бронзы вплоть до скифского времени ⁷, а также и для каякентско-хорочоевской керамики, например, на пос. Ачису поздней бронзы в Дагестане, синхронизируемом с донскими кобяковскими поселениями ⁸. Однако на Северо-Восточном Кавказе глиняная обмазка грубая, в Ачису ею покрыты толстостенные сосуды. На Кубани обмазка представлена аккуратными мелкими, узкими мазками, покрывающими обычные сосуды.

На фрагментах двух сосудов (стенка и венчик) сохранились вертикальные мазки темно-бурой краски (рис. 2, 9), известные и на нескольких сосудах из кобяковских поселений Нижнего Дона. Три фрагмента принадлежали сосудам типа «жаровень», или «сковородок» высотой 1,5—2 см, с коротким, изнутри покатым бортиком, край которого иногда покрыт косыми вдавлениями (рис. 2, 10).

К столовой посуде относятся около 300 фрагментов, среди которых содержатся венчики примерно от 50 сосудов. Столовая посуда более тщательной, аккуратной выделки, глиняное тесто лучше отмучено. Это сравнительно тонкостенные сосуды, нередко лощеные или залощенные. Они делятся на несколько типов: черпаки, кубки и кувшины, корчаги, чаши, миски. Цвет их поверхности светло-серый, розоватый, коричневатый и темный.

Черпаки представлены обломками ручек, стенок с обломанными ручками или следами от них (рис. 4, 13—16). Фрагментарность черпаков не позволяет точно реконструировать их форму. Но судя по кобяковским (Нижний Дон) и протомеотским экземплярам, можно предположить, что ручки возвышались над венчиком. Сечение ручек овальное или округлое.

Кубки и кувшины (без ручек), различающиеся размерами, судя по фрагментам и нашим представлениям об этих типах сосудов, имели прямое горло со слегка отогнутым краем и округлое тулово (рис. 3, 1, 3, 4, 6—10).

Корчаги, близкие кувшинам и высотой до 30 см, имели невысокое горло, иногда с отогнутым краем, и округлое тулово плавного биконического профиля; для них тоже характерно украшение круглыми парными или одиночными налепами (рис. 3, 11). Небольшие чаши обладали короткой ото-

гнутой шейкой, сравнительно широкого диаметра и четко отделяющейся от слегка округлого тулова (рис. 3, 2). Невысокие миски имели слегка вогнутый внутрь край устья и округлые стенки (рис. 3, 5).

Черпачки, кубки и кувшины украшались нарядным геометрическим узором, выполненным врезными линиями или мелко-зубчатым штампом (рис. 3, 1, 4, 7; 4, 1, 3, 7, 8, 11, 12, 16—18), реже — веревочными оттисками (3—4 случая); последние на имеющихся фрагментах не очень четки и сочетались с врезными линиями (рис. 4, 2, 5, 6, 9, 10). В орнаментации столовой посуды на пос. Красногвардейское I преобладал веревочный штамп (рис. 12, 5, 7, 9), а мотивы его узора — свисающие треугольники (выполненные и зубчатым штампом) (рис. 12, 1, 4—6) — довольно выразительны и совершенно аналогичны узорам столовой посуды кобяковских поселений Нижнего Дона. Основные мотивы врезного орнамента Красногвардейского II, прослеженные по сохранившимся фрагментам: заштрихованные свисающие треугольники и зигзагообразные ленты, создающие иногда композицию (рис. 4, 8, 12). Орнаментация зубчатым штампом, обнаруженная на крупных лощеных сосудах серо-коричневатого оттенка, представляла одну из характерных кобяковских композиций: одна или две горизонтальные заштрихованные полосы, под которыми свисали заштрихованные треугольники (рис. 3, 4, 7).

Среди обломков от 12-ти различных глиняных поделок содержатся модели двух колесиков, коническое и круглое пряслица, «колесико» — грузик из стенки сосуда, стерженек, округлое изделие с отверстием в центре, «лелешка» (?) (рис. 5, 3—6, 11, 14) и пять предметов неясной формы. В числе 20-ти крупных каменных изделий, представленных чаще обломками, присутствуют орудия для обработки металлических предметов (две гладилки, два точила, песты-молоточки), песты-терки, песты, ложило и т. п., а также обломок обушковой части сверленого топорика, чуть расширяющегося к проушине (рис. 5, 9). В составе кремневых изделий 18 отходов и 15 орудий: 11 сколов, 4 отщепа, 3 нуклеуса, а также долотовидное и дисковидное орудия, орудие без ретуши, ножичек, 2 орудия типа струга, 2 скребка, отбойник, обломок наконечника дротика (рис. 6, 6—10) и 5 серповых вкладышей (рис. 6, 1—5) *. Костяные изделия: пуговица и т. н. «конек» из метаподии копытного (рис. 5, 2, 8). «Конек» — изделие, широко распространенное на поселениях эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье и встреченное в Западной Сибири (пос. Алексеевка на Тоболе).

Протомеотский слой. находки из этого слоя распространены по всей его глубине. Наибольшее их количество фиксировалось на 4—6 штыках, т. е. на глубине 0,9—1,2 м. На этом уровне концентрировались и наиболее крупные фрагменты керамики. Так, на кв. Д4, на глубине 0,9—1,3 м и на площади 0,85×0,45 м залегало большое скопление крупных фрагментов, больших в основном сосудов различной формы и выделки, 3 обломка глиняной обмазки и 28 обломков костей животных. Здесь среди 190 обломков керамики содержались фрагменты примерно от 18 сосудов (серый лоще-

* Функциональное назначение крупных каменных и кремневых изделий из обоих слоев определено в Экспериментально-трассологической Лаборатории и Секторе палеолита ЛОИА АН СССР.

ный кувшин, светлоглиняный кувшин с высоким горлом; три сосуда с «воротничком» по краю венчика, три грубых толстостенных баночных сосуда, один из которых с коротким вертикальным налепом под устьем; мелкая миска и т. д.). В 3,5 м к юго-востоку от этого скопления, на кв. Ж5 и на той же почти глубине (0,9—1,0 м) находилось еще одно скопление находок, рассеянное на площади 1,1×0,95 м: 45 фрагментов керамики (обломки стенок и днищ от пяти крупных сосудов, одной миски, черпака и мелкие фрагменты стенок от различных сосудов), 10 кусков крупной глиняной обмазки, каменное точило и орудие из гальки.

На кв. кв. Ж5—Ж7 были открыты строительные остатки. В 0,6 м к востоку от скопления описанных находок, на том же кв. Ж5, вдоль восточного борта, на глубине 1,2 м, т. е. в нижней части слоя обнаружены *in situ* остатки, сооруженной из необработанных камней (10×7 см), однорядной вымостки, размерами в плане 0,47×0,25 м; часть вымостки «уходила» под борт раскопа. В 1,8 м к югу от этой вымостки и на той же глубине, также вплотную к восточному борту располагались остатки глинобитных полов, залегающих строго горизонтально, в первичном залегании и тоже «уходивших» под борт раскопа. Размеры полов в плане 0,7×0,32 м. Структура полов: обожженная глина, обмазанная сверху тонким слоем глины, а поверх нее — белым покрытием, сохранившимся на пространстве 0,5×0,13 м. Толщина глиняной обмазки и белого покрытия 1—1,5 см, общая толщина полов местами достигала 10—15 см.

В пределах расположения описанных строительных остатков обнаружено наибольшее число находок: около 250 обломков керамики (среди них 27 крупных фрагментов от трех сосудов), 3 каменных изделия, 2 кремневых обломка, обломок модели глиняного колесика, 6 кусков глиняной обмазки, 2 обломка костей животных.

Вещевой материал из протомеотского слоя. Основная масса находок, как это обычно бывает на поселениях, принадлежала сосудам: 12170 фрагментов, среди которых находились венчики примерно от 900—930 сосудов. В состав керамики входили также 11 различных поделок. Помимо этого обнаружено 347 обломков глиняной обмазки со следами белого покрытия на плоской стороне (остатки полов) или, но реже, с отпечатками каркаса (обломки стен), принадлежавших, очевидно, разрушенным турлучным постройкам. Но лишь в одном случае, как мы показали выше, остатки полов сохранились в первичном залегании. К вещевому материалу относятся также обломки 48 крупных каменных орудий, кремневые изделия (32) и отходы (44) * и малочисленные костяные (4), железные (2) и бронзовые (2) изделия. Кроме того в слое присутствовало огромное число обломков костей животных (2120).

Керамика, как и в слое поздней бронзы, состоит из двух основных групп: 1 — хозяйственная, или кухонная и 2 — столовая, представляющая 15% по всем фрагментам среди всей керамики в слое.

Хозяйственная посуда включает большое разнообразие форм, что и обусловило выделение нескольких типов. Фрагментарность

* Видимо, некоторая часть крупных каменных и кремневых изделий и отходов могла относиться к нижнему слою, особенно в случаях залегания на границе обоих слоев.

материала позволила осуществить такую классификацию по характеру профилировки и оформления верхней части сосудов. Сосуды имели различные размеры и форму. Цвет поверхности довольно разнообразный: серый, темно-серый, желтоватый, розовый, коричневатый. В глиняном тесте присутствует примесь мелкого песка (реже крупного) и мелких блесток слюды.

Первый тип. Сосуды с почти прямым венчиком и с характерным широким плоским утолщением — «воротничком» по его краю (рис. 7, 1, 2, 4). Такой прием оформления венчика свойственен протомеотской посуде и продолжал применяться на раннемеотских сосудах из III-го слоя VI—V вв. до н. э. Кавказского городища, располагавшегося на правом берегу Кубани, в восточной части меотского ареала⁹. Похожий «воротничок» лишь изредка встречается (по 2—3 случая), не являясь характерным, на керамике поселений: Псекупское (раскопки Ловпаче Н. Г. в 1983—84 гг. в 40 км к западу от пос. Красногвардейское II) и Чишхо близ Тауыхабля (раскопки Лапушняна В. Л. и Деопика Д. В. в 1983 г.); Кужорское под Майкопом (разведка Нехаева А. А. в 1984 г.) и Заслонка на Урупе (фонды Краснодарского музея; раскопки Анфимова Н. В. в 1966 г.).

Второй тип. Сосуды тоже с почти прямым венчиком, под краем которого или несколько ниже находится небольшой гладкий валик (иногда треугольный в сечении), нередко имеющий вид утолщения либо небольшого четкого уступа (50 случаев) (рис. 7, 7, 10, 12; 8, 12). Такой же рельефный узор известен на керамике соседнего пос. Красногвардейское III, от которого сохранился ежегодно затопляемый островок (открыт А. А. Нехаевым в 1980 г.)¹⁰ и, как будто, в двух случаях на пос. Ясенова Поляна (но материал очень фрагментарен), где однако для керамики характерен расчлененный валик в 1—3 ряда (коллекция Археологического кабинета АНИИ). Валик, расчлененный узкими, реже пальцевыми вдавлениями (4 случая) представлен исключительно редко на сосудах Красногвардейского II (рис. 8, 2, 3, 6).

Орнаментация гладким, но чаще расчлененным валиком под краем венчика свойственна керамике бондарихинской лесостепной культуры поздней бронзы — начала раннего железа. Известно, что расчлененный, обычно крупными вмятинами, валик, расположенный нередко в два ряда — по краю венчика и под ним, присущ керамике раннескифского времени степной, но особенно лесостепной зоны (Бельское городище, например, и др.). Украшение таким расчлененным валиком распространено на керамике поселений Закубанья, несколько более поздних, переходного времени от протомеотского к раннемеотскому (Псекупское, Чишхо, Ясенова Поляна).

Все сказанное позволяет на примере сосудов Красногвардейского II с гладким валиком (в основном в тех случаях, когда валик не имеет вид уступа или утолщения) выявить наиболее архаическую предскифскую керамику эпохи раннего железа, восходящую к традиции периода поздней бронзы, для которой характерен валик, чаще гладкий нежели расчлененный и расположенный всегда на плечиках сосудов.

Третий тип. Сосуды со своеобразной рельефной орнаментацией

венчика, опоясанного тремя слегка уплощенными валиками — 25 случаев (рис. 7, 3, 5) (в предыдущей публикации подчеркивалось своеобразие этих сосудов, но они были объединены со вторым типом керамики). Этот своеобразный узор, напоминающий рифление, видимо, имеет очень небольшой ареал; четкие аналогии в Закубанье ему пока неизвестны. Рельефный узор, несколько напоминающий такой орнамент, известен лишь в одиночных случаях на керамике поселений Псекупское, Тенгинского городища 2 (раскопки Н. В. Анфимова в 1947 г.— Фонды Краснодарского музея), Кужорское и Заслонки, а также, как будто, на кобанских сосудах Карачаево-Черкесии¹¹.

Первые три типа сосудов специфичны для протомеотской керамики Красногвардейского II.

Четвертый тип — горшки различной профилировки и размеров, изредка орнаментированы (рис. 7, 6, 8, 15, 17).

Пятый — восьмой типы малочисленны. Это — баночные формы с прямыми стенками (8—10 экз.) либо редкие грубые боченковидные (4—5 экз.) (рис. 7, 11, 13, 18; 8, 4); глубокие миски с прямыми расширяющимися стенками (7 экз.); «сковороды»-жаровни (3 экз.) (рис. 7, 9; 8, 9) и большие сосуды во фрагментах с прямым устьем — типа пифосов (9 экз.) (рис. 7, 14, 16).

Возможно, с сосудами четвертого типа связаны простые узоры углубленного или прочерченного орнамента, редко применяемые и встреченные в основном на обломках стен и снаружи одного доньшка (рис. 8, 11). Это различные насечки и штрихи, линии, вдавления, иногда в виде «елочки» — всего 8—9 случаев (рис. 8, 1, 5, 7, 8, 10).

Столовая посуда подразделяется на несколько типов (чарки, кубки, кувшины, чаши, миски, баночки) и более тщательной выделки. В глиняном тесте примеси те же, что и в кухонной посуде, но более измельченные. Поверхность сосудов обычно лощеная или залощенная, ее цвет разнообразен — желтовато-бежеватый, розовый, охристый, серый, реже темный. Спецификой этой керамики является часто встречающееся различие цвета между внутренней и наружной поверхностями сосуда. Типы столовой посуды из протомеотского слоя и из слоя поздней бронзы этого же поселения и соседнего — Красногвардейского I — в целом совпадают, но имеются и отличия, о которых будет сказано ниже.

Первый тип — тонкостенные черпачки, представленные многочисленными обломками ручек, а также венчиков. Черпаки слабо профилированы, среди них намечаются три варианта формы. 1. Наиболее распространены экземпляры с коротким отогнутым венчиком, иногда в виде раструба. Слегка расширяющиеся кверху, почти прямые стенки плавно переходят к округло-уплощенному донцу, нередко с вмятиной снаружи (рис. 9, 5, 6, 10; 11, 16). Эта форма характерна для могильников Николаевского, Псекупского и Ясеновая Поляна¹². 2. Экземпляры с почти прямым или слегка отогнутым венчиком, плавно переходящим в округлые бока (рис. 9, 8). Аналогичная форма встречается в Николаевском могильнике, а также Псекупском¹³. 3. Сосуды с прямыми стенками, типа кружки (рис. 9, 2), также известные в Николаевском могильнике¹⁴. Ручки черпаков (110 обломков) обычно овальные в сечении и

возвышаются над венчиком (рис. 10, 6—10, 13); в трех случаях покрыты врезным узором из вертикальных линий или «елочки» (рис. 10, 6, 8). На трех ручках сохранились намечающиеся «рожки» (рис. 10, 10, 13); то же встречено на ручках двух черпаков Николаевского и Абинского могильников¹⁵.

Черпаки часто орнаментировались врезным геометрическим узором. Основные мотивы узора: заштрихованные свисающие треугольники или зигзагообразные ленты (всего около 60 случаев) (рис. 11, 1, 4, 8, 9), которые иногда образуют характерную композицию (10 случаев), известную и на черпаках Николаевского могильника¹⁶. На двух фрагментах сохранилась инкрустация белой пастой. Менее распространен мотив «сетки» в виде широкой горизонтальной полосы под краем устья или свисающих треугольников (18 случаев, из которых в одном — инкрустация белой пастой) (рис. 9, 10; 11, 7, 10), известный в одном-двух случаях в могильниках Николаевский, Псекупский, Ясеновая Поляна и Ново-Пеховский¹⁷. Редким мотивом орнамента, встречаемым и на черпаке Николаевского могильника¹⁸, являются заштрихованные ромбы, расположенные в горизонтальный ряд (4 случая) (рис. 11, 3).

Приводимые нами аналогии некоторым чертам протомеотской керамики Красногвардейского II в керамике других памятников Кубани (помимо протомеотских могильников) отражают то общее, что определяется в целом одной эпохой — началом раннего железа.

Второй тип — кубки с выраженным горлом, край которого нередко косо срезан внутрь (рис. 9, 1, 3, 4); они как будто соответствуют некоторым формам из Николаевского могильника¹⁹.

Третий тип — большие кувшины с прямым горлом и округлым туловом; судя по материалам Николаевского могильника, разнообразны по форме (рис. 9, 11, 12, 18). Среди них выделяются немногочисленные корчаги (рис. 9, 18). Кувшины нередко снабжены ручкой, округлой или овальной в сечении (рис. 10, 11, 12), что фиксируется и в материалах того же могильника²⁰. Край горла, отогнутый в различной степени, у крупных экземпляров иногда имеет вид резкого горизонтального отгиба, как у кувшинов из прото- и древнемеотских могильников²¹ и как у кобанских форм; влияние последних прослеживается на сосудах из протомеотского могильника на р. Фарс (раскопки А. Д. Резепкина, А. М. Лескова).

Кубки и кувшины иногда украшались, судя по сравнительно крупным фрагментам стенок. Основные мотивы врезного узора: упомянутые выше заштрихованные зигзагообразные ленты, составляющие обычно несколько рядов или сочетающиеся, как и на черпаках, со свисающими треугольниками (рис. 11, 2, 11, 14). Редкими мотивами являются: горизонтальные линии (10 случаев) (рис. 11, 5—6) и «лесенка» (1 случай)²². Мотив «лесенки» свойственен керамике раннего железного века и встречен, например, в Кубанском могильнике²³. Специфичен для посуды Красногвардейского II врезной «струйчатый», или волнистый узор из свисающих треугольников (5 случаев) (рис. 11, 12). Характерно украшение столовой посуды парными налетами — коническими, круглыми, реже удлиненными (11—12 случаев), распространенными и на кувшинах Николаевского могильника²⁴.

Четвертый тип — чаши с широким устьем и в различной степени округлыми боками (рис. 9, 20; 10, 1—2); орнамент известен лишь на одном экземпляре: врезные вложенные углы (рис. 10, 3). Пятый тип — немногочисленные прямостенные баночки (5—6 экз. (рис. 10, 4)). Шестой тип — многочисленные миски со скругленными стенками (65 экз.). Украшались изредка: узкое рифление (2 случая), глубокий желобок (5 случаев), вертикальные или круглые налпы (по 1 случаю) (рис. 9, 13—17, 19).

Обломки 11-ти глиняных поделок составляют модели двух колесиков, 5 «колесиков» — грузиков из стенок сосудов — таких же, что и в слое поздней бронзы, и связываемых с ткачеством (рис. 5, 7, 10, 13) и 4 неопределимых изделия. Так называемые модели колесиков распространены в культурах финальной бронзы — начала раннего железа: на пос. Кобяково в Нижнем Подонье и в обоих слоях Красногвардейского II, на поселениях кобанских, Ачису в Дагестане, Кирово в степном Крыму и белогрудовских²⁵.

Костяные поделки очень малочисленны: два ложила — из астрагала овцы и на обломке ребра, обломок изделия неясной формы из эпифиза и обломок рогового стержневидного трехдырчатого псаляя черногоровского типа²⁶. К этому же типу относится бронзовый псалий из Николаевского могильника и, видимо, близки еще два роговых псаляя в том же могильнике²⁷.

К орудиям труда, как и в слое поздней бронзы, принадлежат 45 крупных каменных изделий (часто в обломках): орудия для обработки металлических изделий (гладилки, песты-молоточки, наковаленка, абразивы, точила), песты, терки, обломки зернотерки, кирки и обушковой части одного топорика (рис. 5, 12) и т. д. Топорик сходен с экземпляром из слоя поздней бронзы, описанным выше (плоский обушок и близость к нему сверлины); может быть это бракованные экземпляры. Такие каменные топорики, цилиндрические или слегка расширяющиеся к обушку и с клинообразным лезвием, считаются боевыми и характерны для памятников киммерийского времени. Топорик из слоя поздней бронзы (рис. 5, 9), как будто, близок к цилиндрическому типу. По одному экземпляру этого типа встречено на пос. Кобяково, а также в подъемном материале на территории пос. Красногвардейского I, в слое пос. Псекупское (раскопки Н. Г. Ловпаче) и в Кубанском могильнике; в последнем содержится второй цилиндрический топорик, но с клиновидным лезвием²⁸. Топорик из протомеотского слоя, расширяющийся к проушине (рис. 5, 12), вероятно, может сближаться с клинообразными экземплярами из протомеотских могильников — Николаевского и Кубанского, погребения у хут. Верхне-Подпольного на Нижнем Дону и черноморских городищ²⁹.

Кремневые изделия протомеотского слоя представлены 32 орудиями и 45 отходами. Отходы: 6 нуклеусов, 2 желвака, отщепы, сколы. Орудия: дисковидное и 3 долотовидных орудия, 9 скребков, 7 ножичков на отщепах, тесло, провертка, 2 «ретушера», 3 скобеля, отбойник (рис. 6, 15—19) и 4 серповых вкладыша (рис. 6, 11—14).

Металлические изделия протомеотского слоя включают бронзовую

трубочку из пластины и два железных однолезвийных ножица. Тип таких железных ножей распространен в предскифское время на широком ареале и связывается с новочеркасской ступенью; но в степных погребениях этой группы ножи вообще редки (пока известны 2 случая). Между тем, в степных погребениях ранней, черноговровской ступени, для которой характерны бронзовые однолезвийные горбатые ножи, изредка встречаются и железные ножи (2 случая). Первый красногвардейский нож (рис. 6, 16) немного близок по форме одному из узких бронзовых ножей Николаевского могильника и бронзовому ножу из черноговровского захоронения в Чограе III на Восточном Маныче³⁰. Второй красногвардейский нож, с обломанным концом (рис. 6, 15) напоминает железный нож из чернолесского Адамовского городища³¹.

Протомеотской керамике Красногвардейского II присуща специфика, которая и определяет ее принадлежность к данной культуре. Эти специфические черты вкратце следующие. Кухонная посуда: 1. «воротничок» по краю венчика; 2. небольшой гладкий валик (иногда в форме уступчика либо утолщения) под краем венчика; 3. многорядные уплощенные валики по шейке сосуда; 4. большие грубые баночные сосуды — еще редкая форма. Столовая посуда: 1. косо срезанный изнутри край горла у кубков; 2. своеобразная форма большинства черпаков (рис. 9, 5, 10), форма которых, как будто, напоминает некоторые экземпляры поздней бронзы (рис. 2, 2; 12, 10); 3. появление намечающихся «рожек» на ручках черпаков; 4. узор из «сетки» на черпаках; 5. орнаментальная композиция из нескольких рядов зигзагообразных лент (рис. 11, 11)³², наряду с традиционной композицией из треугольников и таких же лент; 6. своеобразный «струйчатый» узор (рис. 11, 12)³³; 7. узор из рядов неглубоких горизонтальных линий (рис. 11, 5—6); 8. выполнение всей орнаментации во взрезной технике.

Типичная для протомеотской столовой посуды композиция из треугольников и зигзагообразных лент под ними встречена на одном большом фрагменте из пос. Кужорское (разведки А. А. Нехаева). Судя по остальной керамике этого поселения, оно может принадлежать к протоили древнемеотскому времени.

Следует отметить наличие редких для протомеотской посуды орнаментальных мотивов, перекликающихся в какой-то степени с кобанскими. Это упоминавшиеся ромбы. Но в Красногвардейском они отличаются иногда сочетанием с характерной зигзагообразной лентой (рис. 11, 3)³⁴; в кобанском пос. Змейское ромбы располагаются в несколько рядов и нередко украшают миски³⁵. Редким и, может быть, несколько чуждым в протомеотском орнаменте представляется мотив из вертикальных линий, разделенных на несколько групп и свисающих под горизонтальной полосой или зигзагом (рис. 11, 2, 15). Такой мотив, наряду и в сочетании с другими, имеется, например, на кобанской керамике Заслонки и Улубаганалы. «Жаровни-сковороды» Красногвардейского II (рис. 2, 10; 7, 9; 8, 9), очевидно, относятся к тому же типу, что и жаровни Сержень-Юрта, неизвестные в других кобанских поселениях³⁶.

Изучение двуслойного поселения Красногвардейское II позволяет

рассматривать материалы следующим образом. Как известно, на финальном этапе позднебронзового века в Северном Причерноморье, до р. Молочной, существовала белозерская культура; в Нижнем Подонье и степном Прикубанье, как недавно установлено³⁷, продолжала существовать срубная культура, а в дельте Дона и на левом берегу Кубани локализовались поселения кобяковской культуры. Поселения Красногвардейское I и II (нижний слой) вряд ли являются единственными на Кубани. Благодаря стратиграфии, на Кубани (Николаевский могильник перекрывает пос. Красногвардейское I; два слоя на пос. Красногвардейское II) хорошо фиксируется периодизация памятников позднебронзового века и начала эпохи раннего железа: местная, кобяковского типа культура финальной бронзы сменяется местной протомеотской культурой киммерийского времени.

Генезис кобяковской культуры по-прежнему рассматривается, как синтез поздних компонентов т. н. северокавказской культуры (веревочный орнамент, его мотивы и некоторые композиции) и позднесрубной культуры Прикубанья, при определенном воздействии кобанской культуры. Западная граница последней проходит по р. Уруп в предгорьях; кобанское пос. Заслонка на Урупе находится в 200 км к юго-западу от поселений Красногвардейское I и II.

Керамике поселений Кубани, как и дельты Дона, присуща основная и общая черта, являющаяся яркой спецификой кобяковской культуры — это не только столовая, лощеная посуда и ее типы, но и мотивы и композиции нарядного геометрического узора на ней и особенно веревочный штамп, нигде более в этот период неизвестный. Вместе с тем, в керамическом комплексе обоих регионов имеются и некоторые локальные отличия, что неудивительно. Так для керамики дельты Дона очень характерен веревочный орнамент (наряду с врезным и более редким зубчатым), для Кубани же более характерен орнамент зубчатым штампом (наряду с врезным и веревочным) (рис. 3; 4; 12). На кухонной посуде Кубани простой углубленный узор применяется реже чем в дельте Дона, но в орнаментации этой посуды обоих регионов превалирует гладкий валик. Только на Кубани кухонная посуда нередко обмазана жидкой глиной. На поселениях Кубани, как и дельты Дона, встречаются кремневые изделия, но только на Кубани среди них содержатся вкладыши серпов, что свойственно культурам этого периода степной зоны, но особенно лесостепной (белозерская; белорудовская, бондарихинская, фракийского гальштата), а также Северного Кавказа — кобанское пос. Сержень-Юрт и Дагестан (Зандак; Ачису)³⁸. Известно, что употребление кремневых изделий в указанный период в целом сокращается и уровень техники их изготовления снижается. Однако серпам и наконечникам стрел (последние существуют до конца бронзового века) свойственна четкая форма и тщательная выделка. Эти закономерности проявляются и на кремневых изделиях из обоих слоев Красногвардейского II. Бытование в период финальной бронзы кремневых серпов, сменивших в Северном Причерноморье бронзовые, свидетельствует по мнению исследователей об упадке металлообработки в конце бронзового века³⁹. Однако для Северо-Западного Предкавказья и Северного Кав-

каза, для кобяковской, протомеотской и кобанской культур наличие кремневых серпов объясняется, видимо, иными причинами, связанными со спецификой местных традиций, а также с культурными связями. Употребление кремневых серпов населением указанных культур было не повсеместно. Так на поселениях Кобяково Нижнего Дона, а также кобанских — Змейское и Бамут известны бронзовые серпы прикубанского типа или их матрицы⁴⁰.

Протомеотское поселение Красногвардейское II (верхний слой) является пока первым на Кубани. Значение этого памятника в том, что материал из обоих слоев демонстрирует продолжение ряда традиций эпохи финальной бронзы в последующий период. Протомеотская керамика, как и кобяковская, состоит из двух групп: кухонной и столовой. Но протомеотская кухонная посуда содержит гораздо большее разнообразие типов и форм, а также орнаментации, которые неизвестны в предшествующий период. Традицией поздней бронзы, возможно, являются закраина снаружи днищ кухонных сосудов и наличие «сковороджаровень». Общее для хозяйственной посуды поздней бронзы и протомеотской: небольшой гладкий валик, у кобяковских сосудов на плечиках, у протомеотских под краем венчика; расчлененный валик — редкость для керамики обоих слоев. Гладкий валик на кухонной посуде вообще характерен для керамики позднесрубной культуры и других родственных или синхронных ей культур и располагается в период финальной бронзы всегда на плечиках горшков.

Известно, что лощеная столовая посуда получила распространение еще в предшествующий период, в разных культурах конца эпохи поздней бронзы в степях Северного Причерноморья, Днепровской лесостепи дельте Дона, Крыму, и на Северном Кавказе (белозерская, белогрудовская, кобяковская, кизилкобинская и кобанская). Эта посуда продолжала бытовать в предскифских культурах раннего железного века. Типы протомеотской столовой посуды, как уже указывалось, в целом те же, что и в предшествующую эпоху (черпаки, кубки, кувшины и корчаги, миски), но количество типов и особенно разнообразие их форм значительно выше. Мотивы свисающих треугольников и зигзагообразных лент образуют нередко композицию, общую для посуды поздней бронзы и протомеотской (рис. 4, 8, 12; 11, 4)⁴¹. Эта композиция на кобяковской посуде чаще представлена в дельте Дона, чем на Кубани, что, может быть, объясняется малочисленностью столовой посуды этого периода на Кубани по сравнению с донской дельтой.

Таким образом, указанная композиция узора принадлежит протомеотской культуре и восходит к местной орнаментальной традиции эпохи поздней бронзы. Присутствие же подобных или близких (иногда усложненных) композиций, известных в нескольких случаях на керамике других предскифских культур — кобанской (Алхасте в Чечено-Ингушетии)⁴² и степной, киммерийской в Северном Причерноморье и Поволжье⁴³, обусловлено широкими культурными контактами, характерными для киммерийского периода. В протомеотском и кобяковском слоях присутствуют т. н. глиняные модели колесиков со ступицами и кремневые изделия, в том числе вкладыши для серпов. Существенно

что последние различаются по типу в обоих слоях; возможно, это указывает на смену традиции в изготовлении данной категории изделий. Во всяком случае вкладыши серпов из протомеотского слоя напоминают такие вкладыши в Сержень-Юрте⁴⁴.

Мощность протомеотского культурного слоя, превышающая такую у слоя поздней бронзы, строительные остатки, а также обилие и характер находок в слое говорят о долговременности протомеотского поселения, обитатели которого, как и население предшествующего периода этого же региона и донской дельты, являлись оседлым населением, занимавшимся земледелием и скотоводством.

Все сказанное позволяет предполагать, что местная культура финальной бронзы на Кубани (кобяковская, или кобякоидная) была не только непосредственным хронологическим предшественником протомеотской культуры, но и могла явиться одним из ее слагаемых в сложном процессе этно- и культурогенеза. Однако это не просто перерастание одной культуры в другую; помимо внутренних изменений могли играть роль и определенные внешние импульсы и т. п. Но в дельте Дона судьба кобяковской иная: она исчезла с появлением в начале эпохи раннего железа населения, связываемого с кочевыми киммерийцами; и развитие остальных степных культур поздней бронзы так же прерывается в этот период. Конечно, степное население позднего бронзового века («кобяковцы», «белозерцы», поздние «срубники») частично могло влиться в состав нового этноса, а затем ассимилироваться в нем; об этом свидетельствуют такие черты позднебронзового века в погребальном обряде ранней, черногоровской группы киммерийского времени, как скорченность на боку и восточная ориентировка. Отсутствие поселений этого периода в степной зоне объясняется кочевым укладом населения воинов-конников.

Подытоживая, можно сказать следующее. В Северо-Западном Предкавказье в развитии местных культур эпохи поздней бронзы — начала раннего железа (т. н. кобяковская, протомеотская, несмотря на продолжение некоторых традиций, имеется определенный разрыв. Отсутствие же перерыва в развитии местных культур поздней бронзы ярко проявилось в кобанских древностях. О развитии без перерыва, в свое время, сказал Е. И. Крупнов, имея ввиду керамику Алхасте из обоих слоев⁴⁵. Процесс продолжения традиций позднебронзового века в период начала раннего железа, сочетающийся с воздействием степных культур ранних кочевников и вообще с новациями новой эпохи, представлен в ряде культур лесостепной зоны Поднепровья, Донетчины и, вероятно, Среднего Поволжья, а также предгорного Крыма (белогрудовская и чернолеская; бондарихинская; маклашевская и ананьинская; кизилкобинская).

Датировка памятников Красногвардейское I и II устанавливается в соответствии с хронологией, предложенной А. И. Тереножкиным⁴⁶, и учетом того, что кобяковские поселения дельты существовали в позднебелозерское время. Поселения поздней бронзы Красногвардейское I и II (нижний слой) относятся к XI — рубежу X—XI вв. до н. э.; протомеотское поселение Красногвардейское II (верхний слой) — к IX — сер. VIII вв. до н. э. Таким образом, финальный этап бронзового

века в Закубанье заполнился местной культурой кобьяковского типа, частично синхронной прикубанскому металлургическому очагу, определенную связь с которым правомерно подозревать. К этому же периоду в Закубанье относятся открытые в 1985 г. В. Н. Каминским курганные погребения местной финальной бронзы у ст. Михайловской, которые могут оказаться связанными с кобьяковской культурой или быть родственными ей⁴⁷.

* * *

1. Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобьяковская культура) //САИ, вып. VI—II, 1980, с. 69, 76.
2. Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское I на Кубани — новый памятник кобьяковской культуры //СА, 1982, № 3.
3. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с Николаевского //СМАА, Майкоп, 1961, т. II.
4. Шарафутдинова Э. С. Кобьяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону. Автореф. канд. дис. Л., 1971, с. 16.
5. Шарафутдинова Э. С. Раскопки поселения Красногвардейское II в зоне Краснодарского водохранилища //АО — 84 г., М., 1986. Она же. Раскопки двуслойного поселения Красногвардейское II в зоне Краснодарского водохранилища //АО — 85 г., М., 1987.
6. Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское II — новый памятник начала эпохи раннего железа на Кубани //КСИА, вып. 192, М., 1987, с. 87—96.
7. Котович В. Г. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры //Сб. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 56—58.
8. Давудов О. М. Поселение Ачису //Сб. Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 107—110.
9. Анфимов Н. В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен //ВАА, Майкоп, 1981, рис. 21.
10. Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское II..., с. 88, рис. 2, 1—4.
11. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 52—55, Табл. 6, 8.
12. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник..., Табл. 1, 3—4; Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс //СМАА, Майкоп, 1961, Т. II, Табл. II, 7; III, I, 3—6; Ловпаче Н. Г. Эволюция форм художественных средств в меотской керамике //ВАА, Майкоп, 1981, Табл. 2, 4, 6, 7, 9. Он же. Могильник в устье реки Псекупса //ВАА, 1985, Табл. III, 2; X, 7; XIII, 1—9.
13. Ловпаче Н. Г. Эволюция форм..., Табл. 1, 2, 6; 2, 5.
14. Анфимов Н. В. Отчет о раскопках Николаевского могильника в 1963 г. //Архив ИА, АН СССР, Р — 1, 2988.
15. Ловпаче Н. Г. Эволюция форм..., Табл. 2, 9. Анфимов И. Н. Древнемеотский могильник близ г. Абиска //ВАА, Майкоп, 1981, с. 49, рис. 3.
16. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья //ПСА, 1971, рис. 1. I.
17. Ловпаче Н. Г. Эволюция форм..., Табл. 3, 4, 10. Он же. Могильник в устье реки Псекупса. Табл. XIII, 7.
18. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры..., с. 173.
19. Ловпаче Н. Г. Эволюция форм..., Табл. 1, 5.
20. Там же. Табл. I, 9.
21. Ловпаче Н. Г. Эволюция форм..., Табл. 3, 1—2. Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское II..., рис. 4, 9.
22. Шарафутдинова Э. С. Ук. соч., рис. 4, 10.
23. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры..., рис. 3, 1.
24. Ловпаче Н. Г. Эволюция форм..., Табл. 1, 3, 9—11; 2, 6, 8.
25. Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени..., с. 54, Табл. XXXII, 3—4; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. 1960, Табл. IX, I;

- XXVIII, 4; Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры //САИ, вып. вып. В2—5, 1982, с. 67, Табл. X I, 22—23; Давудов О. М. Ук. соч., с. 104, 112, рис. 7, 27, 29; 8, 12, 16. Лесков А. М. Кировское поселение //Сб. Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 27—28, рис. 22, 1; Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 54, рис. 28, 7.
26. Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское II..., рис. 4, 4.
27. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 150, рис. 82, 2, 3. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры..., рис. 2, 2, 3. Он же. Протомеотский могильник..., Табл. III, 6.
28. Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени..., Табл. XXXV, 8.
- Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры //Сб. Скифский мир. Киев, 1975, рис. 2, 6, 8.
29. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник..., Табл. II, 7. Он же. Новый памятник..., рис. 2, 7. Кияшко В. Я., Максименко В. Е. Погребение раннего железного века у хут. Верхие-Подпольный //АО—67, М., 1968, рис. на с. 78. Тереножкин А. И. Предскифский период..., рис. 55, 3, 6; 56.
30. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник... Табл. III, 8. Коренько В. А. Погребения предскифского времени на Восточном Маньче //КСИА, вып. 170, М., 1982, рис. 2, 2.
31. Тереножкин А. И. Киммерийцы, рис. 36, 3.
32. Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское II..., рис. 3, 13.
33. Там же, рис. 3, 15—16.
34. Там же, рис. 3, 11.
35. Крупнов Е. И. Древняя история..., Табл. XVII, 3; XXII, 3—4.
36. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация..., Табл. 5, 1, 8—9.
37. Шарафутдинова Э. С. Памятники финальной бронзы на Нижнем Дону и в степном Прикубанье //Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987, с. 28—30.
38. Дергачев В. А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—76 гг.). Кишинев, 1982, рис. 24, 10. Археология УРСР. Київ, Т. 1, 1971, с. 370—371, 401—402, рис. 113, 114, 7—8. Археология УССР. Киев, 1985, рис. 140, 7. Лесков А. М. Кировское поселение, с. 33—34, рис. 27, 28. Ванчугов В. П. Поселение конца позднего бронзового века Ялпуг IV в Нижнем Подунавье //Сб. Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981, с. 96, 99, рис. 2, 15—17. Отрошенко В. В. Белозерская культура. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986, с. 141, 143. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры //САИ, вып. Д1—7, 1981, с. 15. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация..., с. 9, Табл. V, 1—7. Марковин В. И. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни //КСИА, вып. 98, М., 1964, рис. 24, 7. Давудов О. М. Ук. соч., с. 106, 111, рис. 4, 2—8.
39. Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 191. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 186; 189—190. Бочкарев В. С. Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве (по материалам эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья) //Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981, с. 25.
40. Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени..., Табл. XXXIII, 10. Деопик Д. В., Крупнов Е. И. Змейское поселение кобанской культуры. Археологические раскопки в районе Змейской, Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, рис. 8, 1. Магомедов А. Р. Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры //СА, 1972, № 2, рис. 8.
41. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры..., рис. 1, 1.
42. Крупнов Е. И. Киммерийцы на Северном Кавказе //МИА, № 68, М., 1958, рис. 6, 10. Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени..., с. 66—67.
43. Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 34, рис. 6, 9; 27, 7. Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т. Погребение раннего железного века на Ингульце //СА, 1985, № 4, рис. 3, 19.
44. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация..., Табл. V, 2, 4—6.
45. Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи //Тр. ГИМ, вып. XVII, М., 1948, с. 22.
46. Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 17, 22.
47. Шарафутдинова Э. С. Памятники финальной бронзы..., с. 28—30.

ПОСЕЛЕНИЕ КРАСНОГВАРДЕЙСКОЕ II - 85 РАСКОП I

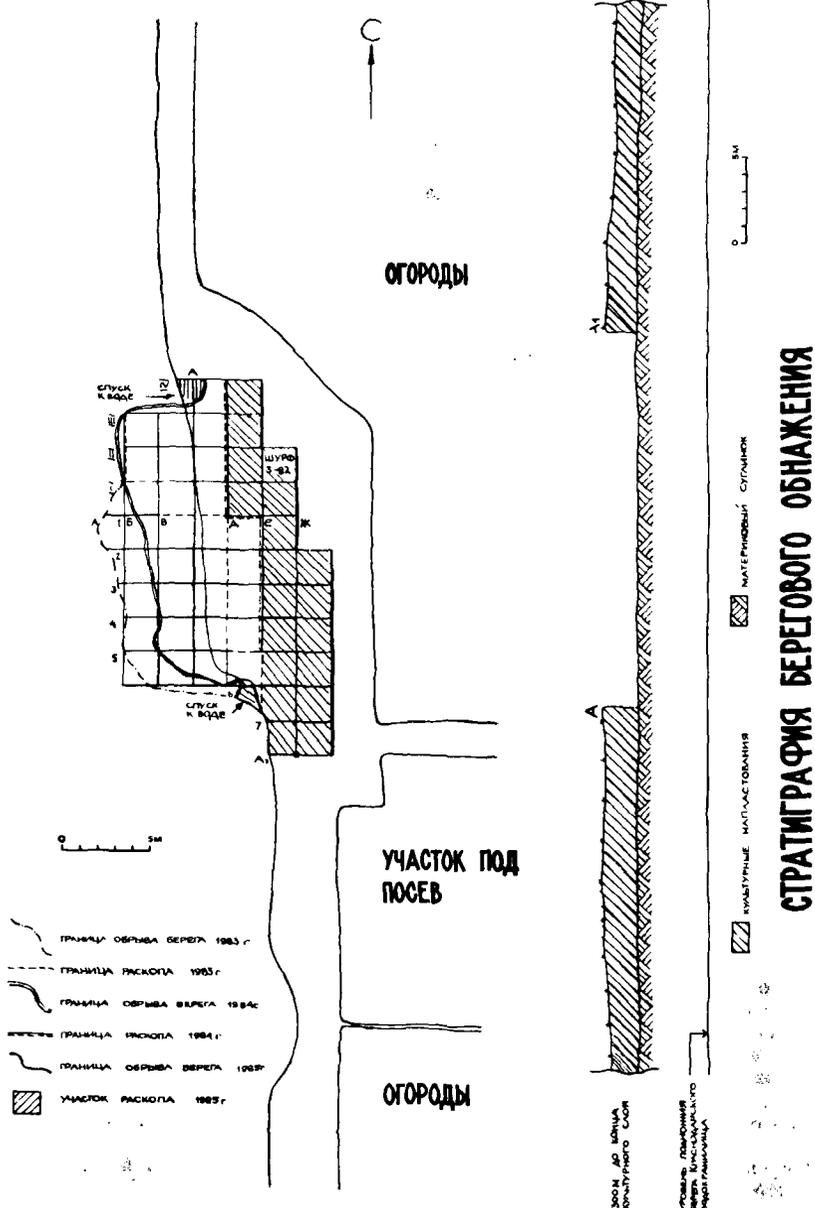

Рис. 1. План участка с раскопом I и разрез берегового обнажения, пос. Красногвардейское II.

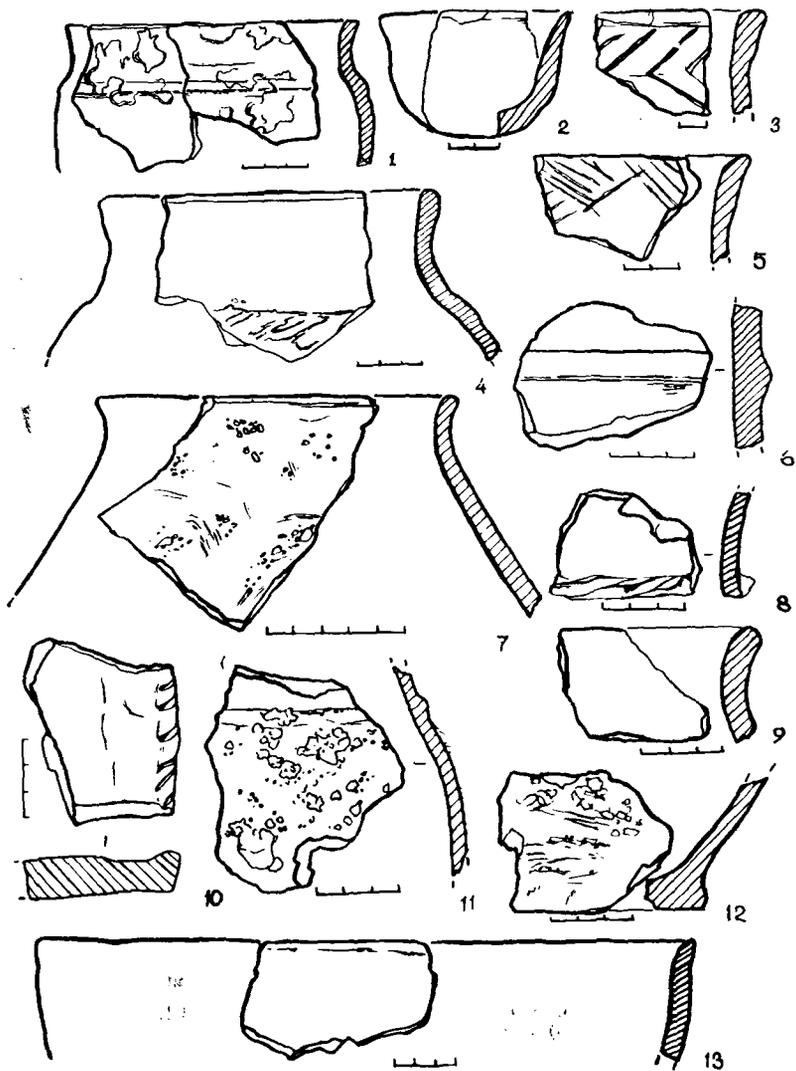

Рис. 2. Кухонная посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп 1, нижний слой эпохи поздней бронзы. 1 — яма 2; 2—9, 11—13 — шт. 7—10; 10 — очаг 1.

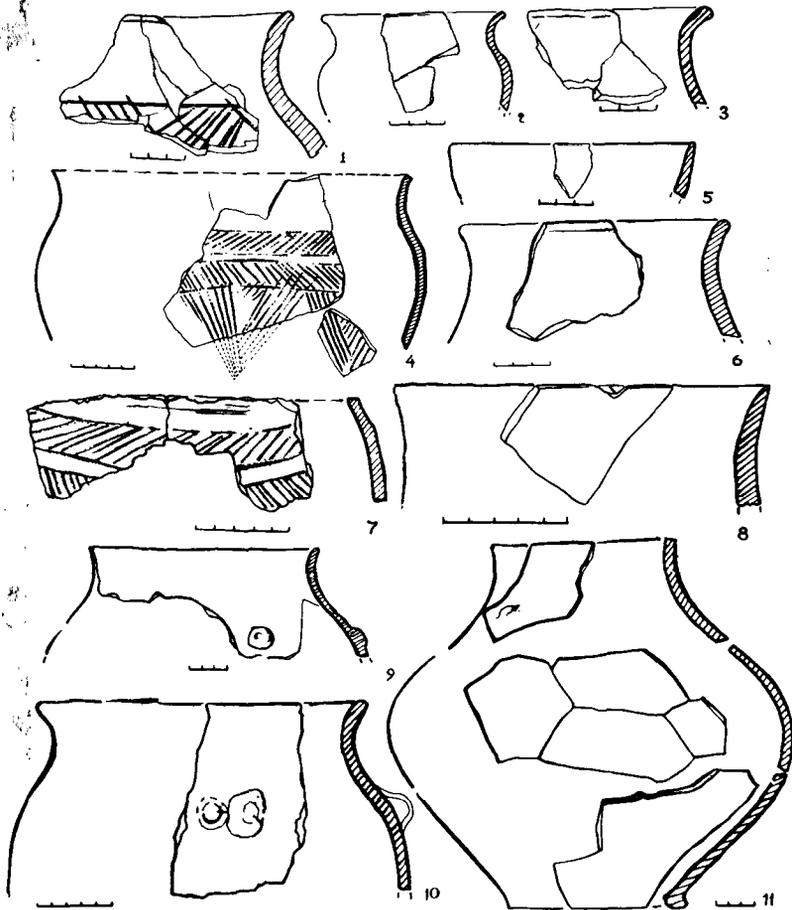

Рис. 3. Столовая посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I, нижний слой эпохи поздней бронзы. 1—3, 5—8, 10 — шт. 7—10; 4, 9, 11 — очаг 1.

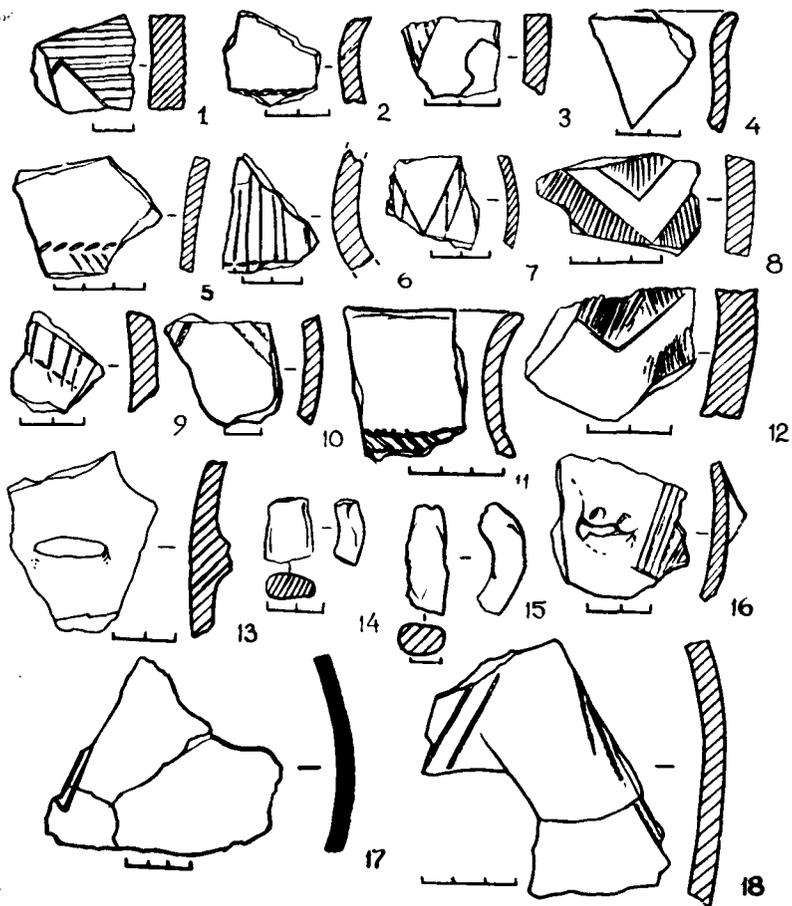

Рис. 4. Столовая посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I, нижний слой эпохи юздіңей бронзы, шт. 7—10.

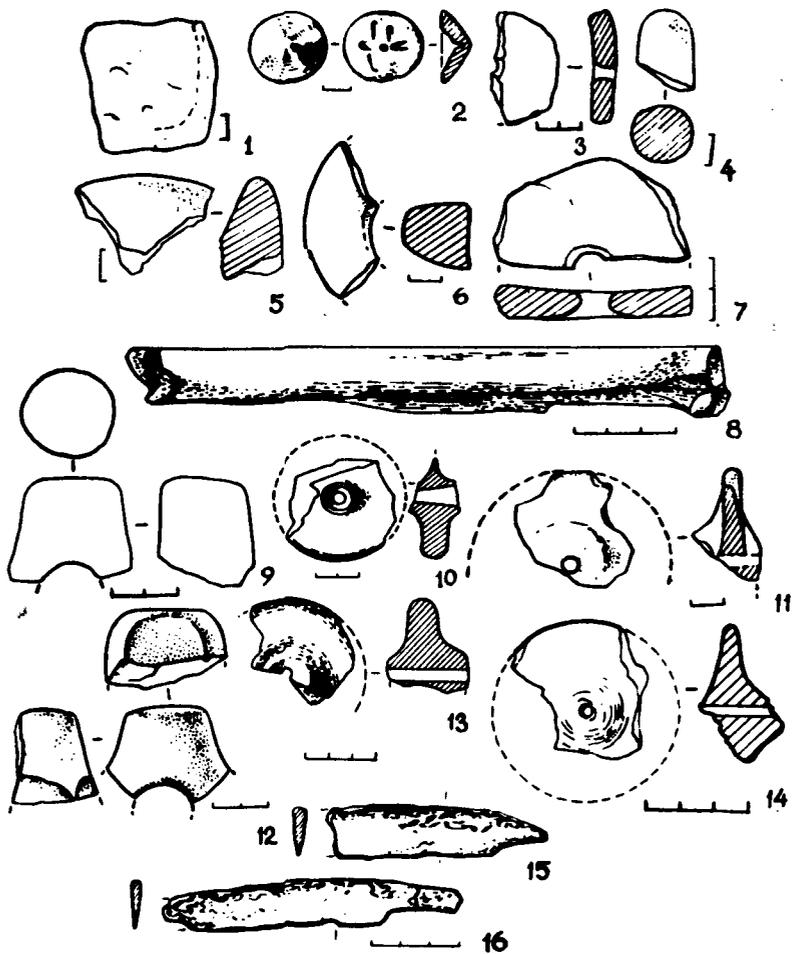

Рис. 5. Изделия из глины (1, 3-7, 10-11, 13-14), кости (2, 8), камня (9, 12) и железа (15-16), пос. Красногвардейское II, раскоп I. Нижний слой эпохи поздней бронзы: 1-2 — очаг 1; 6 — яма 2; 3-5, 8-9, 11, 14 — шт. 7-8. Верхний слой начала эпохи раннего железа: 7, 10, 12-13, 15-16.

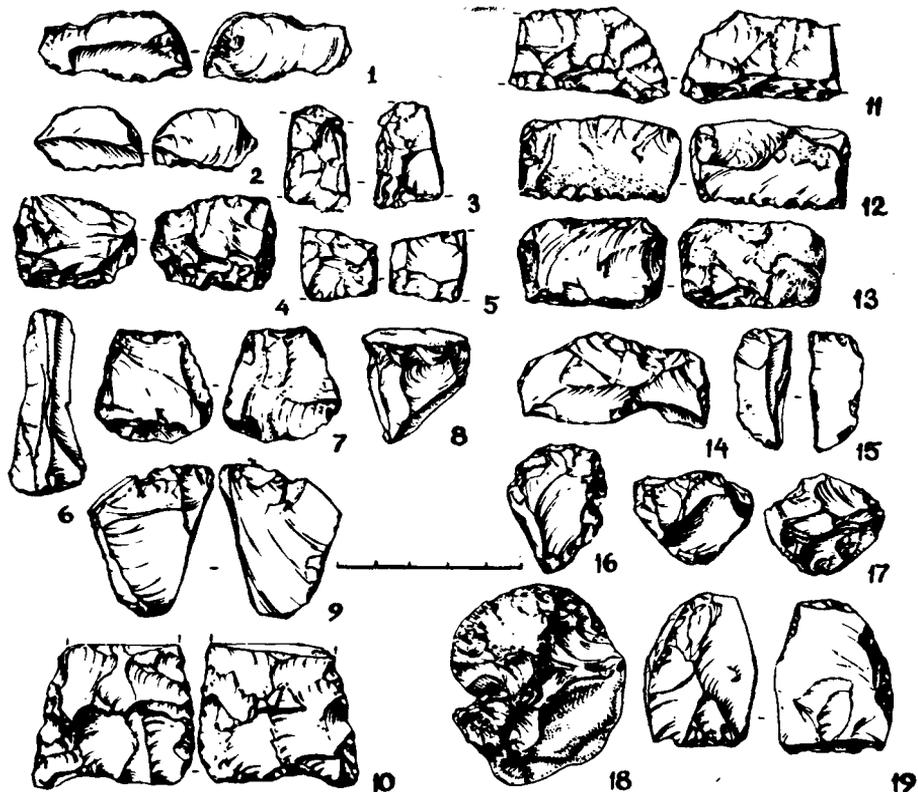

Рис. 6. Кремневые изделия, пос. Красногвардейское II, раскоп I. Нижний слой эпохи поздней бронзы: 1—10. Верхний слой начала эпохи раннего железа: 11—19.

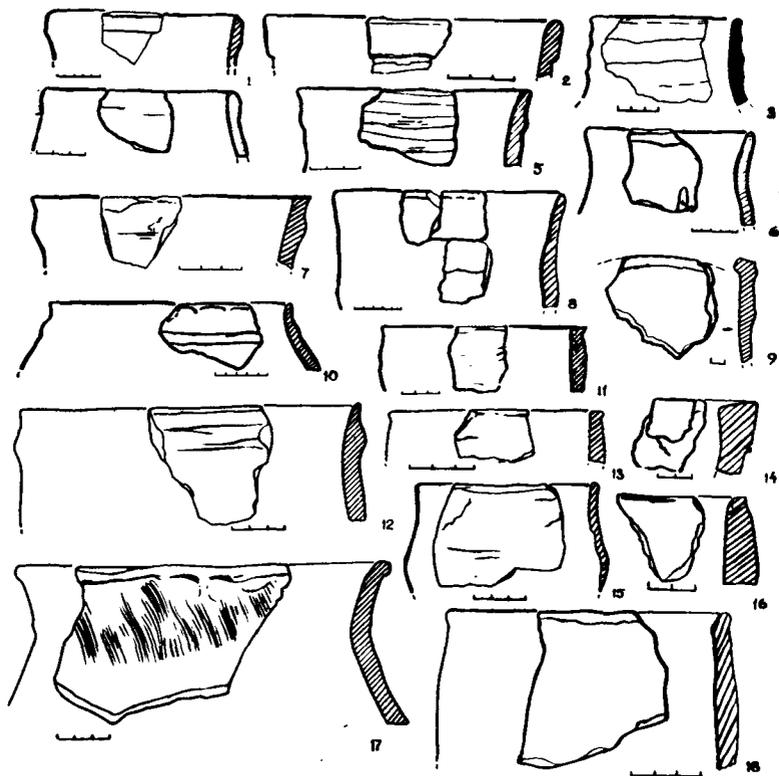

Рис. 7. Кухонная посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I, верхний слой начала эпохи раннего железа, шт. 2—6.

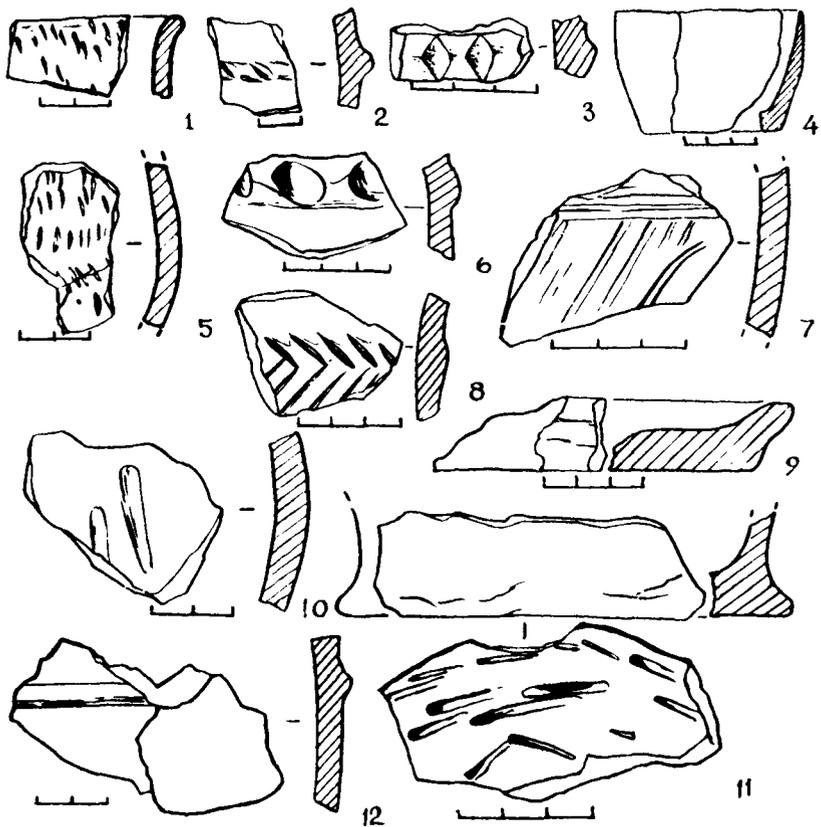

Рис. 8. Кухонная посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I, верхний слой начала эпохи раннего железа, шт. 1—6.

Рис. 9. Столовая посуда, пос. Красногвардейское II, раскол I, верхний слой начал эпохи раннего железа, шт. 2—6.

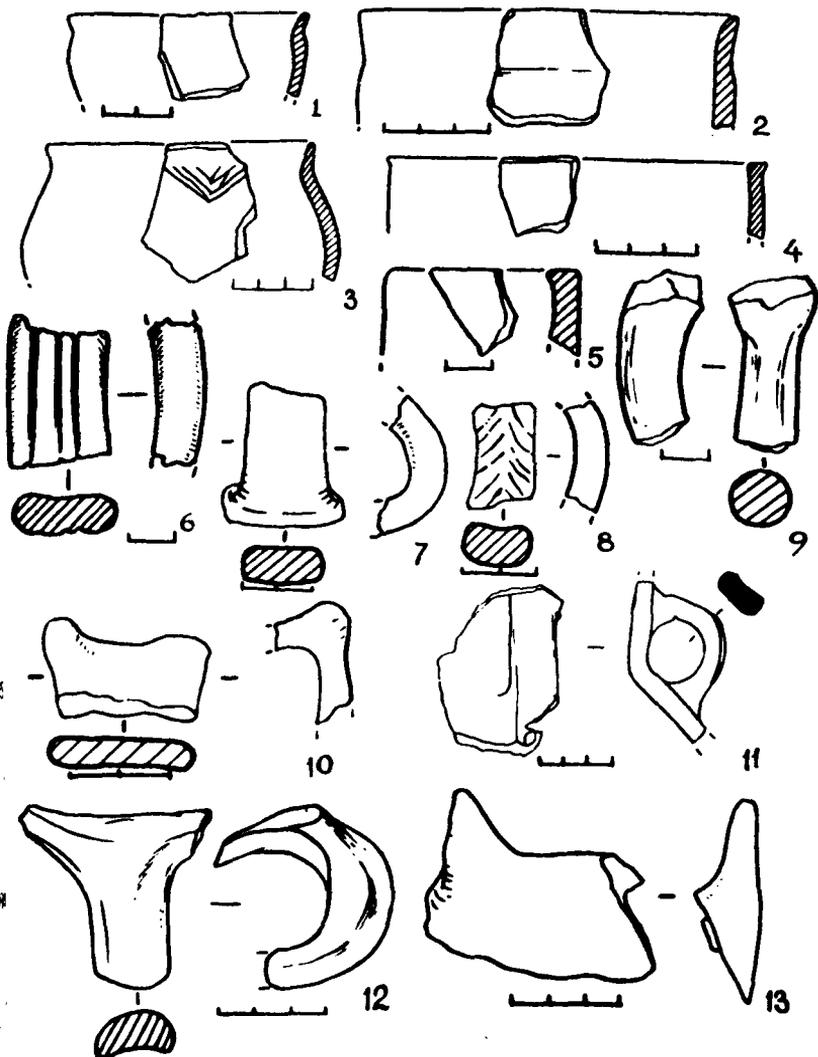

Рис. 10. Столовая посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I, верхний слой начала эпохи раннего железа, шт. 1—6.

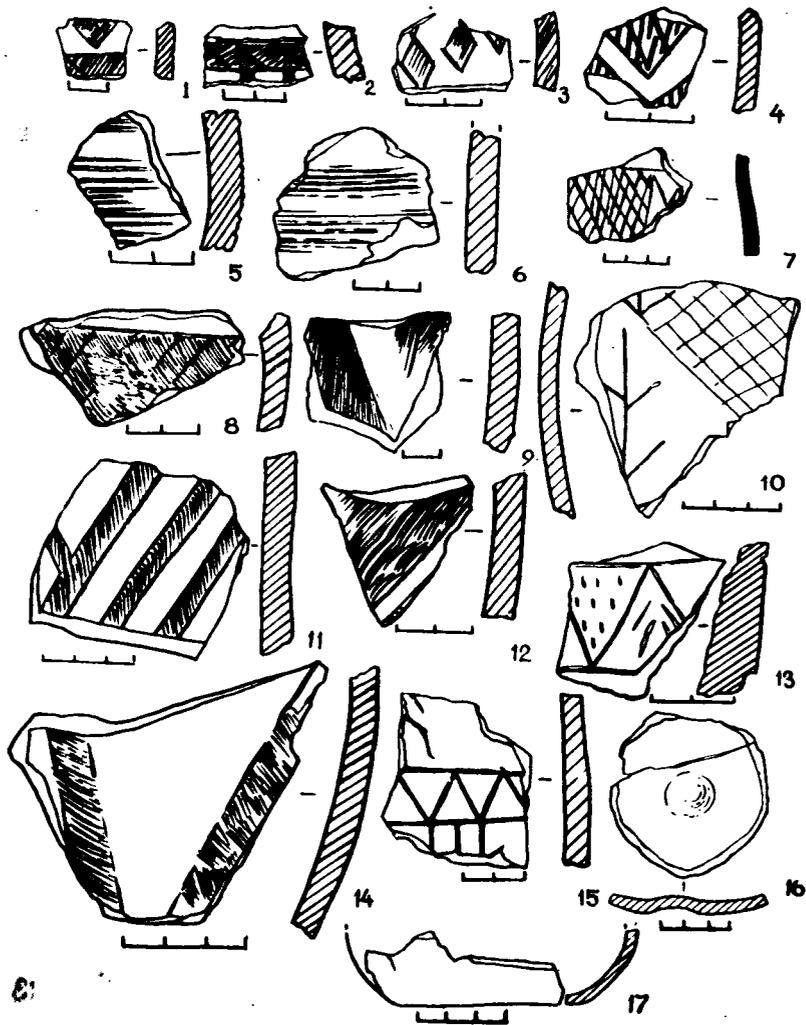

Рис. 11. Столовая посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I, верхний слой начала эпохи раннего железа, шт. 1—5.

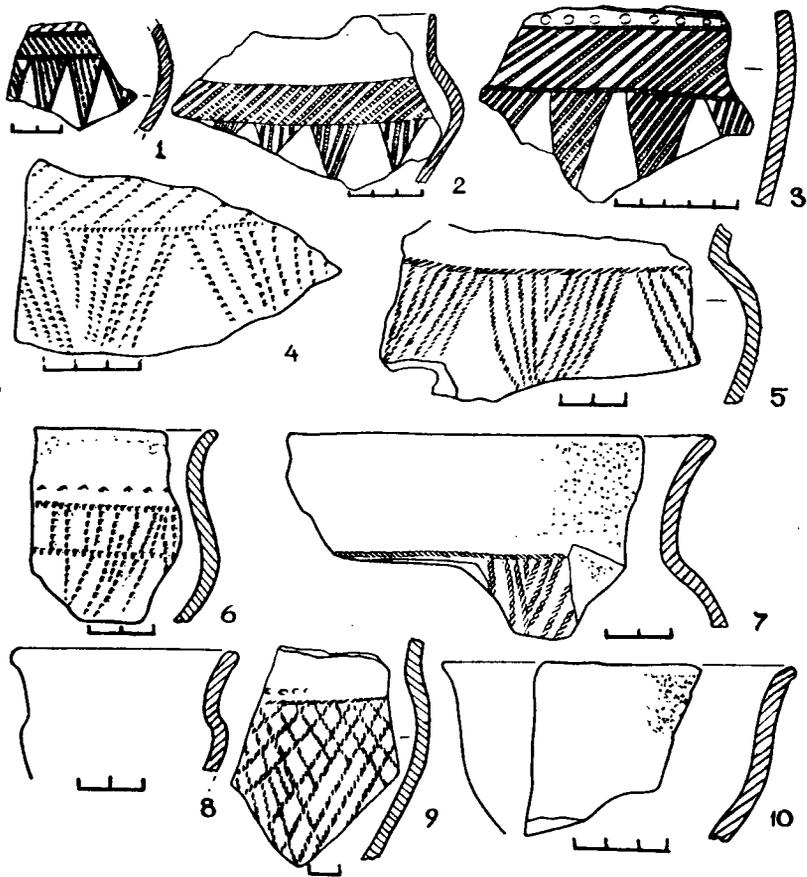

Рис. 12. Столовая посуда. Поселение эпохи поздней бронзы Красногвардейское I, 1—3 — подъемный материал; 4—10 — слой.

НОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕМЕОТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КЕЛЕРМЕССКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА

С 1981 г. экспедиция Государственного Эрмитажа осуществляет систематическое изучение грунтового могильника, который планиграфически и исторически связан с широко известными скифскими курганами из Келермеса (Гиагинский район Краснодарского края).

Раскоп I, где сосредоточены погребения, не имеющие внешних признаков, локализуется в центральной части основной келермесской курганной группы, на участке пашни между полями двух курганов эпохи бронзы — 14 и 17 (рис. 1). Первый из них был прорезан в начале XX века глухой траншеей с севера. Принадлежность его к данному периоду установлена на основании стратиграфии контрольного шурфа, заложенного экспедицией в 1984 г. Второй памятник, как показали раскопки 1981 г., использовался для захоронений с майкопского времени до этапа поздней бронзы включительно. За пределами его насыпи были выявлены две раннемеотские могилы, которые и стимулировали дальнейшие изыскания в этой зоне, увенчавшиеся открытием грунтового некрополя¹.

В 300 м северо-западнее от последнего находится доисследованный нами курган 24², являющийся одним из четырех скифских комплексов, копавшихся в 1903—1904 гг. Д. Г. Шульцем. На расстоянии 100 м к северу от него располагается курган 27 и далее курган 31, соответствующие двум скифским усыпальницам, исследованным Н. И. Веселовским. Причем второй из них замыкает всю цепочку келермесских насыпей с северо-запада. Остальные три скифских памятника с траншеями Д. Г. Шульца пока не идентифицированы.

Итоги работ на Келермесском грунтовом могильнике за 1981—1982 гг. уже введены в научный оборот³. В 1983 г. с восточной и западной стороны раскопа I были сделаны прирезки (траншеи А¹, Е, Ж, З) общей площадью 1485 кв. м (рис. 2, 2), а в следующем году для определения восточной границы могильника обследованию подвергся участок площадью 720 кв. м, непосредственно примыкающий к западной стороне кургана 14 (рис. 2, 1). В результате к семнадцати ранее зафиксирован-

ным погребениям прибавилось еще семнадцать нижепубликуемых комплексов.

Из-за структуры почвы могильные ямы по-прежнему не прослеживались и в расположении комплексов не наблюдалось какой-либо системы.

Погребение 16 залегало на глубине 0,9 м от современной поверхности, под черноземным слоем (рис. 3,10). Скелет мужчины 40—50 лет покоился вытянуто на спине, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮВ. К востоку от черепа найдена конская кость (бабка), рядом — развал стенок лощеного сосуда с коричневатой поверхностью и остатками овальной в сечении ручки (1; рис. 10, 4)⁴. Возле правой ноги лежал кусок каменной плитки, размерами 0,6×10 см (4), восточнее правой голени — раздавленный чернолощенный сосуд (2; рис. 10, 3), у левой ступни — продолговатая галька длиной 16,5 см (3; рис. 11, 1). С западной стороны, параллельно погребенному размещался скелет коня, лежавший на животе с подогнутыми ногами, головой на ЮВ. От черепа сохранились только зубы.

Погребение 17 залегало на глубине 0,9 м. Скелет взрослого мужчины лежал на спине, с протянутыми вдоль туловища руками и слегка согнутыми в коленях ногами, повернутыми вправо, головой на СВ. Вещей при нем не было.

Погребение 18 залегало на глубине 1,10—1,20 м (рис. 4). Мужчина 35—45 лет лежал на спине, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на ЮВ. Ноги были вывернуты на 180° и обращены большими вертелами наружу, а коленными суставами вниз. Восточнее черепа находилась железная секира с двумя железными стержневидными распорками внутри проушного отверстия. Длина ее 20 см, ширина лезвия 3,5 см (3; рис. 12, 2). Севернее секиры, на уровне правого плеча воина концентрировались фрагменты стенок чернолощенного сосуда, форма которого не восстанавливается (2), а несколько ниже его — кучка костей от напугавшей пищи и железный нож, длиной 31 см (8; рис. 15, 11). Северо-восточнее правой стопы находились обломки нижних челюстей лошади и кости мелкого животного. Там же обнаружен раздавленный чернолощенный сосуд с коротким горлом (1,4, 5; рис. 10,2). У левой голени погребенного лежали в беспорядке: железный колчаный крючок, длиной 6 см (7; рис. 13, 21), кусок кремня (6; рис. 13, 26), небольшой фрагмент лезвия железного ножа (9) и шесть бронзовых наконечников стрел (10—15). Кроме того, один наконечник стрелы оказался в области живота конского скелета и еще пять экземпляров встречены в разных местах могилы. Среди наконечников выделяются следующие типы: двухлопастные с лавролистной головкой (3 экз.), трехгранные с треугольной головкой (4 экз.), трехгранные с листовидной головкой (3 экз.) и трехлопастные со сводчатой головкой (2 экз.) (рис. 13, 11—20).

С западной стороны, параллельно погребенному размещался скелет коня, лежавший на животе с подогнутыми ногами, головой на ЮВ. От Уздечки сохранились только железные удила (16; рис. 14, 1).

Погребение 19 залегало на глубине 1,09 м. Уцелели части черепа

и трубчатых костей, указывающие на южную ориентировку покойного. Среди человеческих костей обнаружен фрагмент лезвия железного ножа, длиной 2 см (2; рис. 15, 19) и раздавленный горшок. Поверхность его лощеная, коричневатая с черными пятнами. Диаметр венчика 17 см, диаметр дна 12 см (рис. 10, 5). При разборке черепков выделялись также мелкие фрагменты венчика миски.

Погребение 20 залегало на глубине 1,1 м (рис. 3, 5). Содержало фрагменты черепа, зубы и отдельные кости взрослого человека не старше 25 лет. Судя по положению черепа и двух стоящих рядом сосудов, погребенный был ориентирован головой в южном направлении. Один сосуд — сероглиняный лощеный не поддается реконструкции (1), другой, имеющий лощеную коричневатую поверхность, восстановлен частично. Высота сохранившейся части тулова 15 см, диаметр дна 9 см (рис. 9, 5).

Погребение 21 залегало на глубине 1 м (рис. 3, 3). От скелета мужчины (?) не старше 40 лет уцелели обломки черепа, а также кости рук и ног. Погребенный покоем, по-видимому, вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. В изголовье обнаружен кусок кремня (4; рис. 14, 21), восточнее черепа концентрировались развалы четырех сосудов. Это — чернолощенный черпак с врезным орнаментом под венчиком и высокой, оканчивающейся парными выступами, ручкой. Высота тулова 6 см, диаметр края 12 см (1; рис. 6, 5). Два других сосуда были снабжены боковыми ручками. У одного из них, имеющего приземистое тулово и широкое дно, поверхность лощеная, коричневая; у второго — лощеная черная (2,3; рис. 9, 1,6). Форма четвертого экземпляра не ясна (6). Около правого бедра мужчины зафиксированы значительные остатки мясной напугившей пищи (8), у стопы помещалась миска. Поверхность ее лощеная черная с коричневыми пятнами. Высота 9 см, диаметр венчика 19,5 см (5; рис. 6,3).

Погребение 22 залегало на глубине 1,05 м (рис. 3,9). Погребенный в возрасте 25—30 лет (пол не определен) покоем на левом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на Ю. Положение рук не прослеживалось. За затылком обнаружены чернолощенные черепки от одного или двух сосудов (1,2). Восстановлена верхняя часть сосуда, украшенного на месте перехода горла в тулово оригинальным врезным орнаментом: от кольцевидного пояска спускается вниз фестон, заштрихованный кривой клеткой, и трехконтурный полуовал с точечными наколами по краям и елочным узором в центре (рис. 8, 2). Имеется также фрагмент плоской чернолощенной ручки.

Погребение 23 залегало на глубине 0,95 м (рис. 3,7). Содержало мужской скелет плохой сохранности, ориентированный головой на ЮЮВ. Западнее черепа лежал железный наконечник копья. Длина его 33 см, длина фрагмента втулки 7,8 см (3; рис. 13,1). Наконечник перекрывала железная секира с двумя железными распорками внутри проушного отверстия. Длина ее 20 см, максимальная ширина лезвия 4,1 см (4; рис. 12,4). Тут же встречено несколько обломков от нижней части сосуда с темно-серой заглаженной поверхностью (5; рис. 7,1). В области левого бедра обнаружен железный колчаный крючок, длиной 6,3 см (7; рис. 13,6) и четыре бронзовых наконечника стрел: двухлопастные с лавролистной

головкой (2 экз.), трехгранные с листовидной и треугольной головками (по 1 экз.) (рис. 13,7—9). Рядом найдены кусок кремня (12; рис. 14,7), железное шило (13; рис. 15, 3) и подтреугольной формы галька (14; рис. 10,1). У правого плеча мужчины, поверх лонатки животного лежал обломок железного ножа, длиной 11,7 см (6; рис. 15,7), близ правого бедра — кусок каменной, расколотой пополам, плитки, размерами $12,5 \times 5$ см, а в области стоп — фрагменты стенок сероглиняного сосуда (15) и кости барана (18).

С западной стороны, параллельно погребенному, размещался скелет коня, лежавший, по-видимому, на животе с подогнутыми ногами, головой на ЮВ. Конь был взнуздан железными удилами и железными трехпальчатыми псалиями. Один псалий лежал у наружного конца удила шишечкой вверх, петлями наружу; второй найден среди ребер лошади. Длина удила 17,5 см, длина псалиев 15,6 и 16,3 см (1; рис. 14, 5, 6). К ремennому оголовью относится пара железных перстневидных бляшек. Длина щитка 1,3 см, высота с дужкой 1,5 см (2; рис. 14, 4).

Погребение 24 залегало на глубине 0,9 м (рис. 3, 1). От женского скелета сохранились обломки черепа, а также тазовых и длинных костей, судя по которым умершая покоилась на правом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Восточнее черепа, перед лицевой его частью, стоял черпак (1) и, по-видимому, еще один почти полностью разрушенный сосуд (6). Черпак имеет врезной геометрический орнамент и лощеную, черную с коричневыми пятнами поверхность. Высота тулова 7 см, диаметр венчика 12,5 см (рис. 6, 3). Около правой тазовой кости лежало глиняное пряслице с красноватой шероховатой поверхностью. Диаметр предмета 3 см (2; рис. 15, 4). В стопах помещался кусок каменной плитки, размерами 20×30 см (4). Здесь же обнаружены мелкие фрагменты стенок красноватого глиняного сосуда (5) и чернолощенный одноручный кувшинчик. Высота его 10,2 см, диаметр венчика 6,3 см (3; рис. 9, 2).

Погребение 25 залегало на глубине 1,05 м. Судя по остаткам детского скелета (череп, длинные кости) и размещению инвентаря, погребенная здесь девочка была ориентирована головой в южном направлении, вероятно, с отклонением к западу. С восточной стороны черепа стоял чернолощенный сосуд с отогнутым наружу венчиком и выделенным горлом. Высота его около 16 см, диаметр устья 10 см (1; рис. 8, 1). Среди развала этого сосуда выделились части чернолощеного черпака — фрагменты венчика, украшенного врезными треугольниками и три обломка ручки с парными выступами (рис. 6, 4). В стопах девочки лежал кусок каменной плитки, размерами 10×15 см (3). Рядом находилась миска, имеющая черную с коричневыми пятнами поверхность со следами лощения. Диаметр ее венчика 16 см (2; рис. 6, 1). Внутри миски оказался крошечный фрагмент железного ножа (5) и половинка биконического пряслица из серого камня. Высота пряслица 1,6 см, диаметр 2,4 см (6; рис. 15, 5).

Погребение 26 залегало на глубине 0,65—0,75 м (рис. 3, 6). От скелета мужчины 40—50 лет уцелели части черепа и берцовых костей, судя по которым погребенный лежал в вытянутом положении, головой на ЮЮВ. С востока вплотную к голове примыкала крупная сероглиняная корчага, имеющая лощеную бежеватую поверхность. Высота сосуда 35,5 см, диа-

метр венчика — 13,5 см, диаметр дна 10,5 см (1; рис. 7, 2). Около корчаги обнаружен обломок железного шила (5; рис. 15, 2) и железный наконечник копья. Длина его 19,3 см, максимальная ширина пера 2,5 см (4; рис. 13, 3). Близ левой голени найдена продолговатая галька длиной 11,8 см (2; рис. 15, 1). У стоп размещались кости барана (7) и обломки верхней части темногоглиняного сосуда. Диаметр его венчика 14,5 см (3; рис. 11, 4).

Погребение 27^а залегало на глубине 1,05 м. Судя по остаткам скелета (обломки черепа и длинных костей), мужчина в возрасте 30—40 лет был ориентирован головой в юго-восточном направлении. Вещей при нем не было.

Погребение 28 залегало на глубине 0,90 м. От человеческого скелета сохранились фрагменты черепа и длинных костей, судя по которым погребенный был ориентирован головой в южном направлении. Близ длинных костей лежали два куска кремня.

Погребение 29 залегало на глубине 0,29—0,75 м (рис. 3, 2). Судя по обломкам черепа и костей ног, мужчина 30—40 лет был ориентирован головой на ЮВ.

С восточной стороны вплотную к черепу примыкала глиняная миска, имеющая лощеную коричневую с темными пятнами поверхность. Высота ее 7 см, диаметр венчика 15 см (1; рис. 6, 2). Поверх развала миски лежал железный наконечник копья. Длина его 20 см, максимальная ширина пера 3,3 см (4; рис. 13, 2). На уровне правого предплечья зафиксированы остатки мясной напутственной пищи и железный нож. Длина его 14 см, ширина лезвия 1,5 см (7; рис. 15, 10). Несколько севернее, в области правого бедра находился крупный раздавленный толстостенный горшок. Поверхность его бежевая, со следами лощения (2; рис. 11, 3). Около голей обнаружены железная секира длиной 20,3 см (9; рис. 12, 3) и продолговатая галька длиной 12,7 см (10; рис. 9, 3). Здесь же встречены три бронзовых наконечника стрел (11; 12, 15; рис. 13, 7—9) и еще один распавшийся экземпляр (13) оказался около миски. Близ ступней ног мужчины лежала каменная плитка размерами 22×28 см (14). Рядом с ней обнаружен обломок лезвия железного ножа длиной 8,7 см (8; рис. 15, 6) и раздавленный сосуд, наподобие крупной миски с отогнутым наружу краем. Поверхность его светло-коричневая со следами лощения. Диаметр венчика 28 см, диаметр дна 12,4 см (3; рис. 11, 2).

С западной стороны, параллельно погребенному, располагался скелет коня, лежавший на животе с подогнутыми ногами, головой в южном направлении. Среди костей черепа находились железные удила длиной 17,7 см (5; рис. 14, 3), а севернее них — железный псалий. Длина его 20,5 см (6; рис. 14, 2). В засыпи могилы попался фрагмент железного стержня, возможно, от второго псалия.

Погребение 30 залегало на глубине 1,12 м. Мужчина старше 30 лет покоился на спине, головой на ЮЮВ. Руки чуть согнуты в локтях. Кисть несохранившейся левой руки, по-видимому, лежала на тазовых костях. Ноги вплотную сближены в коленях. С восточной стороны черепа находились обломки стенок слабообожженного сосуда с остатками ручки, имеющего бежеватую поверхность со следами лощения и фрагментированный чернолощенный черпак с врезным орнаментом под венчиком. Диаметр вен-

чика около 20 см (2; рис. 5, 2). Севернее керамики помещались остатки мясной напутственной пищи и железный нож длиной 12 см.

С западной стороны параллельно погребенному располагался конь, лежавший на животе с наклоном на левый бок и подогнутыми ногами, головой на ЮЮВ. Между левым плечом мужчины и конским черепом обнаружен бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (1). Из засыпи могилы происходит бронзовый наконечник стрелы с маленькой трехлопастной головкой (рис. 13, 28, 29).

Погребение 31 залегало на глубине 1,69—1,83 м (рис. 3, 4). Останки взрослого мужчины были полностью смещены и частично перемешаны с костями барана. Среди скопления длинных человеческих костей встречены обломок черепа ребенка, кремневая проколка и бронзовый окисел шаровидной формы. В 0,2 м к западу от костей погребенного располагался остов коня, лежавшего на животе с подогнутыми ногами, головой на Ю. В челюстях были железные удила длиной 14,5 см (1; рис. 14, 8).

Погребение 32^а залегало на глубине 1,73 м (рис. 3, 8). Погребенный (пол не установлен) покоился вытянуто на спине, головой на ЮВ. Восточнее его плеча и правого бедра находились развалы двух сероглиняных сосудов со следами лощения на поверхности, формы которых не восстанавливаются (2). В области грудной клетки обнаружен фрагмент железного ножа (? , 3). В 0,7 м к северо-востоку от ступней зафиксированы зубы и обломки костей барана. У левой берцовой кости лежала продолговатая галька длиной 14,3 см (1). Западнее левого плеча обнаружен фрагмент красноглиняного сосуда эпохи бронзы. В заполнении могилы в южной ее части встречено сорок мелких галек, а в северной части оказался обломок тонкой каменной плитки, размерами 6×9 см.

Таким образом, в общей сложности за четыре полевых сезона на площади 3240 м² удалось выявить 34 грунтовые могилы, которые характеризуются следующими признаками.⁵

Ориентировка покойных, как правило, южная, преимущественно с отклонением к востоку или западу. Лишь в одном случае (погр. 17) зафиксировано северо-восточное направление мужского скелета, лежавшего вытянуто на спине, без каких-либо сопроводительных вещей. К числу безинвентарных комплексов принадлежат также погребения 27^а и 28 с сильно разрушенными костяками и семь могил, где погребенные располагались на правом или левом боку с подогнутыми в коленях ногами (погр. 1, 3, 6, 7, 10, 11, 13). Аналогичные скорченные позы изредка встречаются и среди более типичных для данного могильника захоронений с заупокойными приношениями (погр. 2, 4, 9, 22, 24). Преобладает, однако, вытянутое положение умерших, покоившихся на спине с протянутыми вдоль туловища руками (погр. 5, 8, 12, 14—16, 18, 21, 27, 30, 32^а). Чаше всего наблюдается вытянутость ног, эпизодически — изгиб одной ноги в коленке (погр. 5), сомкнутость коленей (погр. 30), перекрещенность лодыжек (погр. 12).

К элементам погребального обряда относится обычай помещения в могилу мясной напутственной пищи, каменных плит и конских жертвоприношений.

Остатки пищи представлены костями баранов, лежавших всегда в ногах умерших (погр. 4, 23, 26, 31, 32^а), а также костями крупных жи-

вотных и лошади, находившихся у правого бока погребенных — на уровне бедра (погр. 5, 12, 18, 21, 32), плеча или предплечья (погр. 23, 27, 29, 30). Иногда в мясную тушу втыкался короткий или длинный железный нож (погр. 5, 12, 18, 23, 27, 29).

За стопами покойных, изредка у правого бока, размещались обломки каменных жертвенных плит неправильной формы (погр. 5, 9, 16, 23—25, 27, 29, 32^a, 33). Очевидно, в качестве жертвенных камней воспринимались также два фрагмента зернотерки, происходящие из женской могилы (погр. 8).

Погребальный ритуал предусматривал конские жертвоприношения трех разновидностей. В одних случаях хоронили целого коня, в других — только шкуру с головой и концами ног лошади (череп находились на длинных костях), иногда конское захоронение символизировала уздечка. Верховые кони, помешавшиеся всегда вдоль западной стенки могилы параллельно погребенным, лежали на животах с подогнутыми ногами, головой в южном направлении (погр. 5, 12, 18, 23, 29, 30, 31). У всех лошадей, кроме двух, одна из которых сопровождала женщину (погр. 12), а другая мужчину (погр. 30), обнаружены уздечные принадлежности. Конские шкуры клались обычно в стопах покойных (погр. 5, 27, 32) и могли сочетаться со взнузданными конями (погр. 5) или уздечным комплектом, отдельно положенным у головы воина (погр. 27).

Погребальную обстановку дополняли глиняные сосуды, оружие, конское снаряжение, зеркала, предметы бытового обихода и гальки-амулеты.

Керамика являлась обязательным компонентом инвентаря, а в ряде мужских и женских захоронений составляла единственную категорию заупокойной утвари (погр. 2, 9, 14, 15, 20—22). В могилу ставилось от одного до шести сосудов (чаще два-четыре), как правило, справа от головы и ступней ног покойников, эпизодически — около колен (погр. 2, 15, 16). Вся посуда сформована вручную из глиняного теста с обильными включениями толченых раковин, кварцевого песка и, по-видимому, слюды. Основная масса ее дошла до нас в виде скоплений черепков, среди которых не достаёт многих частей сосудов.

Судя по более или менее полно восстановленным экземплярам, келермесская керамика в целом образует набор, специфичный для меотской культуры Прикубанья раннескифского времени. Это — черпаки, миски, корчаги, разнообразные кувшинчики и сосуды с ручками, горшочки. Не очень отчетливо вырисовывается пока ассортимент простой посуды.

Черпаки, засвидетельствованные в погр. 4, 5, 21, 24, 25, 27, 30, имеют слегка отогнутый наружу венчик и полусферическое тулово, плавно переходящее в округлое, чуть уплощенное дно с лункой в центре. У четырех экземпляров уцелели части ручек, две из них оканчиваются наверху раздвоенным выступом. Под венчиком помещен врезной орнамент, состоящий из треугольников, заштрихованных наклонными линиями или косой клеткой. Поверхность сосудов лощеная, черная с коричневыми пятнами (рис. 5, 1—4) ⁶.

Черпаки с раздвоенными на концах ручками являются инновацией, появившейся сначала в Закубанье на заключительном этапе протомеотского периода, не позднее середины VII в. до н. э. В последующее ранне-

скифское время они становятся характерными и для правобережной части Кубани. Заостренные парные выступы на их ручках обычно вызывают у исследователей ассоциации с рогами животных. Нельзя не отметить, однако, что аналогичным образом стилизованы торчащие уши на условно переданных звериных головках, украшающих верхние части ручек хорошо известных бронзовых кавказских ситул VIII—VII вв. до н. э.⁷ Отмеченное совпадение позволяет не только интерпритировать парные выступы на черепках как изображение звериных ушей, но и подводит к мысли о вероятности заимствования самого мотива с импортной посуды.

Уже среди протомеотской группы рассматриваемых черпаков спорадически встречаются изделия, сходные с келермесскими либо морфологически, либо стилистически — поясok, обрамленный клетчатыми треугольниками (курган 46 из урочища «Клады», погр. 28 могильника Фарс)⁸. Основная же масса сосудов, сочетающих в себе большинство формальных и художественных признаков, присущих келермесским находкам, происходит из лево- и правобережных кубанских памятников периода скифской архаики (курган 22 у ст. Ладожской⁹; курган 30 и могильники №№ 2 и 3 у ст. Усть-Лабинской¹⁰; могильники Псекупский № 1¹¹, Ново-Пеховский и Тбилисский № 2¹²).

Миски, обнаруженные в погр. 12, 19, 21, 25, 27, 29, 32, довольно однообразны. Все они плоскодонные с расширяющимся кверху корпусом и скругленным внутрь краем. Одна снабжена под венчиком горизонтальными налепами и группой сквозных дырочек (погр. 32). Поверхность сосудов коричневатая с черными пятнами (рис. 6, 1—3)¹³.

Миски подобной формы употреблялись прикубанским населением как в раннескифскую эпоху, так и в более позднее время¹⁴.

Корчага из погр. 26 — единственный пока, восстановленный из фрагментов сосуд такого типа. У нее узкое горло с отогнутым наружу венчиком, раздутое в средней части тулово и плоское дно. Поверхность залощеная, бежеватого цвета (рис. 7, 2).

Крупные грушевидные корчаги, получившие особенно широкое распространение на территории Прикубанья в VII—VI вв. до н. э., бытовали в сиудо-меотском мире вплоть до V—IV вв. до н. э.¹⁵ Среди материалов из Келермесского кургана № 2 имеются обломки сосуда, напоминающего, судя по реконструкции А. А. Иессена, большую корчагу (высотой 50 см)¹⁶. Последняя сформована из той же глиняной массы, что и остальная келермесская керамика. От вышеописанной корчаги этот экземпляр отличается профилировкой венчика, черной поверхностью с блестящим лощением и богатством врезного декора, покрывающего венчик и нижнюю часть горла (многорядный поясok, гладкие треугольники, заштрихованные треугольники и шевроны).

Наступательное оружие пополнилось новыми образцами боевых топоров и наконечников копий. Особенно существенно, что впервые были обнаружены колчаные наборы и крючки.

Предметы вооружения составляют преимущественно принадлежность воинов-всадников (погр. 5, 18, 23, 27, 29, 30). Как исключение выглядит погр. 26 с мужским скелетом без конского жертвоприношения. Напомним также о двух женских, по антропологическим данным, захоро-

нениях, сопровождавшихся копьями (погр. 4, 12). В последнем оказался и конский остов, но без уздечных деталей. Отсутствие или неполнота сбруйных комплексов — явление типичное для келермесского могильника, что, по-видимому, связано с почвенными процессами или деятельностью грызунов. Этими же причинами объясняется дефектность скелетов, керамики и нарушенность колчанных наборов.

Обычно конный воин был оснащен либо боевым топором, либо копьем, которые помещались на уровне головы или плеча. Оба вида оружия засвидетельствованы только в погр. 23 и 29. Стрелы хранились в колчанах или горитах, подвешивавшихся к поясу слева при помощи железных крючков. Для застегивания колчанов использовались костяные стержневидные застежки (рис. 13, 10).

Железные боевые топоры. Три новых экземпляра из погр. 18, 23, 29 составляют вместе с двумя ранее изданными (погр. 5, 27) довольно единообразную группу секир-молотков скифского типа. Длина одной (погр. 27) — 17,5 см, остальных — 19,5—20,5 см (рис. (12, 1—4)¹⁷. У двух топориков внутри проушных отверстий сохранилось по паре железных ковочных гвоздей-ухиалей для закрепления деревянных рукоятей (погр. 18, 23) (рис. 12 4^a).

Как уже отмечалось в предыдущей публикации, келермесские образцы, в том числе и отделанная золотом уникальная секира, морфологически более всего напоминают закавказские железные топоры, сформировавшиеся на основе бронзовых топориков колхидо-кобанского круга. Закавказские аналоги келермесским секирам (тип 16 по классификации М. Н. Погребовой) датируются второй половиной VII — началом VI вв. до н. э.¹⁸, что совпадает с хронологией наших памятников. Погр. 27 относится по уздечному комплексу к третьей четверти VII в. до н. э. Явно не моложе начала VI в. до н. э. погр. 18, 23 и 29, где боевые топоры сочетались с наконечниками стрел келермесских форм (рис. 13, 7—9, 11—20, 22—25). То же самое можно сказать и о погр. 5, содержащем идентичный топор и костяные псалии раннескифского типа. Дату кургана № 1, откуда происходит парадная секира и другие изделия торевтики, стилистически сходные с найденными в Зивие, следует ограничить концом VII в. до н. э. К VII в. до н. э. принадлежат также две секиры из геленджикских подкурганных дольменов¹⁹.

Аналогичные предметы вооружения встречаются и в погребальных комплексах Среднего Приднепровья и Поднестровья, но все они, за редким исключением (курган у с. Ленковцы), восходят ко времени не ранее VI в. до н. э.²⁰ В свете этих фактов Прикубанье может рассматриваться в качестве своего рода моста, при посредстве которого данная разновидность секир проникла на территорию лесостепной Скифии.

Железные наконечники копий. Преобладают лавролистные наконечники небольших размеров (длиной 16,7—20 см). Один из них выделяется дуговидными очертаниями лопастей и наличием продольного ребра (погр. 4). У трех — более узкое, ромбическое в сечении перо, утолщающееся к центральной оси (погр. 12, 26, 29). На двух экземплярах в нижней части втулок пробиты парные отверстия для гвоздей (рис. 13, 2—5). Единственный листовидный наконечник с максимальным расши-

рением пера у основания и продольным ребром имеет длину около 43 см (рис. 13, 1).

Более крупные ромбические в сечении лавролистные наконечники копий (длиной около 35 см) представлены среди находок Д. Г. Шульца из Келермесских курганов²¹. Один — беспаспортный, другой связывается с курганом № 1. В таком же комплексе обнаружен большой лавролистный наконечник (длиной 72 см), снабженный продольным ребром, не переходящим во втулку²².

Бронзовые наконечники стрел, найденные в погр. 18 (12 экз.), погр. 23 (4 экз.), погр. 29 (3 экз.) и погр. 30 (3 экз.) подразделяются на пять типов:

1. двухлопастные с лавролистной головкой, иногда имеющей слегка ромбовидные очертания и выступающей втулкой с длинным боковым шипом (3 экз. — погр. 18; 2 экз. — погр. 23; 1 экз. — погр. 30) (рис. 13, 11—13, 22, 23, 27);

2. трехлопастные с остролистной головкой и выступающей втулкой, снабженной боковым шипом (по 1 экз. — погр. 29, 30) (рис. 13, 7, 29);

3. трехлопастные со сводчатой головкой, скошенными книзу концами лопастей и выступающей втулкой (2 экз. — погр. 18; 1 экз. — погр. 29) (рис. 13, 9, 19, 20);

4. трехгранные с листовидной головкой и рельефно выделенной в нижней части граней выступающей втулкой с боковым шипом или без него (4 экз. — погр. 18; по 1 экз. — погр. 23, 29, 30) (рис. 13, 8, 14—16, 24, 28);

5. трехгранные с треугольной головкой и выступающей втулкой, выделенной на гранях двумя вертикальными бороздками (3 экз. — погр. 18, 1 экз. — погр. 23) (рис. 13, 17, 18, 25).

Такой же, но несколько более разнообразный ассортимент бронзовых втульчатых наконечников стрел присущ колчаным наборам из Келермесских курганов²³.

Железные колчаные крючки (погр. 18, 23) разнятся между собой формой головок и расположением пробитых на них отверстий по отношению к оси стержня (рис. 13, 6, 21). С территории Северо-Западного Кавказа нам известно пока два железных крючка. Один из них происходит из погребения 2, открытого в 1982 г. у хутора Ленина на правобережье Кубани²⁴. Комплекс относится к раннескифскому времени, о чем говорит присутствие там бронзовых наконечников стрел келермесских типов, фрагментов чернолощеного черпака, орнаментированного врезными треугольниками и бронзового зеркала с центральной петелькой в виде двух столбиков, прикрытых бляшкой (распалась). Фрагмент железного крючка встречен в погребении IV—III вв. до н. э. у хутора Александровского Усть-Лабинского района²⁵.

Единичные находки предметов такого рода засвидетельствованы в памятниках VII—VI вв. до н. э. Центрального Предкавказья и Нижнего Дона (Комаровский²⁶ и Минераловский могильники²⁷, курганы № 6 у с. Высочино и № 7 у с. Новоалександровка 28). Аналогичные железные крючки обнаружены также при раскопках Каменского городища на Днепре²⁹, однако, для скифской культуры в целом они не характерны. Широкое применение подобных колчаных принадлежностей отмечается

у племен, населявших в эпоху раннего железа районы Волго-Камья³⁰, Урала, Сибири³¹.

Конское снаряжение, встреченное в шести могилах, представлено преимущественно удилами и псалиями. Только два уздечных комплекта содержали наременные бляшки и два — костяные грибовидные столбики. Железные удила оканчиваются либо круглыми, либо овальными петлями (погр. 5, 27, 29, 31). У одной пары (погр. 18) петлями служат отверстия, пробитые на плоско раскованных концах грызел (рис. 14, 1, 3, 6, 8)³².

Столь же численно невелика и коллекция псалиев, включающая два костяных (погр. 5) и три пары железных (рис. 14, 2, 5). Наряду со стержневидными трехпетельчатыми железными псалиями обычного раннескифского типа (погр. 23, 29) имеются и своеобразные дуговидно изогнутые экземпляры с тремя овальными отверстиями в расширенной средней части и шишечками на стержневидных концах (погр. 27). Этим псалиям сопутствовали железные однокольтчатые удила, костяной грибовидный столбик и три бронзовые цилиндрические пронизи, орнаментированные сверху солярным ромбическим значком³³. Один конский набор (погр. 23) содержал помимо железных удил и псалиев железные перстневидные бляшки (рис. 14, 4—6).

Ближайшие параллели железным удилам и трехпетельчатым псалиям наблюдаются как среди старых, так и современных материалов из Келермесских курганов³⁴. Особенно примечательно, что в 1983 г. одновременно и в грунтовом могильнике и при трех лошадях в кургане 24 впервые была засвидетельствована новая разновидность келермесских уздечек, специфику которых определяет наличие железных перстневидных бляшек, от одной до трех пар в каждой³⁵. Соответственно предложенной нами классификации, мы можем считать эти комплекты вариантом VI группы наборной сбруи келермесского типа.

Железные перстневидные бляшки, которые не следует смешивать с так называемыми стремеvidными подвесками, редко встречаются в раннескифских памятниках. Отметим их присутствие совместно с железными удилами со стремявидными петлями и трехпетельчатыми псалиями в кургане № 406 у с. Журовка³⁷ — комплексе, синхронном старейшим курганам келермесской группы, восходящим к третьей четверти VII в. до н. э.

Особняком пока стоит уздечный комплект, помещенный у изголовья воина, как символ конского жертвоприношения в погр. 27. При публикации этой уздечки уже обращалось внимание на отсутствие аналогий келермесским трехдырчатым железным псалиям. Говорилось также и о бронзовых пронизях-распределителях ремней, абсолютные реплики которым представлены только в двух курганах (Рыжановский II, Алексеевский). Данное обстоятельство, с учетом протомеотских элементов обряда (шкура лошади, сбруйный комплект, порядок расстановки посуды и пр.), позволяя датировать погр. 27 третьей четвертью VII в. до н. э.

Бронзовые зеркала по-прежнему ограничиваются двумя экземплярами (погр. 8, 27). Оба дисковидные с утолщенной закраиной и напаянной в центре петелькой. Обратная сторона одного из них декорирована рельефной крестовидной композицией, составленной из четырех тре-

угольников с поперечной штриховкой³⁸. К разновидностям данного типа относятся оформленные в зверином стиле, хорошо известные зеркала (бронзовое и серебряное) из старых раскопок в Келермесе.

Предметы бытового обихода — пряслица, железные ножи, шилья.

Принадлежностью женских могил являются два глиняных пряслица с залощенной поверхностью (погр. 8, 24) и половинка каменного, лежавшего в ногах девочки (погр. 25). Одно глиняное пряслице находилось на каменной жертвенной плите, обнаруженной в разрушенном погр. 32 (рис. 15, 4, 5)³⁹.

Железные ножи, имеющие утолщенную слегка выпуклую спинку и пластинчатый черенок, отличаются небольшими размерами, за исключением двух, достигающих в длину 31 и 35,3 см. Основная масса их связывается с заупокойной пищей (погр. 5, 12, 18, 19, 23, 27, 29). Короткие ножички встречались кроме того около стоп покойных (погр. 25) или вместе с колчанными наборами у левого бедра (погр. 18, 29, 30) (рис. 15, 6—11)⁴⁰. Как уже указывалось нами, подобного типа длинный нож, но с золотой обкладкой рукояти, найден Д. Г. Шульцем в первом Келермесском кургане.

В отдельных мужских могилах (погр. 23, 26, 27) засвидетельствованы железные четырехгранные шилья, помещавшиеся у головы и левого бока умершего (рис. 15, 2, 3).

Гальки-амулеты, имеющие вид продолговатых с закругленными концами, реже подтреугольных брусков, характерны только для мужских захоронений (погр. 16, 23, 16, 27) (рис. 9,3; 10,1; 11,1; 15,1).

Сопровождение покойных одной или несколькими культовыми гальками без четкой системы их расположения в могиле составляет специфику погребального обряда кубанских памятников, начиная с прото-меотского периода⁴¹. Однако на келермесском могильнике наблюдается иная ситуация. Бросается в глаза определенность форм галек, присутствие в каждом комплексе по одному экземпляру и неукоснительное соблюдение принципа размещения их у левого бока погребенных. Представляется поэтому, что несмотря на отсутствие отверстий для подвешивания к поясу, перед нами предметы функционально равнозначные оселкам, большая часть которых, по наблюдению М. П. Грязнова, не использовалась в качестве точильных камней, а принадлежало к категории культово-магических амулетов⁴². Не обнаруживаются никаких следов затертости и на выточенном из черного сланца оселке, найденном Д. Г. Шульцем в первом Келермесском кургане.

Итак, вследствие новых раскопок, значительно расширился круг аналогий между погребальным инвентарем грунтовых и подкурганых захоронений Келермеса, что подтверждает правомочность сделанного нами ранее вывода об одновременности этих памятников. В данной связи показательна единая технология изготовления керамики, морфологическая общность ряда предметов воинского снаряжения (боевые топоры, наконечники копий и стрел), конской сбруи (железные удила, псалии, перстневидные бляшки, костяные грибовидные столбики), железных ножей, однотипность, хотя и не идентичность бронзовых зеркал.

Погребение 27 синхронизируется с двумя курганами, исследован-

ными Н. И. Веселовским, время возведения которых падает на третью четверть VII в. до н. э. Остальные курганные и бескурганные комплексы датируются в пределах второй половины того же, возможно, начала следующего столетия. Предложенная хронология грунтового могильника подкрепляется также особенностями его погребального обряда, демонстрационного, как мы показали, преемственности с протомеотской традицией (южная ориентация погребенных, замещение конских жертвоприношений шкурой лошади и уздечкой, система расстановки посуды, помещение пряслиц в ногах женщин и др.).

Келермесский бескурганный некрополь является, бесспорно, родоплеменным кладбищем рядового аборигенного населения. Чрезвычайно важно, что обогащение источниковедческой базы создало предпосылки для характеристики половозрастного и социального контингента данного коллектива.

Соответственно заключениям антрополога А. С. Козинцева, из двадцати пяти скелетов тринадцать принадлежало мужчинам в возрасте от двадцати до пятидесяти, чаще тридцати-сорока лет (погр. 3, 15, 16—18, 21, 23, 26, 27, 27^a, 29, 30, 31) и один — юноше (погр. 9). Среди женщин преобладали двадцати-тридцатипятилетние (погр. 2, 4, 6, 8, 11, 12, 14, 24) и только одна была старше сорока пяти лет (погр. 15). Самое младшее поколение представлено пока останками десятилетнего ребенка (погр. 7) и девочки (погр. 25). Девять костяков в силу плохой сохранности не поддаются атрибуции. Определение же их половой принадлежности по составу погребального инвентаря может быть чревато ошибками. Для примера достаточно вспомнить женские захоронения с оружием и конем (погр. 4, 12) и мужское, сопровождаемое зеркалом (погр. 27).

Содержимое могил раскрывает достаточно дифференцированную структуру местного общества, основанную на социальном и имущественном неравенстве рядовых обитателей.

К самому низкому уровню относятся лица, находившиеся преимущественно в скорченных позах, без заупокойного инвентаря (погр. 1, 3, 6, 7, 10, 11, 13, 17, 27^a, 28). Следующую группу образуют мужчины и женщины, хоронившиеся вытянуто на спине, изредка в скорченном положении и снабжавшиеся только керамикой (погр. 2, 9, 14, 15, 20, 21, 22), иногда сочетавшейся с гальками-амулетами, железными ножами или веретеными пряслицами (погр. 16, 19, 24, 25, 32^a). Выделяется сословие воинов-всадников, оснащенных боевыми топорами, копьями и луками со стрелами (погр. 5, 18, 23, 27, 29, 30, 31). Особую категорию составляли молодые женщины-воительницы, владевшие искусством метанья копья и верховой езды (погр. 4, 12). Для воинских могил характерно вытянутое положение умерших, присутствие каменных жертвенных плит и мясной папуштвенной пищи, далеко не всегда встречающейся в других захоронениях.

Если исключить керамические изделия, гальки-амулеты и ножи, то весь остальной материал, а это — оружие, конская упряжь и зеркала, заимствован из скифского комплекса материальной культуры. Отсутствие здесь третьего компонента так называемой скифской триады лишний раз доказывает, что вещи, орнаментированные мотивами зве-

риного стиля предназначались, главным образом, для родо-племенной знати и воинской аристократии.

Вообще же сам по себе факт концентрации на рядовом закубанском могильнике весьма большой и разнообразной серии предметов раннескифского типа, с учетом довольно архаичного возраста этого памятника, вряд ли можно интерпретировать в плане отражения контактов широких масс населения со скифским миром Северного Причерноморья. Более правомерно предположение о наличии в местной среде скифского этнического элемента. Общеизвестно, что большинство исследователей разделяет мнение относительно скифской принадлежности Келермесский курганов, а содержащиеся в них предметы древневосточного импорта расценивают как свидетельство участия погребенных там вождей в переднеазиатских походах. Существуют между тем и иные этнические атрибуции этих курганов (меотская, киммерийская). В свою очередь разногласия вызывают и вопросы об этническом происхождении меотских племен, которых считают в основной своей массе представителями иберо-кавказской языковой семьи с включениями отдельных ираноязычных элементов, либо потомками киммирийцев или индоариями. Неясно также насколько оправдано перенесение этнонима меоты на всех обитателей Среднего Закубанья, поскольку до сих пор слабо разработана этногеография этого региона. Сложность и обширность данной темы требует специального ее рассмотрения, невозможного в ограниченных рамках настоящей статьи.

* * *

1. Галанина Л. К., Пиотровский Ю. Ю. Курганы эпохи бронзы и раннемеотские погребения Келермесского могильника. // В сб.: Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1985, с. 5 и сл.
2. Галанина Л. К. Раскопки Келермесского могильника летом 1983 г. // АО за 1983 г., М., 1985, с. 112, 113.
3. Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника.) // СА, 1985, № 3, с. 156—164.
4. Здесь и далее первая цифра в скобках обозначает номер по плану погребения.
5. Частично открыто также погр. 33, представленное отдельными вещевыми находками.
6. Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений..., с. 158, рис. 2, 7; с. 160, рис. 4, 13.
7. Крупнов Е. И. Жемталинский клад // Труды ГИМ, М., 1952, вып. IV, с. 20 сл.
8. Лесков А. М. Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985, кат. №№ 103, 106.
9. ОАК за 1902 г., СПб 1904 г., с. 75, рис. 160.
10. Анфимов Н. В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА, 1949, XI, с. 248, рис. 6, 1—3; рис. 7, 4, 5.
11. Ловпаче Н. Г., Тов А. А. Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья // ВАА, Майкоп, 1983, табл. 1, 5.
12. Анфимов Н. В. Археологические разведки по Среднему Прикубанью // КСИМК, 1955, вып. 60, с. 46, рис. 16, 1, 5.
13. Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношения..., с. 158, рис. 2, 12, с. 159, рис. 3, 15, с. 160, рис. 4, 12.
14. Анфимов Н. В. К вопросу о населении..., с. 247, рис. 4, 3; Ловпаче Н. Г., Тов А. А. Некоторые материалы из Псекупского могильника..., с. 45, табл. XVI, 9, 12.
15. Анфимов Н. В. Археологические разведки по Северному Прикубанью..., с. 47:

Довпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупса//ВАА, Майкоп, 1985, с. 45, табл. XVI, 5.

15. Пиотровский Б. Б. и Иессен А. А. Моздокский могильник. Л., 1940, сс. 37, 38 и табл. XIV, 1.

17. Галанна Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами..., с. 159, рис. 3, 7, с. 160, рис. 4, 14.

18. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985, с. 80—83, табл. XI, 1—4, 16—17, табл. XII, 3—5.

19. Аханов И. И. Геленджикские подкурганые дольмены.— СА, 1961, № 1, с. 144, рис. 5—7.

20. Іллінська В. А. Скифські сокири.— Археологія, 1961, т. XII, с. 36—39, рис. 6 и 7; Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, вып. Д. 1—4, М., 1964, с. 66 и табл. 21, 9, 19, 20.

21. ГЭ, инв. №№ Ку 1903 2/6, Ку 1903—1904 1/55.

22. Мелюкова А. И. Вооружение скифов..., табл. 12, 14.

23. Там же, с. 17, табл. 1, 3, 4.

24. Каминский В. Н. Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара// СА, 1987, № 2, с. 256, 157, рис. 2 и 3.

25. Каминская И. В. Меотский могильник у х. Александровского в Закубанье// ВАА, Майкоп, 1984, с. 82, рис. 1, 8.

26. Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья//СА, 1974, № 2, с. 198, рис. 3, 21.

27. Егоров Н. М. Могильник скифского времени близ г. Минералводска// КСИИМК, 1955, вып. 58, с. 52, рис. 17, 4.

28. Кореняко В. А., Лукьянов С. И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона//СА, 1982, № 3, с. 150, рис. 2, 3, с. 156, рис. 7, 2.

29. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре//МИА, 1954, № 36, с. 126, табл. XVIII, 3, с. 133, табл. XIX, 1.

30. Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М., 1977, с. 198, 199, рис. 75, 6, 8.

31. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов//МИА, 1961, № 101, с. 35.

32. Галанна Л. К. К проблеме взаимоотношения..., с. 159, рис. 3, 5, с. 160, рис. 4, 10.

33. Там же, с. 159, рис. 3, 4, 6.

34. Там же, с. 160, рис. 4, 4—10.

35. Отчет о работах Келермесской экспедиции летом 1983 г.//Архив ИА АН СССР, с. 36, 37.

36. Галанна Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов)//АС ГЭ, 1983, вып. 24, с. 35—53, табл. 7, 1, 6—8.

37. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тьямин. Киев, 1975, табл. VIII, 15, 16. Не верно названы стремевидными подвесками, имеющими обычно не округлый щиток, а продолговатую перемычку.

38. Галанна Л. К. К проблеме взаимоотношения..., с. 159, рис. 3, 10, с. 160, рис. 4, 3.

39. Там же, с. 159, рис. 3, 9, 17.

40. Там же, с. 158, рис. 2, 13, с. 160, рис. 4, 11.

41. Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с. Николаевского// Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II, Майкоп, 1981, с. 115.

42. Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени//Сб.: Исследования по археологии СССР. Издательство Ленинградского университета. 1961, с. 139—144.

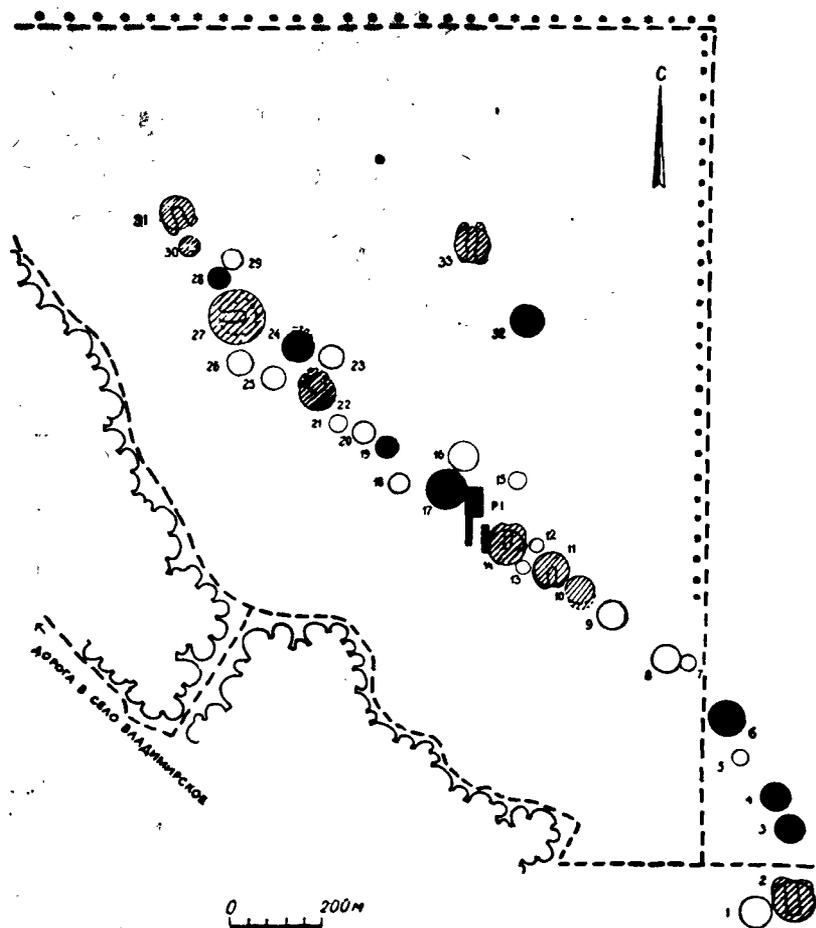

Рис. 1. План основной курганной группы Келермесского могильника. Штриховкой показаны дореволюционные раскопки, черной заливкой — раскопки 1981—1984 гг.

КУРГАН 14

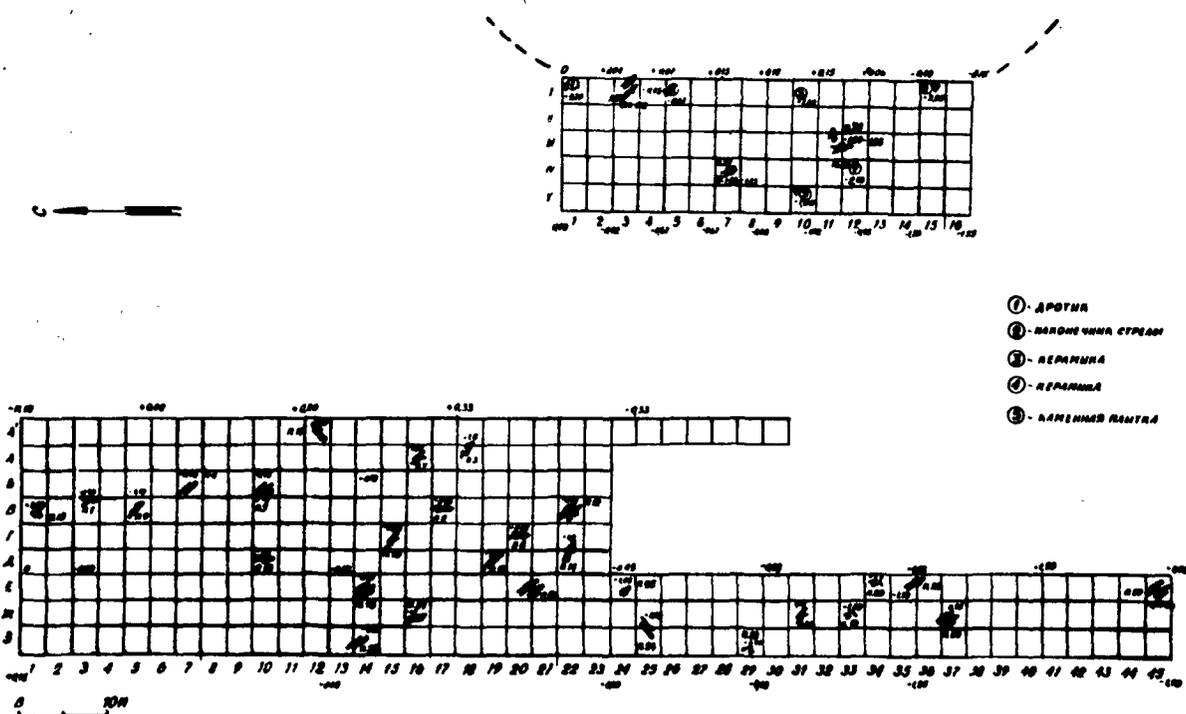

Рис. 2. План раскопа 1.

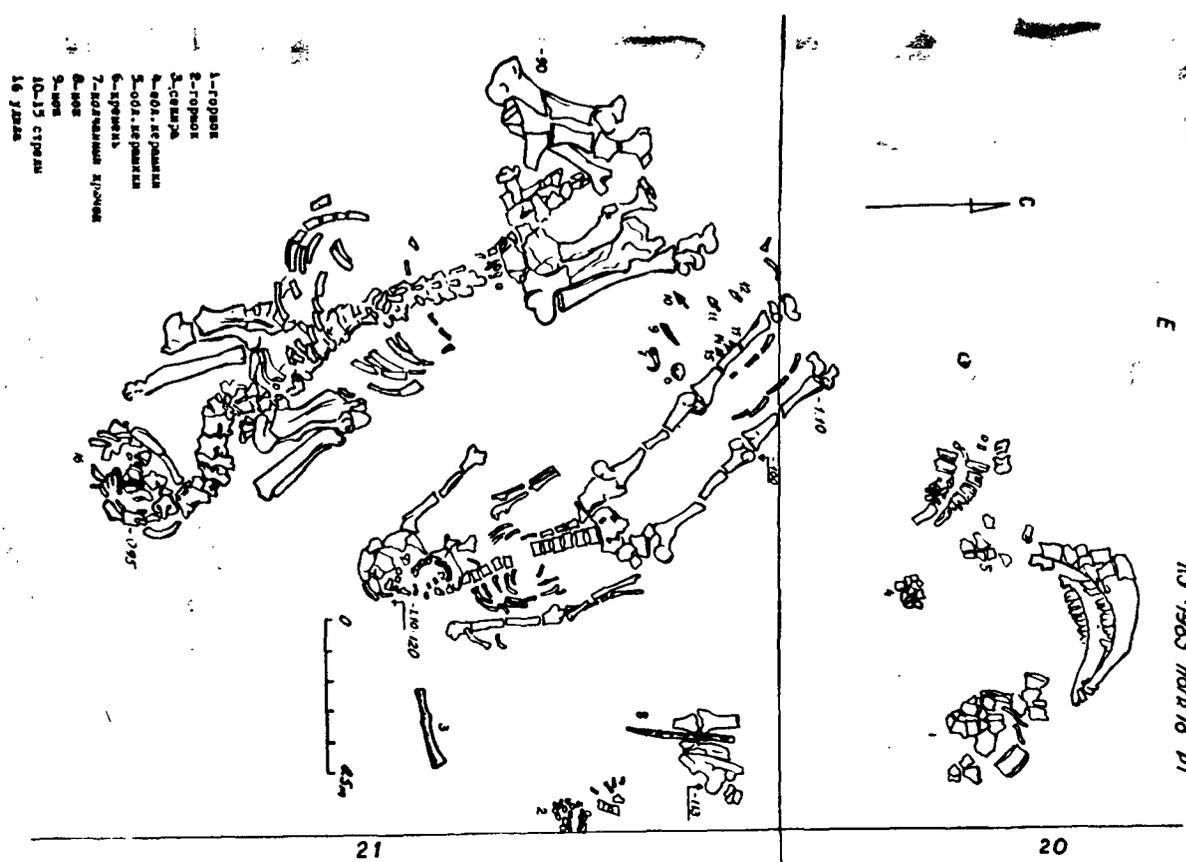

Рис. 4. План погребения 18.

КЗ-1983 год 18 Д1

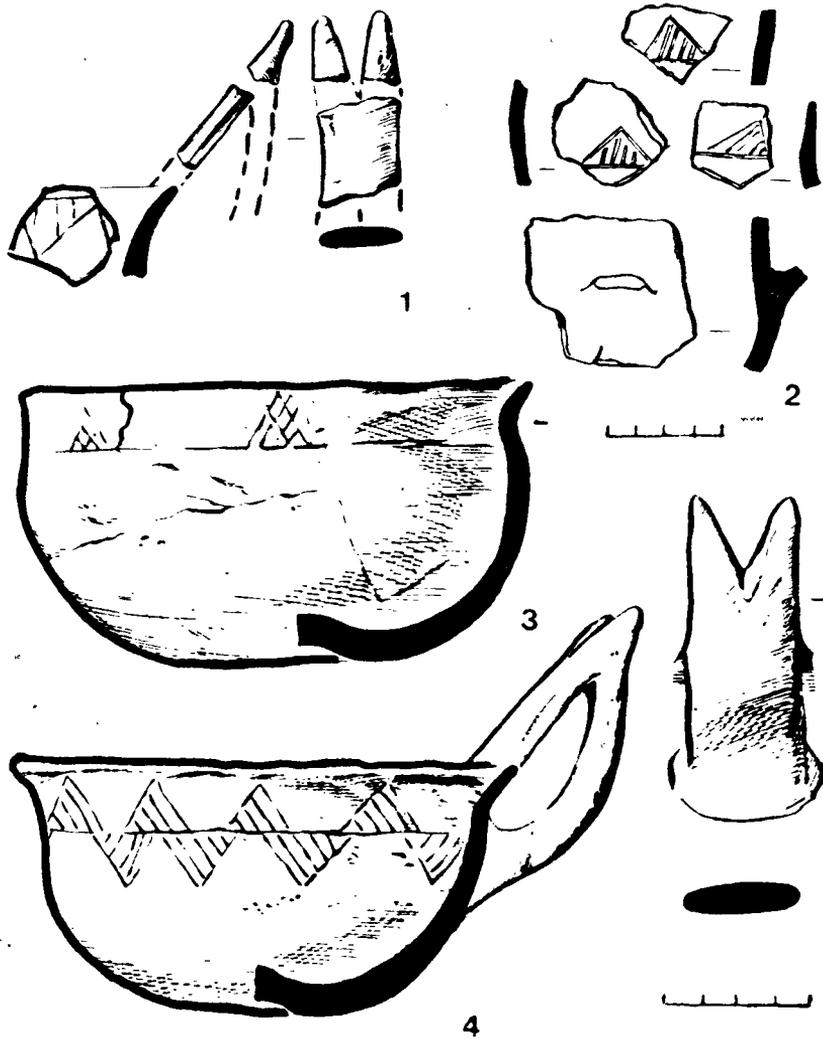
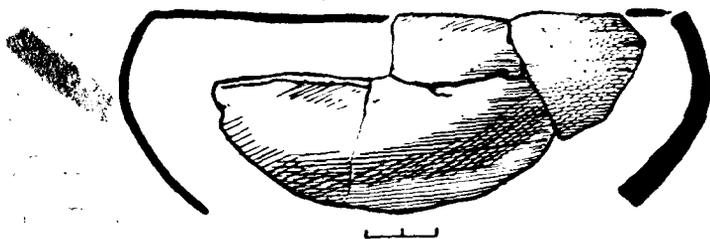
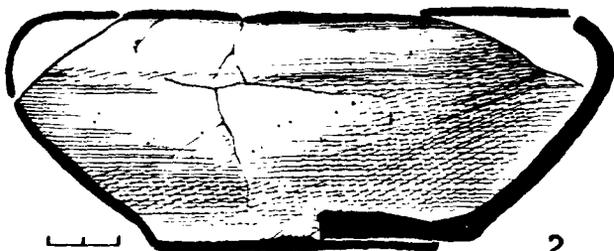

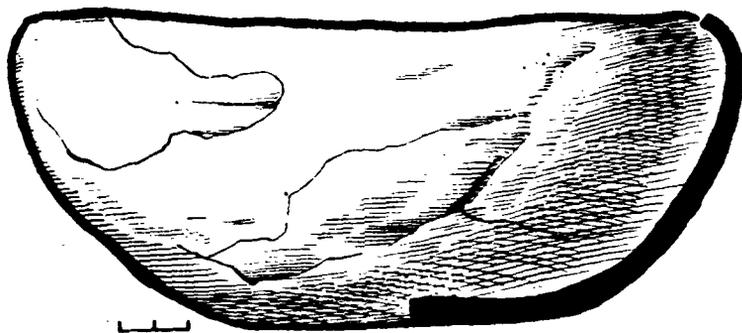
Рис. 5. Глиняные черпаки. 1 — пог. 25; 2 — пог. 30; 3 — пог. 24; 4 — пог. 21.

1

2

3

Рис. 6. Глиняные миски. 1 — пог. 25; 2 — пог. 29; 3 — пог. 21.

1

2

Рис. 7. Керамика. 1 — пог. 23; 2 — пог. 26.

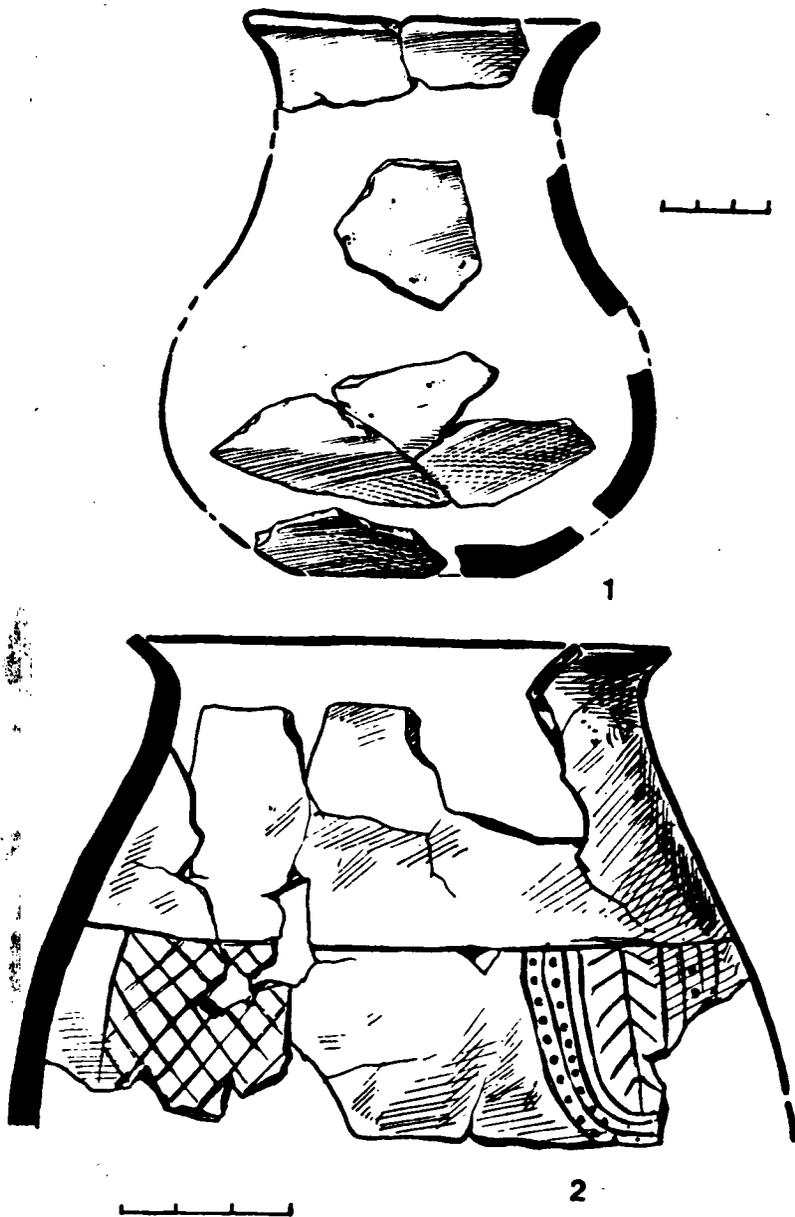

Рис. 8. Керамика. 1 — пог. 25; 2 — пог. 22.

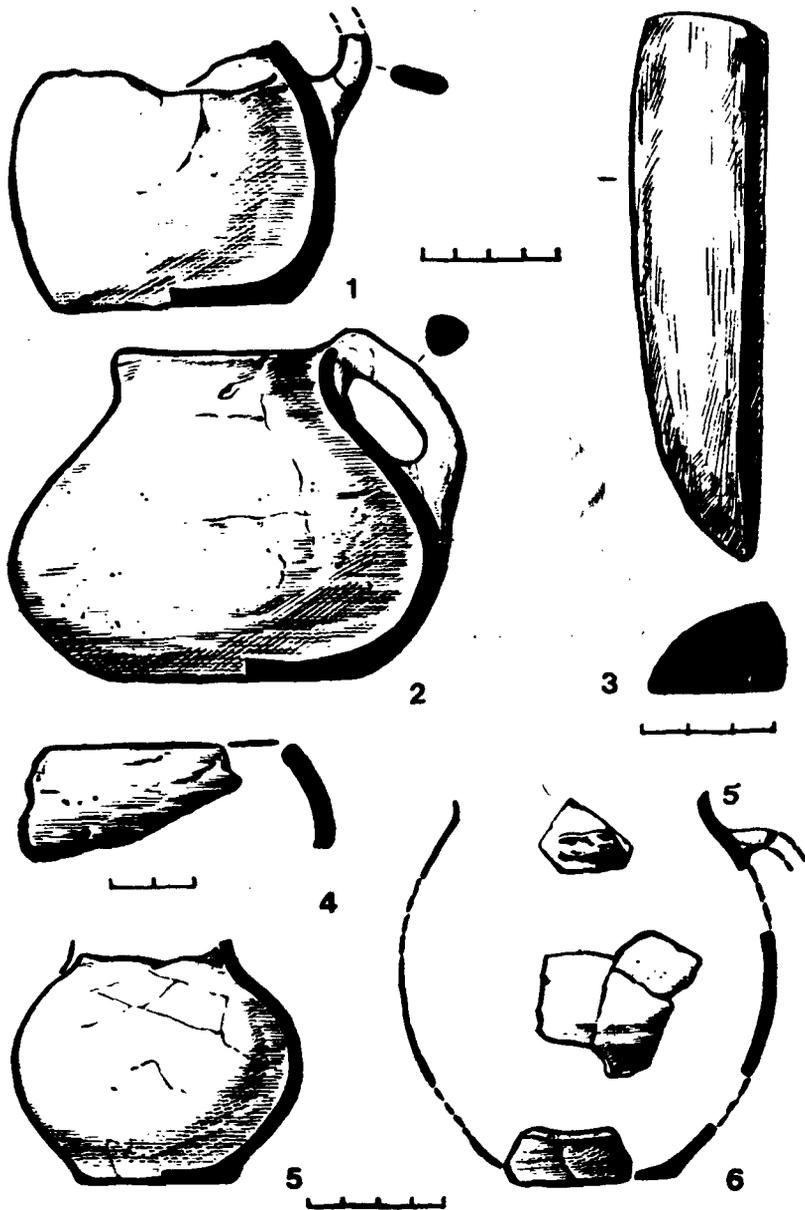

Рис. 9. Керамика и галька-амулет. 1 — пог. 21; 2 — пог. 24; 3 — пог. 29; 4 — пог. 21; 5 — пог. 20; 6 — пог. 21.

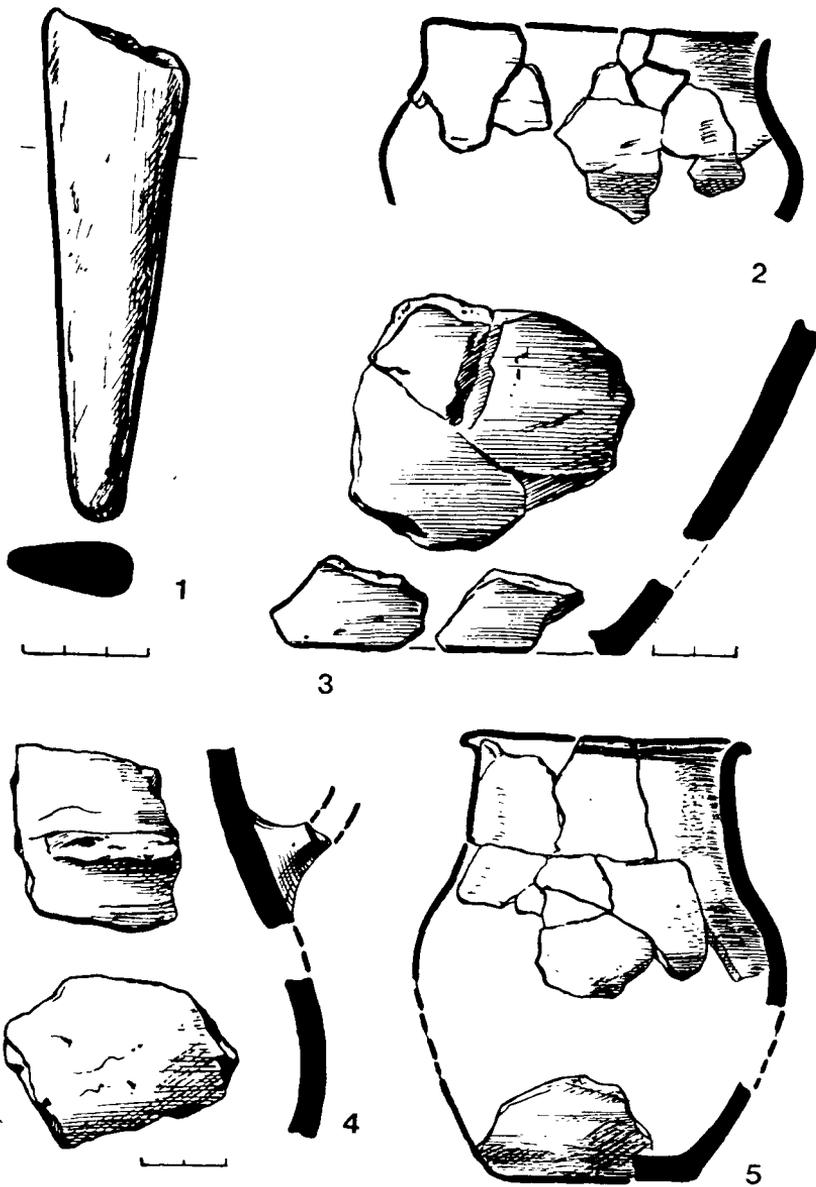

Рис. 10. Керамика и галька-амулет. 1 — пог. 23; 2 — пог. 18; 3, 4 — пог. 16; 5 — пог. 19.

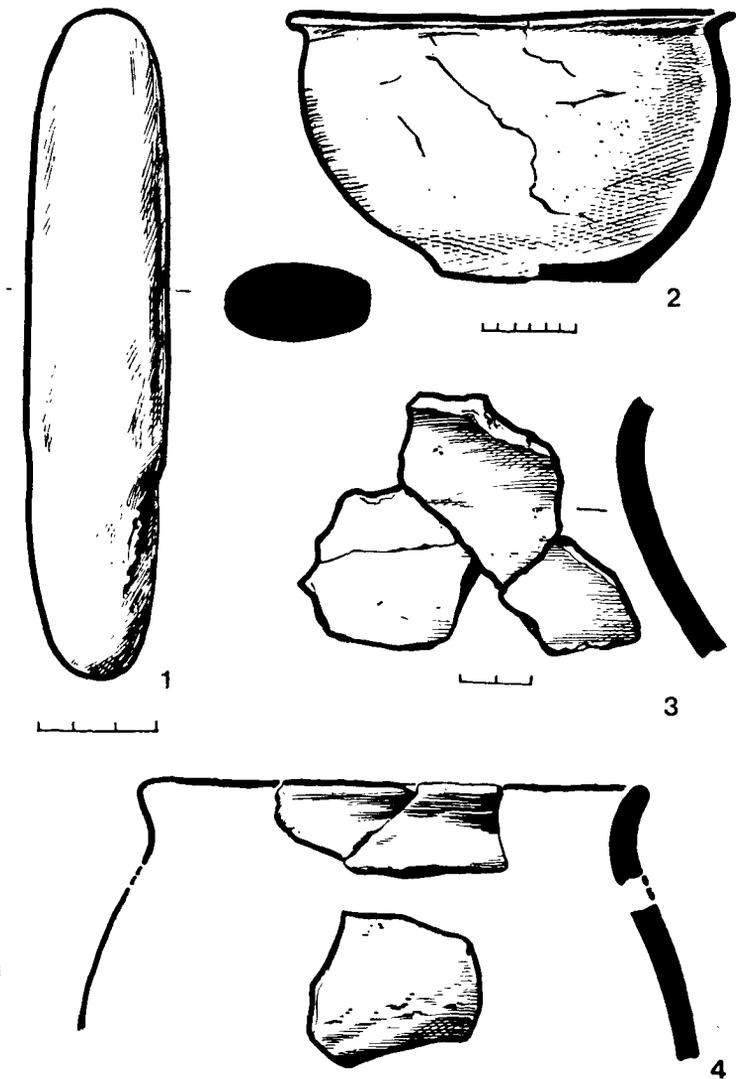

Рис. 11. Керамика и галька-амулет. 1 — пог. 16; 2, 3 — пог. 29; 4 — пог. 26.

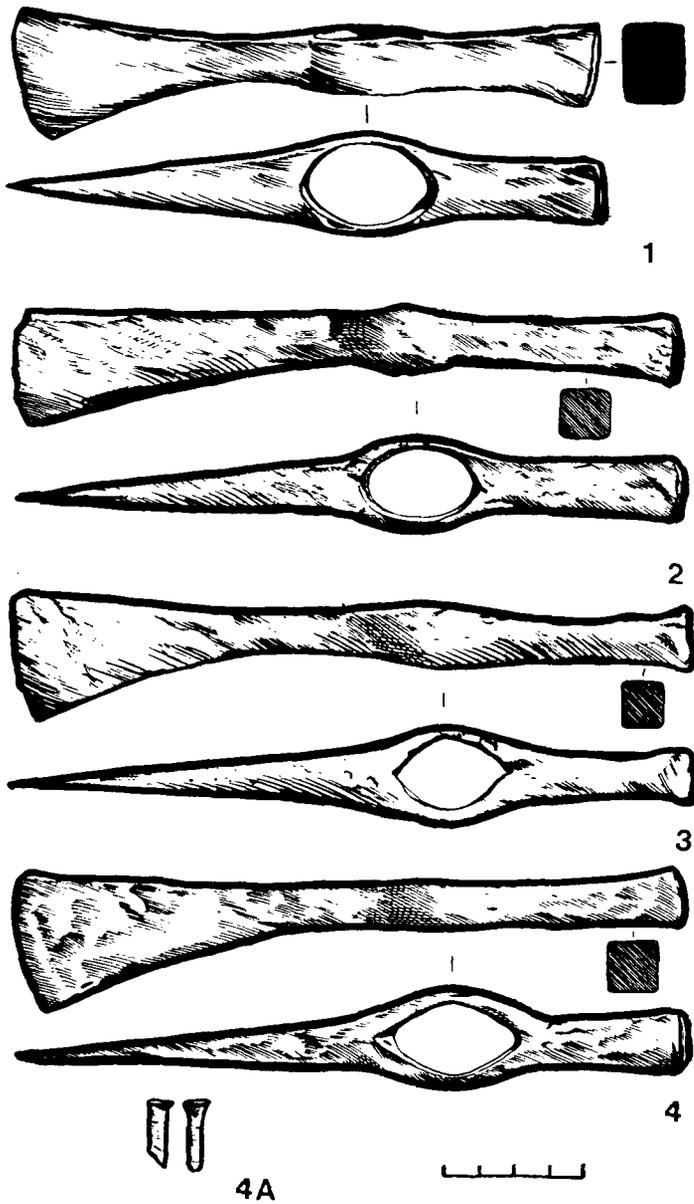

Рис. 12. Железные боевые топоры. 1 — пог. 27; 2 — пог. 18; 3 — пог. 29; 4, 4^а — пог. 23.

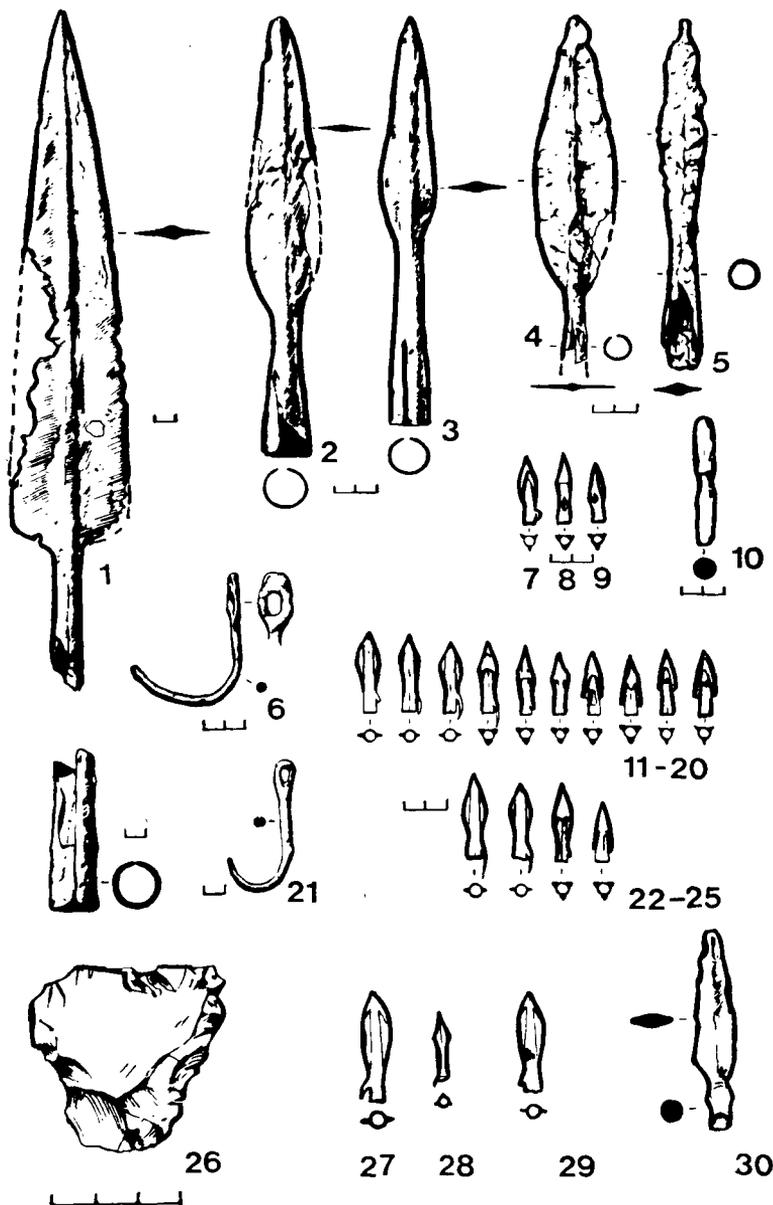

Рис. 13. Предметы вооружения, колчаные крючки и застежка, кремневый отщеп. 1 — пог. 23; 2 — пог. 29; 3 — пог. 26; 4 — пог. 4; 5 — пог. 12; 6 — пог. 23; 7—9 — пог. 23; 10 — пог. 32; 11—20 — пог. 18; 21 — пог. 23; 22—25 — пог. 29; 26 — пог. 18; 27—29 — пог. 30; 30 — находка в районе пог. 30, 31. 1—6, 21, 30 — железо; 10 — кость; 7—9, 11—20, 22—25, 27—29 — бронза; 26 — кремнь.

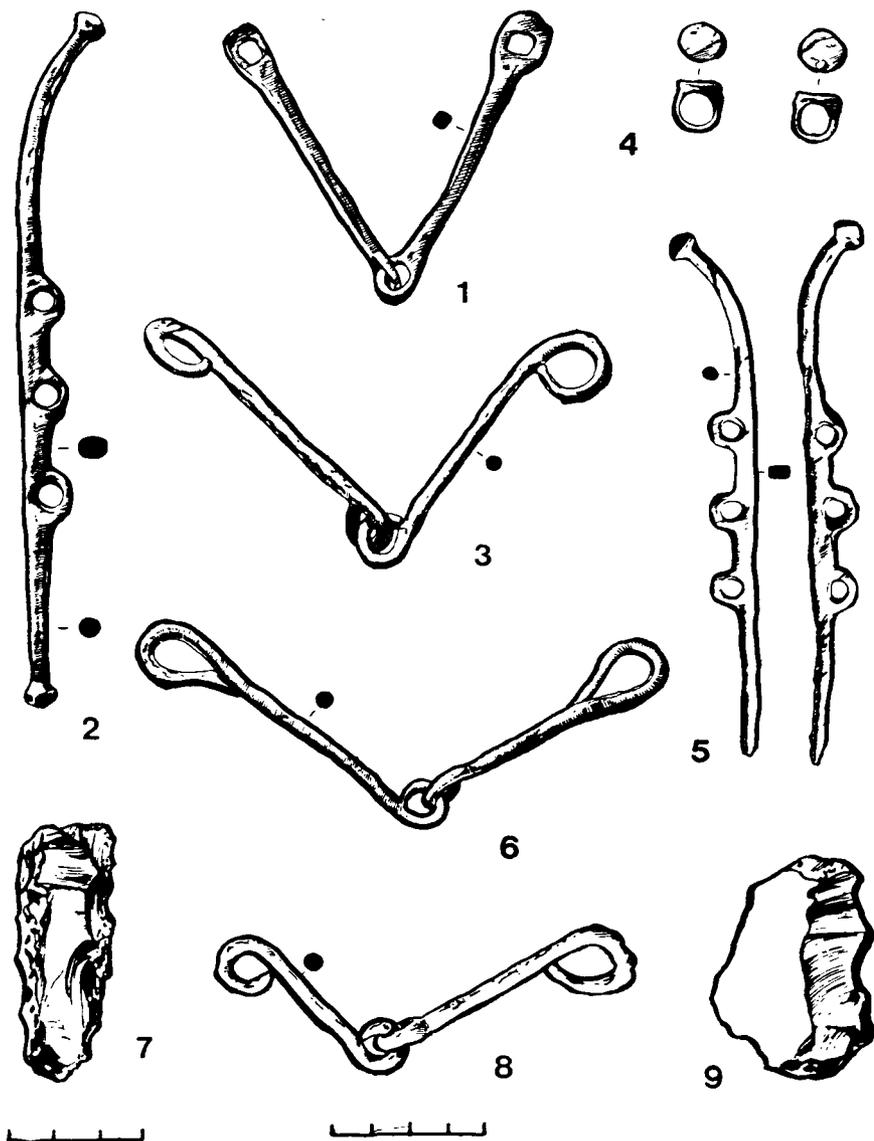

Рис. 14. Железные удила, псални, уздечные бляшки, кремневый отщеп. 1 — пог. 18; 2,3 — пог. 29; 4—7 — пог. 23; 8 — пог. 31; 9 — пог. 21.

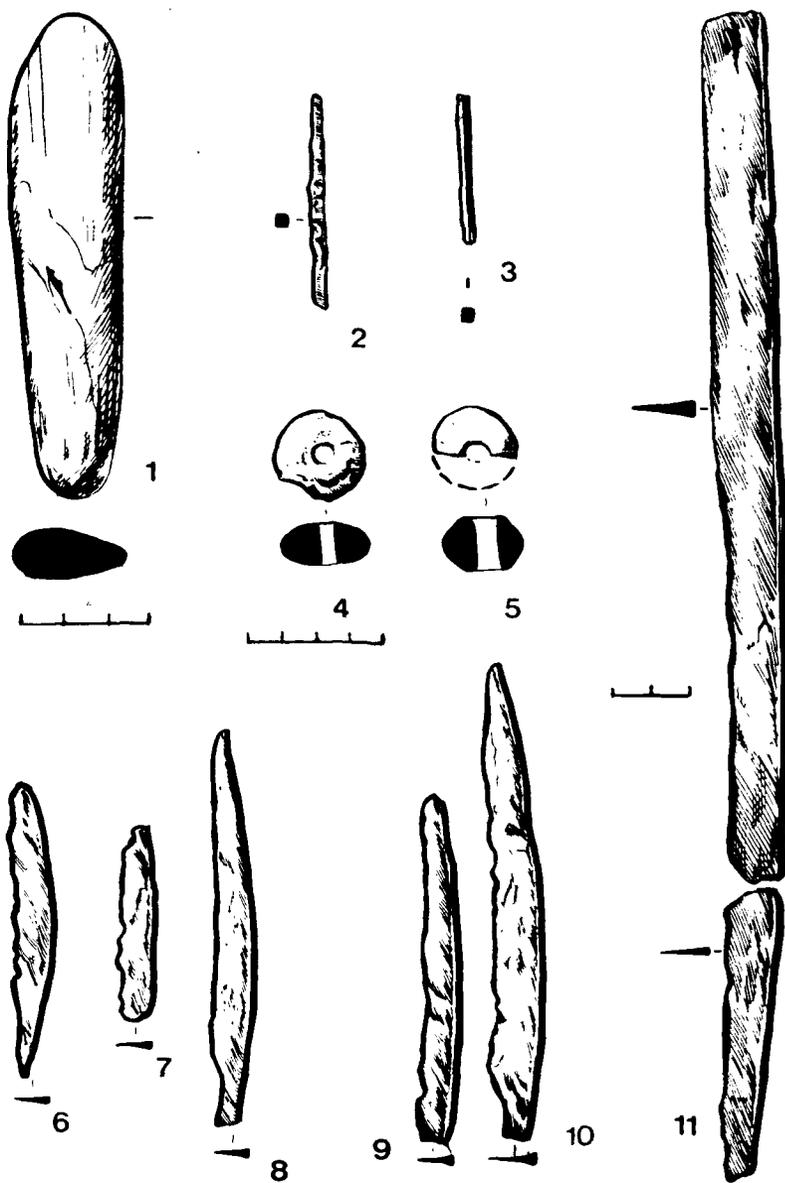

Рис. 15. Ножи, шилья, пряслица, галька-амулет. 1, 2 — пог. 26; 3, 8 — пог. 23; 4 — пог. 24; 5 — пог. 25; 6, 10 — пог. 29; 7 — пог. 18; 9 — пог. 19; 11 — пог. 18.
1, 5 — камень; 2, 3, 6, 11 — железо; 4 — глина.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕХНИКИ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КЕЛЕРМЕССКИХ КУРГАНОВ И КЕЛЕРМЕССКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА В ГИАГИНСКОМ РАЙОНЕ

Проблемы освоения и развития техники обработки черных металлов на Северном Кавказе с давних пор привлекают внимание исследователей, занимающихся историей местных племен. По мере накопления новых данных вносятся хронологические коррективы, уточняются критерии переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа.

Широкие возможности в изучении истории железообработки открылись с внедрением в археологию естественно-научных методов, в частности металлографических, позволяющих значительно расширить информативность основного источника — изделий из черного металла.

На основании изучения структуры металла конкретного предмета можно достаточно достоверно реконструировать приемы его изготовления, оценить качество исходного сырья, уровень технологических знаний и квалификацию мастерства. Обобщение результатов исследования серий железных предметов из единокультурных памятников, выявление наиболее показательных признаков, характеризующих технологию производства, и получение таким образом сравнительных данных, позволяет выходить на уровень историко-технического и историко-экономического анализа.

Для Северного Кавказа такая работа начата и ведется на материалах из памятников с территории распространения кобанской культуры [1—6]. Основательную базу для сравнительного анализа составляют накопленные данные аналитического исследования железных изделий из могильников: Сержень-Юрт, Уллубаганалы II, Верхняя Рутха, Комаровский, Кисловодский, Березовский, Нестеровский, Луговой, Аллерой, Пседахе, Султан Гора III, Верхняя Кобань, Каменноостский, Каррас, Кашкатау, Нартан¹.

¹ Аналитические данные и шлифотека хранятся в Лаборатории естественно-научных методов (Кабинет металлографии) Института археологии АН СССР.

Богатейшие материалы из такого сложного в этнокультурном отношении региона как Прикубанье, чрезвычайно важные для понимания многих вопросов становления железообрабатывающего производства на Северном Кавказе, еще ждут исследования.

Пока же мы обращаемся к коллекциям железных изделий из двух замечательных памятников курганного и грунтового могильников у ст. Келермесской (Адыгейская автономная обл.). Знаменитые Келермесские курганы, содержавшие комплексы времен скифской архаики, были открыты и исследованы, как известно, еще в начале XX в. Д. Г. Шульцем и Н. И. Веселовским. Несовершенство проведенных ими раскопок (траншейным методом), отсутствие должной фиксации вскрытых объектов побудили сотрудников Государственного Эрмитажа организовать экспедицию с целью планомерного исследования могильника [7, с. 156].

В ходе археологических работ в 1981—84 гг. здесь был обнаружен и раскопан грунтовой меотский могильник. Автор раскопок Л. К. Галанина относит могильник к раннемеотскому времени, ко второй половине VII — началу VI вв. до н. э. Этим же временем, на основании детального изучения уздечных наборов, она датирует и Келермесские курганы [8].

Констатация факта одновременного существования двух групп погребальных сооружений на одном кладбище поднимает сложные проблемы интерпретации этнической, социальной и политической ситуации в регионе.

Перед нами стоит более частная задача, касающаяся производственной сферы деятельности населения, однако какие-то наблюдения, выводы, возможно будут способствовать решению и более общих вопросов.

Изделия из черного металла, отобранные для металлографического изучения, представляют такие категории, как детали конской узда, оружие, бытовые предметы, всего 68 экз.² В количественном отношении изученные коллекции из курганов и грунтового могильника близки, однако по составу, к сожалению, значительно различаются. В первом случае основную массу предметов составляют детали конской узды (удила, псалии), во втором ассортимент богаче — хорошие серии ножей, топоры-секиры, колчаные крючки, булавки.

Исследования проведены автором в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР.

1. Техничко-технологическая характеристика черного металла из Келермесских курганов

Исследованная металлографически коллекция железных изделий из Келермесского курганного могильника состоит из 36 предметов, включающих удила (16 экз.), псалии (14 экз.), стержни от бронзовых наверший (4 экз.), наконечник копья, нож.

² Коллекции хранятся в Государственном Эрмитаже. Глубоко признательна Л. К. Галаниной за предоставленную возможность ознакомиться с материалами и взять образцы для исследования.

Основная масса предметов происходит из раскопок 1903—1904 гг. Н. И. Веселовского (ан. 5010—5021, 5023—5031)¹ и Д. Г. Шульца (ан. 5022, 5032—5035), а также из материалов, полученных при исследовании экспедицией Государственного Эрмитажа в 1983 г. кургана со следами дореволюционных раскопок Д. Г. Шульца (ан. 5065—5072). Богатейшие серии уздечных наборов из Келермесских курганов, связанные с многочисленными конскими захоронениями, содержат наряду с бронзовыми удилами железные экземпляры.

Железные удила в основном двух типов — стремячковидные, близкие по форме бронзовым, и с кольцевидными петлями. Представлен в келермесском наборе и такой редкий тип железных удил, как двукольчатый.

Отобранные для металлографического анализа экземпляры удил относятся к типу стремячковидных или имеющих петлеобразнозагнутые концы (рис. 1).

В обоих случаях конструктивно у одного из звеньев удил концы расположены в одной плоскости, у другого конец, формирующий грызло повернут на 90° по отношению к внешнему концу.

Стремячковидное окончание формировалось либо путем прошивки отверстия в расплющенном конце соответствующих очертаний, либо выводилось на оправке. Противоположный кольцевидный конец у одного из звеньев также чаще всего имеет пробитое отверстие, в то время как у другого звена в месте грызла оно петлевидно загнуто (например, рис. 1, ан. 5017).

Псалии, подвергнутые исследованию, однотипы — трехпетельчатые. Они представляют собой стержень, круглый в сечении, один конец его загнут и заканчивается конусовидной головкой, другой имеет завершение в виде шишечки. В средней части стержня — три петлевидных выступа.

Для металлографического изучения с целью получения наиболее полной информации о технологии изготовления предметов конского снаряжения образцы отбирались с различных элементов удил и псалиев (грызла, внешние концы звеньев удил, стержни, конусовидные завершения псалиев).

Как показали результаты микроскопического анализа образцов металла, удила и псалии изготавливались, как правило, из стали. Только один экземпляр удил из шестнадцати изученных оказался сформованным из заготовки, сваренной из двух полос железа и малоуглеродистой стали. Из четырнадцати экземпляров псалиев — только два железные (микротвердость феррита № 128 кг/мм² — 151 кг/мм²).

В большинстве случаев использовалась неравномерно науглероженная сталь (колебание содержания углерода от 0,2—0,3% до 0,5—0,7% и соответственно микротвердости от 221 кг/мм² до 254 кг/мм²). Такая сталь (сырцовая) получалась непосредственно в сыродутном горне.

Ряд изделий откован из равномерноуглероженной и средне- и высо-

¹ Здесь и далее указываются номера анализов по книге регистрации Кабинета металлографии Лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР.

ко-углеродистой стали, полученной путем сквозной цементации железной заготовки (ан. 5017, 5021 — удила; 5012, 5018 — псалии).

Использовался также прием цементации готового изделия для создания сталистого слоя на поверхности (ан. 5067 — удила; 5032, 5033 — псалии).

В четырех случаях удила (ан. 5016, 5019, 5021, 5067) и в трех случаях псалии (ан. 5012, 5018, 5042) были подвергнуты термической обработке (микроскопически фиксируются структуры мартенсита, тростита, сорбита, микротвердость соответственно 642—724 кг/мм², 322—350 кг/мм², 250—294 кг/мм²).

Оценивая качество металла следует подчеркнуть, что, как правило, он хорошо прокован, шлаковые включения присутствуют в незначительном количестве, обычно они измельчены или вытянуты в виде тонких прослоек в направленииковки. Вместе с тем в структуре металла значительного числа изделий (30% от общего количества изученных предметов конского снаряжения) отмечены следы нарушения температурного режимаковки — перегрев (крупнозернистая структура видманштеттного характера), что с технологической точки зрения рассценивается как фактор отрицательный.

Формовка изделий рассмотренной категории предполагает использование целого ряда разнообразных кузнечных операций, каждая из которых требовала нагрева заготовки до соответствующей температуры. Первоначально формовалась заготовка в виде стержня, для чего необходима рубка и вытяжка металла, круговаяковка. Следующая операция — осадка для увеличения диаметра заготовки в тех местах, где предполагалась прошивка отверстий (например, кольцевидных или стремячковидных завершений звеньевудил, петлевидных выступов на псалиях). Затем следовало плющение этих участков и пробивка отверстий соответствующей формы. Необходима была и такая операция, как высадка для конусовидных или шишечкообразных завершений на псалиях. При конструировании кольцевидных петель широко применялись различные виды гибкого металла.

Качественное выполнение перечисленных операций требовало профессиональных навыков и опыта в пластической обработке черного металла.

Наконечник копья (рис. 1, ан. 5022). В исследованной коллекции из Келермесского курганного могильника представлен единственным экземпляром. Относится к типу узколистных с вытянуто-ромбическим сечением пера. Сохранившаяся часть пера (11,5 см) несколько короче втулки (13,5 см). Ширина пера у основания — 18 мм, наибольший диаметр втулки — 30 мм. Происходит из кургана, раскопанного Д. Г. Шульцем.

На основании микроскопического анализа образца, взятого с поперечного сечения пера, можно заключить, что наконечник копья был откован из железной заготовки, в готовом виде перо было подвергнуто односторонней поверхностной цементации с целью создания сталистого слоя. Благодаря этому изделие приобретало достаточную твердость, хорошо сохраняя остроту заточенных лезвий, и в то же время было

достаточно упругим (не гнулось и не ломалось). Такой прием зафиксирован как характерная особенность железообработки племен кобанской культуры. Он известен в материалах из Тлийского могильника, в частности, отмечен на наконечнике копья из погребения, относящегося к VIII в. до н. э. [9, с. 114], в материалах из могильников Сержень-Юрт, Уллубаганалы II [1, с. 112, 113]. Аналогичным способом изготовлен ряд изделий, в том числе наконечник копья (ан. 3611) из могильника Нартан.

Металл келермесского наконечника хорошо прокован, шлаковых включений незначительное количество. Структура металла имеет признаки перегрева.

Кузнечные операции при ковке наконечника сводились к вытяжке заготовки, осадке ее, плющению утолщенного конца и сворачиванию на оправке втулки, формовке пера.

Нож (рис. 2, ан. 5065) происходит из кургана, который копал Д. Г. Шульц и который (№ 24) был исследован в 1983 г. экспедицией Государственного Эрмитажа. Сохранилось только лезвие с прямой спинкой (длина 11,5 см, ширина 1 см). Металлографическое исследование показало, что нож был откован целиком из стали хорошего качества (равномерноауглероженная, среднеуглеродистая). Следов перегрева металла не отмечено.

Стержни от бронзовых наверший. В изученной коллекции их четыре (рис. 2, ан. 5023—5025, 5035). Один — с сохранившимся навершием грушевидной формы с прорезями и свободно перемещающимися внутри двумя бронзовыми шариками (рис. 2, ан. 5035), происходит из раскопок Д. Г. Шульца, остальные из раскопок Н. И. Веселовского (кург. 1). Все стержни по форме одинаковые: плоские (дл. 15—20 см, ширина 1—1,5 см, толщина — 0,5 см), иногда с петлевидным выступом с одной стороны. Один конец заострен, другой конусовидно расширен и заканчивается площадкой диаметром 2,5 см. Это расширение имело конструктивное значение, способствуя прочному скреплению с втулкой бронзового навершия. Навершие отливало по восковой модели. Верхняя расширенная часть железного стержня служила одним из элементов при конструировании модели и литейной формы, так что бронзовое навершие в конечном итоге, как-бы приливалось к нему.

Образцы для исследования железных стержней отбирались с заостренного конца. Во всех случаях он оказался либо цельностальным, либо имел сталистый слой на поверхности, причем с одной стороны (ан. 5023).

Из стали высокого качества равномерноауглероженной с последующей термической обработкой откован стержень с сохранившимся бронзовым навершием (ан. 5035). Из высокоуглеродистой стали со следами обезуглероживания и термической обработки изготовлен другой экземпляр (ан. 5025), третий (ан. 5025) сформован из неравномерноауглероженной сырцової стали. Металл в большинстве случаев хорошо освобожден от шлаковых включений. Крупнозернистость структурных составляющих (ан. 5024) и обезуглероженность (ан. 5025) на двух образцах свидетельствуют о том, что ковка велась при повышенных темпе-

ратурах. Кузнечные приемы при формовке описанных стержней складывались из операции рубки металла, вытяжки заготовки, осадки, круговойковки.

Подводя итоги технико-технологической характеристике исследованных изделий из черного металла из Келермесских курганов, можно заключить следующее (табл. 1). Основным поделочным материалом была сталь (только 3 предмета из 36 — железные); причем сталь — сырцовая (61,1% от общего количества изученных изделий), получаемая непосредственно в ходе металлургического процесса.

Около 30% изделий изготовлены из стали, полученной путем цементации либо заготовок, либо готовых изделий. При этом зафиксирован прием односторонней поверхностной цементации: значителен процент (25) термически обработанных изделий. Мастера в совершенстве владели всеми кузнечными операциями, позволявшими создавать изделия любой формы. При необходимости использовалась конструктивная сварка (например, при производстве удил). Сварка, как технологическая схема, с целью улучшения механических свойств, не зафиксирована. Характерной особенностью является перегрев металла в процессековки.

Таблица 1

Технологические схемы железных изделий из Келермесских курганов

Предмет	Технология					Из них		
	из железа	сырцовой сталн	цементация заготовки	цементация готового изделия	Итого	термообработка	признаки перегрева	сварная заготовка
Удила	1	12	1	2	16	4	7	3
Псални	2	7	2	3	14	3	3	
Копья				1	1			
Ножи			1		1			
Стержни от бронз. наверхний		2	1	1	4	2		
Итого:	3	21	5	7	36	9	10	3

2. Технико-технологическая характеристика черного металла из Келермесского грунтового могильника

Для металлографического исследования отобрано 32 предмета, представляющие все категории железных изделий, встречающихся в могильнике и происходящие из 12 погребений (4, 5, 12, 18, 19, 23, 26, 27, 29, 30—32^a), вскрытых в процессе раскопок 1981—84 гг. Это — удила (5 экз.), псални (2 экз.), наконечники копий и дротика (5 экз.), топоры-секиры (5 экз.), колчаные крюки (2 экз.), ножи (8 экз.), проколки-булавки (3 экз.), клинья для закрепления рукоятей топоров-секир (2 экз.).

Удила (рис. 2, ан. 5038, 5042, 5050, 5058, 5075). Четыре экземпляра имеют петлевиднозагнутые концы, стержень у трех круглого сечения,

у одного (ан. 5038) прямоугольного (у него же — редкий случай — оба петлевидных конца на одном звене загнуты в одну сторону, а не в противоположные, как обычно). Один экземпляр удил (ан. 5042) напоминает стремячковидные, однако не столь ярко выраженные, как в материалах из Келермесских курганов. Внешне концы его расплющены в виде подчетыреугольных площадок и в них прошито четырехугольное отверстие.

В конструктивном отношении удила аналогичны экземплярам из курганов. Как показало микроскопическое исследование, все удила изготовлены из стали, три экземпляра — из сырцовый (ан. 5042, 5058, 5075), два из цементованной (ан. 5038, 5050). Один экземпляр (ан. 5050) был подвергнут термической обработке.

Зафиксированы следы перегрева металла в процессековки (обезуглероженность поверхности — ан. 5038, 5075, структура видманштеттного характера — ан. 5042).

Псалии. Изучено два экземпляра (ан. 5051, 5052) из одного погребения (23). По форме относятся к типу стержневидных, трехпетельчатых, с конусовидной головкой на загнутом конце и заострением — на противоположном. Технология изготовления их аналогична — они откованы из сырцовый, неравномернонауглероженной стали (содержание углерода колеблется от 0,2—0,3% до 0,4%, соответственно показатели микротвердости — 181 кг/мм²—236 кг/мм²). На обоих экземплярах отмечены следы перегрева металла.

При формовке описанных деталей конской узды использовались такие кузнечные операции, как рубка металла, вытяжка, плющение, осадка, высадка, пробивка отверстий, гибка, круговаяковка, придание стержню четырехгранной формы.

Наконечники копий, дротик (рис. 2, ан. 5036, 5039, 5054, 5060, 5074). Исследованные наконечники копий происходят из четырех погребений (4, 12, 26, 29), дротик из траншеи 1 раскопа 1 (1984 г.).

Три экземпляра однотипны — узколистные, втулка разомкнута, в ней пробиты отверстия для крепления к древку, перо (дл. 10—14,5 см, шир. у основания 1,5—2,5 см) длиннее втулки (6—8 см, диам. 1,5—2 см). Сечение пера вытянуто-ромбовидное (ан. 5039, 5060), у одного экземпляра четко выделено ребро жесткости овального сечения (ан. 5054). Еще один наконечник копия (ан. 5036) имеет лавролистное перо с четким ребром жесткости треугольного сечения (дл. 13,5 см, шир. наиболее широкой части — 4 см). Втулка обломана, сохранившаяся длина 3 см.

Перо дротика — ромбовидного сечения, длина 5 см, сохранившаяся длина черешка — 1,5 см.

Как показал металлографический анализ, перо узколистных наконечников было сварено из трех полос сырцовый стали (ан. 5039, 5054) или железа (ан. 5060). Лавролистый наконечник откован из железной заготовки и подвергнут цементации (количество углерода увеличивается в направлении режущей кромки от 0,2—0,3% до 0,5%). Наконечник дротика откован из малоуглеродистой сырцовый стали. Металл этой группы изделий хорошо прокован, шлаковые включения немногочисленны, вытянуты тонкими прослойками в направленииковки.

При изготовлении описанных изделий осуществлялись следующие кузнечные операции: рубка металла, сварка нескольких полос, вытяжка заготовки, осадка, плющение и сворачивание втулки на оправке, прошивка отверстий, формовка пера, выведение ребра жесткости с помощью специальных приспособлений, типа обжимников. Сварка, возможно, в данном случае имела технологическое значение — благодаря многослойности перо становилось более упругим.

Топоры-секиры (рис. 2, ан. 5037, 5040, 5048, 5055, 5059). Изученные экземпляры происходят из пяти погребений (5, 18, 23, 27, 29). Они однотипны по форме: имеют вытянутые легкие пропорции, лезвие узкое, расширяющееся к концу, обушок также узкий, четырехгранный или округлый (ан. 5037). Общая длина у трех экземпляров очень близка — 20—20,5 см, один экземпляр (ан. 5055) короче — 17,5 см. Ширина лезвия — 3,5 см, длина — 9—10,5 см, длина обушка — 5—7 см. Отверстие — овальной формы (дл. 3,5—4 см), выполнено прошивкой, о чем свидетельствуют заметные надрубы (ан. 5048, 5059) и заглаженные заусеницы (ан. 5037). На основании металлографического изучения лезвия топоров-секир установлено, что у четырех экземпляров оно было стальным и только в одном случае — железным (ан. 5037). Использовали либо сырцовую сталь (ан. 5048), либо путем цементации создавали сталитый слой на поверхности (ан. 5055) или на режущей части (ан. 5040, 5059), что значительно повышало эксплуатационные свойства изделия.

Цементированное лезвие топора 5040 было подвергнуто местной закалке (на режущей кромке микроскопически выявляется структура мартенсита, постепенно переходящая в сорбит и феррито-перлит, соответственно меняются и показатели микротвердости: 514 кг/мм², 464 кг/мм², 383 кг/мм², 297 кг/мм², 170 кг/мм²). За исключением одного изделия (ан. 5059) заготовка для топоров-секир была сварена из нескольких полос металла. По характеру шлаковых включений, нитевидно вытянутых, можно заключить, что металл подвергался тщательной ковке.

В двух случаях обнаружены следы перегрева (структура видманштеттного характера, ан. 5048, 5055).

Кузнечные операции: рубка, сварка, вытяжка заготовки, осадка, пробивка отверстия, плющение, круговая ковка, формовка четырехгранного конца.

Вместе с топором-секирой 5040 в погребении 18 были найдены небольшие клинья для крепления рукоятя (рис. 2, ан. 5043, 5044). Они представляют собой плоский стержень (шир. 0,5 см), расширяющийся к одному из концов и заканчивающийся прямоугольной площадкой. Длина их в сохранившемся виде 2 см. Они были откованы из качественной цементованной стали и подвергнуты термообработке (однородная структура сорбита, микротвердость 254—274 кг/мм²).

Колчаные крючки. Исследовано два экземпляра (рис. 2, ан. 5045, 5046) происходящие из погребений 18 и 23. Заготовкой служил круглый в сечении стержень (диам. 0,5 см), один конец которого был заострен и загнут, другой расплющен в овальную площадку, в которой пробито отверстие. Оба изделия откованы целиком из железа (микротвердость

феррита — 160, 170 кг/мм²). Металл хорошо прокован, шлаковые включения единичные. Следов перегрева не зафиксировано.

Ножи (рис. 2, ан. 5041, 5049, 5056, 5061—5064, 5073). Происходят из 7 погребений (18, 19, 23, 27, 29, 30, 32). Два экземпляра (ан. 5061, 5062) были обнаружены в одном погребении 29. Выделяются два типа: небольшие (дл. 9—14 см), узколезвийные (шир. 1—1,5 см) ножи (7 экз.) с прямой или слегка скругленной спинкой, плавно переходящей в короткий (1,5—2 см) черешок (со стороны лезвия он иногда выделен уступом), и ножи типа боевых. В изученной коллекции только один такой нож (рис. 2, ан. 5056). В сохранившемся виде он имеет длину 25 см, ширину лезвия 2 см; спинка — утолщенная (шир. 0,5 см), прямая, черешок не выделен.

При микроскопическом исследовании установлено, что все ножи, за исключением одного экземпляра (ан. 5061), были изготовлены из стали: четыре экземпляра из неравномерноуглероженной сырцово́й (рис. 2, ан. 5041, 5049, 5056, 5062); два — из однородной, цементованной стали (ан. 5064, 5073); на одном ноже отмечена локальная цементация лезвия (ан. 5063). Четыре ножа подвергались термической обработке (ан. 5041, 5063, 5064, 5073, структура — мартенсит, сорбит, микротвердость 572—464 кг/мм², 350—254 кг/мм²). Заготовка для ножа боевого типа (ан. 5056) была сварена из нескольких полос сырцово́й стали, остальные ножи изготовлены из цельнометаллических заготовок. Металл, как правило, хорошо прокован, шлаковые включения немногочисленны, тонкие, вытянутые в направленииковки. Кузнечные операции для данной категории изделий наиболее простые: рубка металла, вытяжка заготовки, сварка в одном случае нескольких полос. Следы перегрева металла отмечены на трех экземплярах (ан. 5043, 5049, 5062).

Булавы (шилья) (рис. 2, ан. 5047, 5053, 5057) происходят из погребений 23, 26, 27. Это небольшие изделия из круглого в сечении прутка, один конец которого заострен, другой завершается или конусовидным расширением или плоской овальной головкой (дл. 4,5—6,5 см. диам. стержня 0,2—0,3 см).

Как установлено на основании металлографического исследования все три экземпляра откованы из стали: два (ан. 5053, 5057) — из неравномерноуглероженной сырцово́й, один (ан. 5047) — из однородной, цементованной стали и подвергнут термообработке, (структура — сорбит, микротвердость — 322—383 кг/мм²). Металл хорошо прокован; количество шлаковых включений незначительно. Кузнечные операции сводились к вытяжке и круговой ковке заготовки — прутка, к высадке и формовке головки.

Обобщая результаты металлографического изучения коллекции черного металла из Келермесского грунтового могильника можно прийти к следующим заключениям (табл. 2). При изготовлении основной массы изделий использовалась сталь (только 5 предметов из 32 оказались откованными целиком из железа). Чаще всего (46,8% от всех изделий) это была неравномерноуглероженная сталь, полученная непосредственно в металлургическом горне. На втором месте по частоте использования — средне- или высокоуглеродистая сталь, полученная сквозной цементации

цией заготовок, на третьем — изделия, имеющие сталистый слой на поверхности или на рабочей части, полученный путем цементации готовых изделий.

Следует отметить высокий процент (28,1) изделий, подвергнутых термической обработке. Характерной особенностью является иковка при повышенных температурах, приводящая к перегреву металла. Достаточно часто используется сварная из нескольких полос заготовка при изготовлении таких изделий, как наконечники копий, топоры-секиры, нож боевого типа. Поскольку сваривались, как показало исследование, полосы однородного металла и сварная заготовка связана только с крупными изделиями, можно полагать, что таким образом прежде всего восполнялся недостаток в имеющихся объемах металла. Однако технологическая целесообразность в таком приеме также существовала — многослойное лезвие обычно более упругое.

Таблица 2

Технологические схемы железных изделий из Келермесского грунтового могильника

Предмет	Технология				Итого	Из них		
	из железа	из сырцовой стали	цементация заготовки	цементация готового изделия		термообработка	признаки перегрева	сварная заготовка
Удила		3	2		5	1	1	
Псалии		2			2		2	
Копья	1	3		1	5			3
Ножи	1	4	2	1	8	4	3	1
Топоры	1	1		3	5	1	2	4
Клинья			2		2	2		
Булавки (шилья)		2	1		3	1		
Колчач. крючки	2				2			
Итого:	5	15	7	5	32	9	8	8

* * *

*

Как явствует из приведенных характеристик черного металла из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника (табл. 1 и 2), техника и технология кузнечного производства изделий из этих памятников очень близка. Разнятся лишь некоторые количественные показатели. Однако это связано, видимо, с составом исследованных коллекций. Коллекция из Келермесского могильника значительно богаче по ассортименту, а также, по представительности таких важных для технологических характеристик категорий, как ножи, топоры-секиры.

Исходным сырьем для кузнечного производства служили железо и сырцовая сталь, полученные в сырцудутном горне. Однако железо в чистом виде редко шло в производство, как установлено в ходе исследо-

ваний. Возможно, это было связано с тем, что оно отличалось повышенной мягкостью (показатели микротвердости феррита очень низкие — 122—135 кг/мм²). По-видимому, мастера сознательно стремились к получению сырцової стали в ходе металлургического процесса. Такая сталь, хотя и была неравномерно науглероженной (содержание углерода колеблется от 0,15—0,3 до 0,5—0,7%, соответственно показатели микротвердости от 160 кг/мм² до 254 кг/мм²) (табл. 3), но достаточно твердой. Железные заготовки подвергались сквозной цементации с целью получения качественной стали однородного строения. Широко использовались приемы цементации и для создания сталистого слоя на готовых изделиях.

Таким образом, свойства различных сортов черного металла хорошо были известны кузнецам и целенаправленно изменялись ими. Об этом же свидетельствует и использование приемов термической обработки (твердая и мягкая закалка, отпуск). Однако, стоит заметить, что применение их не всегда функционально оправдано. Обращает на себя внимание и такая характерная особенность, как перегрев металла.

Разнообразные кузнечные приемы, применяемые как было показано, в процессе формовки изделий, предполагают существование развитого специализированного инструментария (молоты, наковальни, клещи, зубила, пробойники, оправки, обжимники и т. д.). Уровень развития техники железообработки свидетельствует о том, что черный металл давно и прочно вошел в быт местного населения. По основным технико-технологическим показателям черный металл из келермесских памятников хорошо вписывается в металлургическую группу, включающую металл из синхронных памятников с территории распространения кобанской культуры таких, как, например, могильники Сержень-Юрт, Уллубаганы II [1]:

Однако отличительной чертой келермесских материалов является наличие высокого процента изделий с признаками перегрева металла. По этому показателю и ряду других технологических особенностей (например, термообработка предметов коиского снаряжения) келермесские изделия находят наибольшие соответствия в материалах могильника Нартан [6].

Т а б л и ц а 3

Технологическая характеристика железных изделий из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника *

№№	Па- мят- ник	Шифр	Предмет	ана- лиз №	Содер- жание углеро- да, %	Микро- твер- дость кг/мм ²	Тех- ноло- гия	Тер- мооб- работ- ка	Приз- наки пере- грева	Свар- ная заго- товка
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

1 Кург. I

В. 2737—21 псалий 5010 — 128—151 I — — —

2 — — — — 5011 0,1—0,4 116—236 IV — — —

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
3	—>	2737-13	—>	5012	0,6—0,7	322—383	III	+	—	—
4	—>	—>	—>	5013	—	128—151	I	—	—	—
5	—>	2737-37	—>	5014	0,2—0,3	160—193	II	—	—	—
6	—>	2737-59	удила	5015	0,2—0,4	160—236	II	—	—	—
7	—>	—>	—>	5016	0,2—0,7	181—254	IV	+	—	—
8	—>	2737-34	—>	5017	0,3—0,4	221—236	II	—	—	—
9	—>	—>	псалий	5018	0,6—0,7	322—350	III	+	—	—
10	—>	2737-36	удила	5019	0,3—0,7	181—236	II	+	—	—
						642—724	II	+	—	—
11	—>	2737—79	—>	5020	—	135—151	I	—	—	+
12	—>	2737—71	—>	5021	0,6—0,7	274—322	III	+	—	—
13	кург. Ш.	Ку 1903—04	наконечник копья	5022	0,1—0,4	116—236	IV	—	+	—
		1/55								
14	кург. I	2737-115	стержень навершения	5023	0,1—0,4	116—236	IV	—	—	—
15	—>	2737-116	—>	5024	0,1—0,3	206—221	II	—	—	—
16	—>	2737-114	—>	5025	0,2—0,6	160—193	II	+	—	—
17	кург. I В.	2737-67	удила	5026	0,1—0,3	151—221	II	—	+	—
18	Кург. I В.	2737-67	удила	5026	0,1—0,3	151—221	II	—	+	—
19	—>	—>	—>	5028А	0,1—0,3	151—221	II	—	—	+
20	—>	—>	—>	5028Б	0,2—0,7	206—254	II	—	—	—
21	—>	2737-51	—>	5029А	0,1—0,3	151—221	II	—	—	—
22	—>	—>	—>	5029Б	0,2—0,7	206—254	II	—	+	—
23	—>	—>	—>	5029В	0,2—0,4	206—236	II	—	+	+
24	—>	2737-52	—>	5030	0,3—0,4	181—236	II	—	—	—
25	—>	—>	—>	5031	0,2—0,3	151—193	II	—	—	—
26	Кург. Ш.	Ку 1903-04	—>	5032	0,2—0,7	170—274	IV	—	—	—
		1/50								
27	—>	—>	—>	5033	0,1—0,7	151—274	IV	—	—	—
28	—>	Ку 1903-04	удила	5034	0,1—0,7	151—274	II	—	+	—
		1/48								
29	—>	Ку 1903-04	стержень навершения	5035	0,6—0,7	297	III	+	—	—
		1/42								
30	Грунт мг-к	5 КЭ-82 Р. I, п. 4	копье	5036	0,2—0,5	160—236	IV	—	+	—
						А, Б				
31	—>	11 КЭ-82 Р. I, п. 5	топор- секира	5037	—	135—143	I	—	—	+
32	—>	12 КЭ-82 Р. I, п. 5	удила	5038	0,5—0,7	254—297	III	—	—	—
33	—>	50 КЭ-82 Р. I, п. 12	копье	5039	0,2—0,3	193—221	II	—	—	+
34	Грунт мог-к	8 КЭ-83 Р. I, п. 18	топор- секира	5040	0,2—0,7	170—514	IV	+	—	+
35	«	6 КЭ-83 Р. I, п. 18	нож	5041	0,3—0,6	193—254	II	+	+	—
36	«	9 КЭ-83 Р. I, п. 18	удила	5042	0,1—0,4	151—236	II	—	+	+
37	«	8 КЭ-83 Р. I, п. 12	клин	5043	0,5—0,6	254	III	+	—	—
38	«	«	«	5044	«	254—274	III	+	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
39	-«-	7 КЭ-83 Р. I, п. 18	колчан. крючок	5045	-«-	160—170	I	—	—	—
40	—»	41 КЭ-83 Р. I, п. 23	-«-	5046	—	160—170	I	—	—	—
41	-«-	42 КЭ-83 Р. I, п. 23	булавка	5047	0,6—0,7	322—383	III	+	—	—
42	-«-	38 КЭ-83 Р. I, п. 23	топор- секира	5048	0,2—0,4	193—236	II	—	+	+
43	-«-	39 КЭ-83 Р. I, п. 23	нож	5049	0,2—0,3	181—236	II	—	+	—
44	-«-	34 КЭ-83 Р. I, п. 23	удила	5050	0,5—0,6	254—297	III	+	—	—
45	-«-	35 КЭ-83 Р. I, п. 23	псалий	5051	0,2—0,4	181—236	II	—	+	—
46	-«-	-«-	-«-	5052	-«-	-«-	II	—	+	—
47	-«-	70 КЭ-83 Р. I, п. 23	булавка	5053	0,1—0,5	170—254	II	—	—	—
48	грунт. мог-к	71 КЭ-83 Р. I, п. 26	копье	5054	0,1—0,3	160—193	II	—	—	+
49	-«-	КЭ-81 к. 17, п. 27	топор- секира	5055	0,1—0,6	160—254	IV	—	+	+
50	-«-	-«-	нож	5056	0,1—0,3	170—221	II	—	—	+
51	-«-	-«-	булавка	5057	0,1—0,2	143—193	II	—	—	—
52	-«-	КЭ-81 к. 17, п. 27	удила	5053	0,2—0,5	181—254	II	—	—	—
53	-«-	116 КЭ-83 Р. I, п. 29	топор- секира	5059	0,1—0,4	143—236	IV	—	—	—
54	-«-	111 КЭ-83 Р. I, п. 29	копье	5060	—	122—143	I	—	—	+
55	-«-	114 КЭ-83 Р. I, п. 29	нож	5061	—	181—193	I	—	—	—
56	-«-	115 КЭ-83 Р. I, п. 29	-«-	5062	0,2—0,4	206—236	II	—	—	+
57	-«-	13 КЭ-83 Р. I, п. 19	-«-	5063	0,2—0,7	206—274	IV	+	—	—
58	-«-	10 КЭ-84 Р. I, п. 32	-«-	5064	0,6—0,7	420—514	III	+	—	—
59	кург. 24	КЭ-83 к. 24, тр. I	—»	5065	0,4—0,5	221—236	III	—	—	—
60	—»	106 КЭ-83 к. 24, тр. I	псалий	5066	0,2—0,4	160—236	II	—	+	—
61	—»	106 КЭ-83 к. 24, тр. I	удила	5067	0,2—0,6	181—274	IV	+	+	—
62	—»	КЭ-83 к. 24, тр. I	—»	5068	0,2—0,6	0,3—254	II	—	—	—
61	—»	106 КЭ-83 к. 24, тр. I	удила	5067	0,2—0,6	181—274	IV	+	+	—
62	—»	КЭ-83 к. 24, тр. I	—»	5068	0,2—0,6	0,3—254	II	—	—	—
63	кург. 24	КЭ-83 к. 24, тр. I	псалий	5069	0,1—0,6	170—254	II	—	+	—
64	—»	89 КЭ-83 к. 24, тр. I	—»	5070	0,2—0,3	170—221	II	—	+	—
65	—»	81 КЭ-83 к. 24	удила	5071	0,2—0,3	170—193	II	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
66	—>—	—>—	псалии	5072	0,2—0,6	181—274	II	+	—	—
67	грунт. 4 мог-к	КЭ-84 Р. I, п. 30	нож	5073	0,5—0,6	297—350	III	+	—	—
68	—>—	2 КЭ-84 Р. I, тр. I	дротик	5074	0,15—0,25	143—151	II	—	—	—
69	«	7 КЭ-84 Р. I, п. 31	удила	5075	0,1—0,4	151—221	II	—	—	—

- * I — Изделие отковано из железа
 II —>— отковано из сырцової стали
 III —>— отковано из однородной, цементованной стали
 IV — цементация готового изделия
 V. — курган, раскопанный Н. И. Веселовским
 III — Д. Г. Шульцем.

* * *

1. Терехова Н. Н. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период.— СА, 1983, № 3.

2. Терехова Н. Н. Развитие техники железообработки у восточно-кобанских племен. //XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984.

3. Терехова Н. Н. Технология изготовления оружия скифского типа на Кавказе (к проблеме «Скифы и Кавказ») //Всероссийская археологическая конференция «Достижения Советской археологии в XI пятилетке» (тезисы докладов). Баку, 1985.

4. Терехова Н. Н. Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Султан-Гора III//КСИА, 1986, № 186.

5. Терехова Н. Н. Сравнительная характеристика техники обработки черных металлов в скифскую эпоху в различных регионах Восточной Европы.// Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Всесоюзная конференция (тезисы докладов). М., 1987.

6. Терехова Н. Н. Химико-технологическая характеристика черного металла из могильника Нартан // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1988.

7. Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника)//СА, 1985, № 3.

8. Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов)//АСГЭ, 1983, вып. 24.

9. Вознесенская Г. А. Технология производства железных предметов Глийского могильника. //Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.

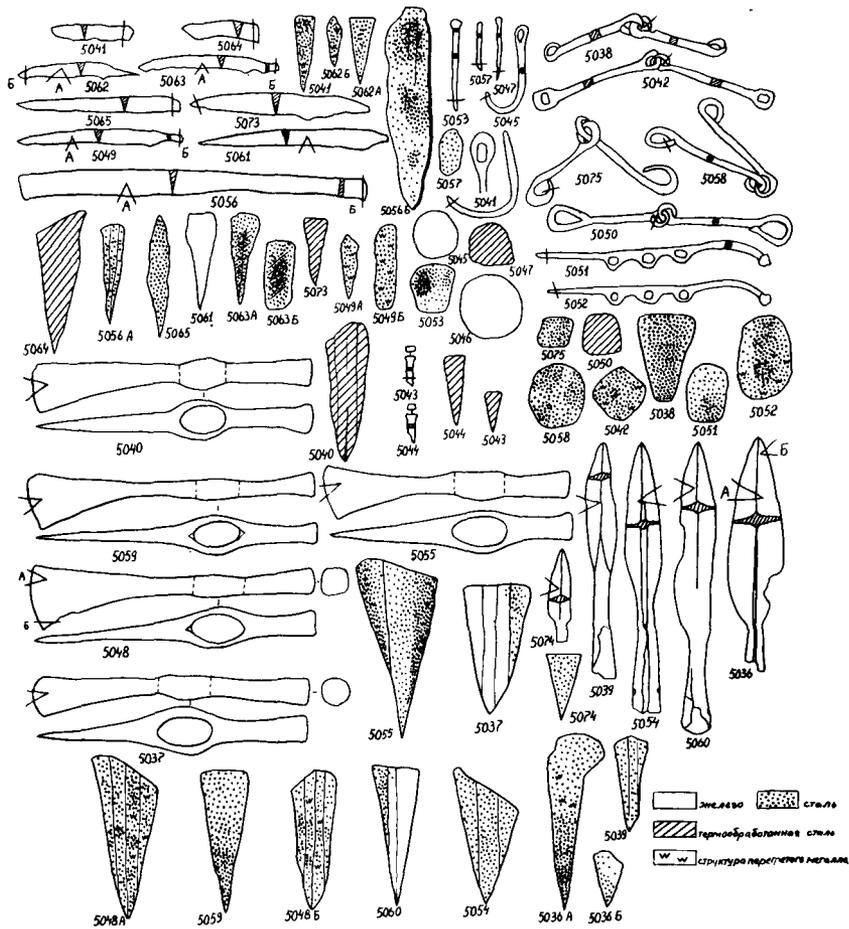

Рис. 2. Келермесский грунтовой могильник.
Железные изделия, подвергнутые металлографическому изучению и их технологические
схемы (место взятия образца показано секущей.
Номера соответствуют номеру анализа).

МЕОТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НОВО-ВОЧЕПШИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

(по материалам раскопа 1985—1986 гг.)

Ново-Вочепшийский могильник расположен на западной окраине хут. Ново-Вочепший, на правом берегу р. Псекупс. При исследовании в 1971—1973 гг. экспедицией Краснодарского госуниверситета неолитической стоянки, расположенной в 0,5 км на С.-З от хут. Ново-Вочепший (на берегу р. Псекупс), было обнаружено несколько раннесредневековых погребений (IV—VI вв. н. э.), что указывало на наличие в данном месте могильника (I, с. 138). В настоящее время могильник узкой полосой тянется вдоль берега р. Псекупс. Основная его часть размыва водой и обнажается при спаде уровня Краснодарского водохранилища. Могильник относится к Ново-Вочепшийскому городищу, открытому экспедицией Адыгейского научно-исследовательского института под руководством Н. В. Анфимова. В 80-х годах на городище производились раскопки экспедицией Государственного музея искусств народов Востока, позволивших установить период существования городища, который приходится на время со II в. до н. э. по VI в. н. э. В 1985 г. работы были перенесены на могильник. За два года (1985—1986 гг.) было раскопано 370 кв. м. площади вдоль разрушаемой береговой линии. Могильник оказался многослойным, в результате чего многие погребения были разрушены более поздними захоронениями и постройками нач. XX в. Всего было вскрыто 103 погребения. Наиболее четко в отдельную группу выделяются захоронения с северо-восточной ориентировкой и инвентарем, относящимся к VIII—IX вв. н. э. (22,3%). Вторую группу составляют безинвентарные мусульманские могилы с западной и юго-западной ориентировкой (25,2%). Третья группа, самая многочисленная из вскрытых за 2 года захоронений (43,7%), представлена погребальными комплексами с неустойчивой ориентировкой и инвентарем, характерным для кубанских некрополей второй половины I тыс. до н. э. и первых веков н. э.

Настоящая статья посвящена анализу данной группы, определению ее хронологических рамок и ее этнической интерпретации.

Судя по топографии могильника, наиболее ранние погребения

располагались в его западной части. Все они обнаружены в предматериковом суглинке или в слое материковой глины. Из-за особенностей почвы выявить могильные ямы и их форму оказалось невозможно. Подобное явление для грунтовых могильников Прикубанья и Закубанья отмечали А. А. Миллер [2, с. 71], К. Ф. Смирнов [3, с. 276], Н. В. Анфимов [4, с. 189].

Погребения мало отличаются друг от друга по обряду. Захоронения все одиночные, исключение составляет п. 31, где обнаружено два костяка. Ориентировка погребений неустойчива (установлена в 37 случаях из 45), большая часть их ориентирована в юго-восточный сектор (56,7%), в юго-западный (13,5%), на юг (10,8%) и составляют 81% от всей массы.

В положении погребенных выделяется три основных типа поз с вариантами расположения рук (но этот признак весьма неустойчив и пока не удалось установить, имеет ли он значение для определения датировок, поло-возрастных и социально-этнических характеристик).

I тип: — на спине, ноги параллельно вытянуты. Здесь преобладают погребения с ориентировкой в южный сектор (19 погр.).

II тип: — на спине, ноги перекрещиваются в голенях или ступнях. Всего таких 6 погребений: 4 из них имеют ЮВ ориентировку, а остальные 2 — СЗ и С.

III тип: — на спине или с небольшим склонением на бок, ноги согнуты в коленях. Оба погребения ориентированы в южный сектор (ЮВ и ЮЗ).

Проведенный анализ положения погребенных указывает на преобладание погребений с позой I типа и юго-восточной ориентировкой, характерных для меотских грунтовых могильников Прикубанья и Закубанья V—III вв. до н. э. (Пашковский № 3, Усть-Лабинский № 2, Уляпский и др.). Однако появляется в ориентировке неустойчивость: наличие юго-западного и северного направлений. На усиление подобной неустойчивости, начиная с III в. до н. э., указывает Н. В. Анфимов, рассматривая III хронологическую группу Усть-Лабинского могильника № 2 [5, с. 169]. Большой процент погребений с ЮЗ ориентировкой можно отметить в могильнике городища № 1 у хут. Ленина (близ Краснодара), датирующегося I в. до н. э.— III в. н. э. [6], другие грунтовые могильники первых веков н. э. дают в основном западное направление (Тахтамукаевский, Лениныхабльский). Видимо, основная часть погребений Ново-Вочепшийского могильника не выходит за пределы рубежа н. э., когда начинается процесс стабилизации.

Тем не менее, все захоронения этой хронологической группы связаны единством погребального обряда, выражающегося рядом характерных обрядовых признаков, а также в наборе сопровождающего инвентаря. Во-первых, это преобладание южной и юго-восточной ориентировки; во-вторых, устойчивая поза погребенного (положение на спине с параллельными ногами и вытянутыми вдоль туловища руками); в-третьих, помещение миски на черепе или под головой покойника); в-четвертых, значительная часть погребений сопровождалась заупокойной пищей. Кроме того, зафиксировано три случая использования гальки в ритуальных целях (п. 36, 60, 64); а в двух погребениях найдены две песчан-

никовые плиты (п. 52, 60), а в погребении — 60 отмечено помещение одного сосуда в другой.

Среди погребального инвентаря основную массу составляли глиняные сосуды. Из 45 комплексов можно выделить 20 наиболее целых, которые дают погребальные наборы. Судя по ним, количество помещавшихся в могилу сосудов колебалось от одного до шести. Характерный набор посуды состоит из мисок, кувшинов, горшков, канфаров (кубков). Третью целых комплексов содержит типичный набор, в котором обязательно присутствуют канфары, там, где они отсутствуют, увеличивается количество либо кувшинов, либо мисок. В остальных комплексах встречается от одного до трех сосудов, в основном это — миска и горшок или горшок и кувшин.

Какую-либо закономерность в расположении сопровождающего инвентаря в рассматриваемых захоронениях Ново-Вочепшийского могильника выявить не удалось. Сосуды, независимо от их функционального назначения, могут находиться и у черепа, и в ногах погребенного. Исключение составляют лишь некоторые типы мисок, использовавшихся в качестве «подушки» или закрывавшие лицо покойника. В некоторых погребениях с типичным набором посуды можно проследить тенденцию размещения крупных сосудов в ногах погребенного.

Оружие чаще всего было расположено с левой стороны (6 случаев из 9): наконечники копий и дротиков лежали у черепа параллельно скелету, за исключением 2-х случаев, когда они были зафиксированы вдоль правой руки погребенного (п. 34,40). Наконечники стрел найдены в двух погребениях. Они плотными рядами лежали с левой стороны костяка (у голени), видимо находились в колчанах. У пояса обнаружены каменные оселки, служившие для заточки оружия и ножей. Другие бытовые предметы: ножи, глиняные пряслица четкого места в схеме расположения сопровождающего инвентаря не имеют.

По обряду вся группа ранних погребений Ново-Вочепшийского могильника имеет некоторые черты сходства с кубанскими могильниками второй половины I тыс. до н. э. И это касается не только ориентировки и позы погребенного, о чем говорилось выше, но и всего погребального обряда. Однако имеется ряд отличий, которые свидетельствуют о существовании Ново-Вочепшийского могильника в переходный период, когда в Прикубанье появляются новые этнические группы, несомненно влияющие на религиозно-идеологические представления местных племен.

Наиболее стабильным остается использование миски в качестве «подушки» или для закрывания лица покойника. Из всей массы погребений выделяется 50% (табл. 1) захоронений с миской, расположенной в районе черепа (под ним, на нем и рядом с ним), которые объединяются в единую группу с ориентировкой на юг и юго-восточный сектор и позой I типа. Следует отметить отклонение ориентировки на ЮЗ в двух случаях (п. 52,66) и на СВВ в погр. № 81. Кроме того, данный ритуал отсутствует в погребениях, где покойники имеют иную позу (тип II и III) даже при ЮВ ориентировке. Все это, видимо, связано с причинами хронологического и этнического характера.

Обряд этот зафиксирован во многих меотских могильниках, но

наиболее характерным является для западных памятников Среднего Прикубанья [3, с. 299; 7, с. 184]. В более восточных могильниках этот признак присутствует, но не является типичным [3, с. 296]. Н. Г. Ловпаче указывает аналогичный обряд в Псекупском могильнике № 3, который датирует III—II вв. до н. э. [8, с. 23]. В Пашковском № 3 могильнике К. Ф. Смирнов отмечает использование в качестве «подушек» для погребенных только лепных мисок стандартной формы: глубоких, с загнутым внутрь бортиком. Это же явление характерно, по его мнению, и для погребений ранней группы Усть-Лабинского № 2 могильника [3, с. 300]. В отличие от них, в Ново-Вочепшийском могильнике встречаются лепные и гончарные миски, причем лепные преобладают, составляя 66,6%, и располагаются в основном на черепае или под ним. Зафиксировано лишь 3 случая, когда лепные миски расчищены рядом с фрагментами черепа (п. 57, 66 89), но погребения эти были сильно разрушены, поэтому не исключено, что в первоначальном состоянии миски занимали обычное положение. По форме они похожи на описанные К. Ф. Смирновым и характерны для памятников IV—III вв. до н. э. [3, рис. 7.15, рис. 8.15, рис. 10.12; 5, рис. 5, 12, 13]. Все они глубокие, со слегка загнутым во внутрь краем, коническим туловом на широком плоском дне (рис. 1, 2, 3). Иногда форма дна меняется и оно приобретает вид плитчатого поддона (рис. 1, 4, 5). Поддон — явление в сосуде позднее и, видимо, связано с влиянием гончарного производства. Наиболее поздние образцы таких же лепных мисок встречаются в меот-сарматских памятниках конца I в. до н. э.—II в. н. э. [9, с. 221, рис. 4, 8].

Гончарные миски чаще всего обнаружены рядом с разрушенным черепом. Поэтому установить их точное расположение не удастся. Только в двух случаях (п. 70,73) они зафиксированы как накрывающие черепа. Миски сероглиняные с коническим туловом на невысоком кольцевом поддоне. Различаются формой бортика: одна имеет округлый прямой край и желобок, проходящий по внешней стороне (рис. 1, 6), у другой бортик слегка наклонен во внутрь (рис. 1, 11). Аналогичные им известны в Усть-Лабинском № 2 могильнике, в III хронологической группе (III—I вв. н. э.) [5, рис. 8,2, рис. 9,7]. В остальных случаях фрагменты мисок лежали рядом с черепом погребенного, возможно являясь дальнейшим развитием данного погребального обряда. Но обычай закрывать лицо покойника перевернутым сосудом иногда встречается и в более поздних могильниках (Штурбинский могильник, п. 28)¹.

Гончарные миски, расчищенные рядом с черепом погребенного, в основном сероглиняные, часто покрытые темным ангобом, но встречаются и красноглиняные. Различаются формой бортика и края, но для всех характерно коническое тулово на коническом поддоне (рис. 1, 7, 8). Миски имеют средние размеры: диаметр по краю от 16 до 26 см; высота от 7 до 11 см. Аналогии им очень широки, начиная с III в. до н. э. и кончая первыми веками н. э. [5, рис. 8,6, рис. 9,6,7; табл. XX, 4; 10, рис. 3, VIII], когда они сменяются мисками с желобчатым краем [11, с. 42], которые

¹ Находится в Красногвардейском районе Адыгейской АО. Раскопки Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1987 г.

совершенно отсутствуют в Ново-Вочепшийском могильнике. Об эволюции обряда свидетельствует и зафиксированная в п. 98 около головы погребенного крышка сосуда, использованная в качестве ритуальной миски.

Следующий признак, объединяющий погребения Ново-Вочепшийского могильника с другими погребальными комплексами Прикубанья и Закубанья, — наличие заупокойной пищи, остатки которой были найдены в трети всех захоронений этой группы (28,8%). Преобладают отдельные кости коровы, свиньи, овцы, но кроме того обнаружены целые скелеты животных (п. 60, 75, 82). Остатки пищи находились у ног погребенных и лишь в погр. 75 скелеты баранов перекрывали человеческий костяк. Не было зафиксировано ни одного случая, когда кости животных были помещены в сосуды, что отмечается в ряде других могильников конца I тыс. до н. э. [5, с. 189; 12, с. 104: рис. 61,3 и др.]. В кубанских могильниках этот обряд широкое распространение получает с первых веков н. э. [4, с. 198; 6; 13, с. 136 и сл.], а Ново-Вочепшийские погребения в основной своей массе датируются последними веками до н. э.

И тем не менее — это уже период, когда в погребальном обряде исчезают архаические черты и появляются новые признаки. Использование галек в ритуальных целях резко уменьшается, то же самое происходит с применением каменных плит. Видимо, этот ритуал становится пережиточным явлением для погребальных комплексов типа Ново-Вочепшийского. Исключение, возможно, представляет Серегинский могильник, где каменные плиты найдены в большом количестве. Зато новым явлением, наряду с размещением гончарных мисок у головы покойника, стал обычай ставить в могилу миску с кувшином или каким-либо другим сосудом внутри. П. № 60, где был зафиксирован этот случай, датируется III в. до н. э., видимо это одно из ранних проявлений данного ритуала, связанного с новыми культурными воззрениями. Широкое распространение он получает с первых веков н. э. [4, с. 198; 14, с. 84].

Почти в каждом погребении рассматриваемой группы (91,1%) встречается глиняная посуда. 60% изготовлено на гончарном круге и 40% составляют лепные сосуды. Среди грубой лепной керамики преобладающей формой являются горшки. Они появляются в меотских могильниках с IV в. до н. э. и начинают вытеснять лепные корчаги, которые в последующий период (III—I вв. до н. э.) практически исчезают. Пока в массовом количестве они зафиксированы в поздних погребениях Пашковского № 3 могильника и в земляных склепах Серегинского некрополя и, видимо, представляют собой какой-то локальный признак (п. 33 и др.) [13, с. 45; рис. 38]. В Ново-Вочепшийском могильнике лепные горшки представлены несколькими типами. Преобладают сосуды баночной формы с выпуклым туловом (в средней или верхней части), загнутым во внутрь бортиком и плоским дном, (рис. 1, 13—15). Этот тип встречается в 10 комплексах (90%). Исследователями меотских могильников отмечается широкое распространение данного вида в Среднем Прикубанье с IV в. до н. э., когда он является основным. В последующий период на прикубанских памятниках преобладают горшки другой формы [5, с. 170, рис. 5,2], но в Ново-Вочепшийском могильнике с III по I вв. до н. э. изменений не происходит. Можно отметить лишь существование

в рамках одного типа сосудов с разными пропорциями. Причем, обращает внимание факт, что горшки с вытянутым туловом имеют аналогии в материалах погребений IV—III вв. до н. э. [3, рис. 5, 21, 22; 5, рис. 3, 7], а сосуды с призматическим туловом известны в захоронениях I—III вв. н. э. могильника у хут. Ленина [6, табл. 33,2]. К этим же горшкам по своей форме примыкает горшочек с узкими вертикальными налепами по внешнему краю (п. 98). Фрагменты сосудов с похожей орнаментацией можно встретить на Ново-Вочепшийском городище, но уже в более поздний период. Горшки такой же формы встречаются в слоях IV—III вв. до н. э. Елизаветовского городища, где их связывают с Прикубаньем IV—I вв. до н. э. [17, с. 133, рис. 2, 5, 6, 7].

Кроме обычных горшков в погребениях есть лепные сосуды в виде миниатюрных кубышек, мисочек, кувшинов и др., которые могли применяться в качестве туалетных для хранения косметических веществ, либо как вотивные для совершения обряда. Все они вылеплены из грубо промешанной глины с примесью песка и шамота. Черепок в изломе черный, поверхность сосудов чаще всего темного цвета со следами лощения. Встречаются среди таких сосудов и красноглиняные, изготовленные с применением гончарного круга, но пропорции их искажены и симметрия нарушена. Возможно, мы сталкиваемся с каким-то древним обычаем, требующим помещения рядом с умершим ритуальных сосудов особой формы и изготовленных ручным способом. Поэтому миски, накрывавшие лицо покойника или использовавшиеся в качестве «подушек», в основном лепные, что должно было соответствовать древним воззрениям. А когда происходят изменения в погребальном обряде, меняются и миски — они становятся гончарными.

Все ритуальные сосуды встречаются чаще всего в погребениях с характерным керамическим ассортиментом. Представлены они миниатюрными горшочками с отверстием для подвешивания (п. 67, 80; рис. 3,7). В эту же группу входят: лепной кувшинчик с двумя горизонтальными ручками-упорами и шестью выпуклыми налепами (п. 61, рис. 3,2); горшочек с отогнутым венчиком и округлым деформированным туловом (п. 75, рис. 3,1); лепной толстостенный сосудик с горизонтально срезанным горлом и вытянутым туловом с вертикальными стенками (п. 82, рис. 3,3); к ритуальной посуде следует отнести гончарный кувшинчик с широким, горизонтально отогнутым венчиком, плавно переходящим в невысокое горло; тулово округлое с деформированными стенками; дно в виде плитчатого поддона (п. 60, рис 3,4). Все эти сосуды либо формы, либо орнаментацией являютя подражанием или воспроизведением более древних, архаических видов, что связано с их ритуальным значением. Хронологические рамки некоторых типов широки, но в основном укладываются во 2-ю половину I тыс. до н. э.

Третьей категорией посуды, занимающей в погребениях ранней группы одно из основных мест, являются кувшины. Они зафиксированы в 19 погребениях и еще в 4-х найдены фрагменты гончарных сосудов, возможно кувшинов. Почти все они изготовлены на гончарном круге и только в п. 95 наряду с гончарными встречены лепные кувшины с ручками. Возможно, это развитие архаической формы чернолощенных куб-

ков, характерных для ранних кубаиских памятников [3, рис. 10,13], но более близкие аналоги им можно найти в материалах могильников и поселений Восточного Приазовья и Крыма I—III вв. н. э. [18, рис. 25,1; 19, с. 45, рис. 2,1,2].

Гончарные кувшины найдены нескольких типов, что связано с их различным назначением. Преобладающей формой являются одноручные кувшины с яйцевидным туловом. Все они имеют средние размеры (высота до 25 см), большая часть изготовлена из серой глины, но встречаются и красноглиняные. Можно выделить несколько вариантов, различающихся орнаментацией, способом крепления ручки, наличием кольцевого или плитчатого поддона (рис. 2,1—4). Сероглиняные кувшины этого типа есть на многих меотских могильниках Прикубанья и Закубанья: Пашковском № 3 [3, рис. 7,1; 10,4], Елизаветинском [20, с. 249, рис. 12,3], Усть-Лабинском № 2 [5, рис. 3, 8, 9], у хут. Александровского [21, с. 81, рис. 1,16], Псекупском № 1 [8, табл. XVIII, 2] и все они исследователями относятся к IV—III вв. до н. э. Видимо, и погребения Ново-Вочепшийского могильника с подобными сосудами являются довольно ранними в рассматриваемой группе (п. 40, 42, 47) и должны датироваться не позднее III—II вв. до н. э. Красноглиняные кувшины данного типа (п. 31, 45) чаще всего встречаются в сарматских погребениях III—I вв. до н. э. [22, рис. 18; 10, с. 223, рис. 1,IV], аналогичные имеются на могильнике I—III вв. н. э. у хут. Ленина [6, табл. 286,2,3, табл. 622,1]. Возможно, появление и существование подобных сосудов на меотских памятниках, так же как и в сарматских, связано с происхождением их от боспорской красноглиняной керамики, которая оказала значительное влияние на развитие местного кубанского гончарного производства и возникновение иных керамических форм, не связанных с местной традицией.

В трех погребениях (№ 52, 53, 61) наряду с небольшими сосудами найдены крупные сероглиняные кувшины, высота которых достигает 34 см. Сосуд из п. 61 отличается от кувшинов I типа только размерами. Похожий на него найден в п. 5 Пашковского № 3 могильника и датируется IV—III вв. до н. э. [3, рис. 5,25]. Форма другого кувшина (п. 52) несколько иная: ручка крепится верхним концом к венчику, а нижним — к плечикам сосуда, горло короткое, в виде раструба, на боках две симметрично расположенные вмятины (рис. 2,5,6). Аналогии ему имеются в Усть-Лабинском № 2 могильнике в погребениях III хронологической группы [5, рис. 6,3].

Все остальные типы кувшинов представлены единичными экземплярами. Это одноручные сосуды с шаровидным туловом на кольцевом поддоне (п. 52,55, рис. 2,8). По мнению К. Ф. Смирнова, они являются репликами на боспорскую гончарную посуду и на основе материалов Пашковского № 3 могильника датируются IV—I пол. III вв. до н. э. [23, с. 121]. Н. В. Анфимов подобные кувшинчики относит к этому же времени [24, с. 74]. Встречаются они в синхронных погребениях Псекупского № 1 и Уляпского могильников [25, рис. 27,17: рис. 28,9]. Но в Ново-Вочепшийском могильнике эти сосуды продолжают свое существование гораздо дольше, до I века до н. э., что определяется находками их в комплексе с бронзовыми браслетами с перевитыми концами и перстнем

со спиралевидным щитком (п. 52), время распространения которых первые века н. э. Это можно отметить и в Серегинском могильнике, где подобные кувшинчики найдены в погребениях III—I вв. до н. э. (п. 62, 66).

Одноручный ойноховидный сосуд (рис. 2,7) обнаружен в п. 53. В отличие от Усть-Лабинских он небольших размеров (высота 16,5 см), сероглиняный с темным лощением. Датируется по находкам в этом же захоронении гончарной миски-блюдечка и бронзового браслета с перекатыми концами II—I вв. до н. э.

Зафиксирован в Ново-Вочепшийском могильнике один экземпляр кувшинчика без ручек с расширяющимся кверху горлом, плечики тулова которого покрыты гравированным орнаментом из вертикальных линий, внизу соединенных оvoidными скобками (п. 98, рис. 3,5). Аналогичный по форме сосуд, украшенный вертикальными полосами и треугольниками, обнаружен в некрополе карьера кирпичного завода ст. Ереминской и датируется III—I вв. до н. э. [26, с. 89, рис. 7,13]. Есть подобные кувшины в Серегинском могильнике, но у них менее совершенные пропорции.

Еще одной, довольно значительной категорией посуды, являются гончарные миски. Интересны два их типа, характерные лишь для погребений последних веков I тыс. до н. э. Это небольшие миски-блюда (высота — до 4,5 см, диаметр по краю — до 12 см) с широким горизонтально отогнутым краем и слабо выраженным донцем (рис. 1,10,12). В Пашковском № 3 могильнике, прекратившем существование в III в. до н. э., они не зарегистрированы, но являются отличительным признаком погребений III хронологической группы в Усть-Лабинском № 2 могильнике [5, с. 190], один экземпляр найден в к. № 1 п. 3 у ст. Пашковской, датированный В. Л. Лапушняном II—I вв. до н. э. [27, рис. 28,4]. В Ново-Вочепшийском могильнике этот тип мисок появляется в III в. до н. э., что подтверждается родосской амфорой из того же комплекса (п. 60). Возможно верхнюю дату таких сосудов следует поднять до первых веков н. э., так как аналогичные им есть в синхронных слоях Ново-Вочепшийского городища и отмечены в значительном количестве в меотском могильнике I—II вв. н. э. близ ст. Елизаветинской [14, табл. II,5], в несколько измененной форме.

Второй тип мисок, характеризующийся наличием ручек-петелек и крышек (рис. 1,9), имеет прямые аналогии в Усть-Лабинском № 2 могильнике [5, рис. 9,10]. Период их бытования ограничивается III—II вв. до н. э. Видимо, к этому же времени следует отнести п. 80, 98, в комплексах которых они найдены.

В эти же хронологические рамки укладывается большинство канфаров (кубков), найденных в могильнике (рис. 2,9—12). Они представлены несколькими типами, отличающимися контурами тулова и формой ручек, и соответствуют классификации, предложенной Н. В. Анфимовым [5, с. 177 и сл., рис. 11,1,2]. Аналогичные сосуды появляются в меотских памятниках IV—III вв. до н. э.: Уляпский могильник [25, рис. 68]; Елизаветинское городище [20, с. 237, рис. 10,3,4]; могильник у Майкопа [28, с. 96, табл. V, 7]. Кубки на кольцевом поддоне, по-видимому, относятся к более позднему времени. В. В. Шилов датирует их II в. до н. э.

[32, с. 237, рис. 5, 7, 10, 11], но по материалам Ново-Вочепшийского могильника, они существуют включительно до I в. до н. э.

К более позднему времени относится фрагмент ручки с горизонтальной площадкой от двуручной чаши из п. 35. Широкое распространение такие сосуды получают в первые века н. э. Известны они в Тахтамукаевском, у хут. Ленина, Штурбинском могильниках. Более точная дата погребения (I в. н. э.) определяется по скарабеем из египетского фаянса, найденным в том же комплексе.

Особое значение для датировок имеет импортная керамика. В могильнике ее мало: из п. 60 происходит родосская амфора IV—II вв. до н. э. [29, с. 102; табл. XXIII, 496]; а из п. 75 — античный чернолаковый сосуд (рис. 3,6), точной аналогии найти не удалось, но похожие встречаются в IV в. до н. э. Найденный кувшинчик носит следы длительного использования, поэтому он вполне мог попасть в комплекс III в. до н. э.

Оружие в рассматриваемой группе погребений Ново-Вочепшийского могильника представлено незначительным количеством наконечников копий, дротиков и стрел. Среди копий наиболее ранней формой, видимо, являются длинные наконечники с узким и плоским ланцето- или листовидным пером (рис. 4,1,2). В основном они характерны для IV—III вв. до н. э. и найдены в п. 40. Кроме длинных наконечников встречаются копия такой же формы, но меньших размеров, некоторые из них имеют валик на конце втулки (рис. 4,3,4). Аналогичный тип известен в погребениях Серегинского могильника, но наиболее широкое распространение получает в первые века н. э. в могильниках у хут. Ленина [6, табл. 226,3, табл. 246,3] и у ст. Елизаветинской [14, табл. XII,20]. Найдены в п. 34,48, причем, комплекс п. 34 датируется I в. н. э. Самыми редкими являются наконечники с широким пером подтреугольной формы со скругленными углами и продольным пером, с наибольшим расширением в нижней трети. У основания одного крыла часто имеется небольшое отверстие (рис. 4,5). Такие копия встречаются редко. А. И. Милькова связывает их происхождение с Кавказом, где подобные формы восходят к доскифской эпохе [31, с. 42]. Е. И. Крупнов ведет их начало от железных наконечников с треугольным пером и продольной втулкой, появляющихся на Северном Кавказе в VI—V вв. до н. э. Подобные формы были обнаружены в могильнике у кирпичного завода № 2 г. Майкопа в п. 2, где весь комплекс вещей датируется IV—III вв. до н. э. [28, с. 96, рис. 6,1]. Интересно отметить, что копия этого типа продолжают существовать в первые века н. э., один такой экземпляр найден в могильнике у хут. Ленина [6, табл. 37,2]. В Ново-Вочепшийском могильнике они происходят из п. 61, 84.

Дротики в погребениях могильника встречаются в таком же количестве, что и копия. Это существенно отличает памятник от других погребальных комплексов Среднего Прикубанья, где этот вид оружия представлен единичными экземплярами или вообще отсутствует. Выделяются два типа: основной характеризуется небольшим плоским наконечником треугольной формы с опущенными концами (рис. 4,6,9). Различие лишь в размере втулки, которая иногда заканчивается вали-

ком. Варианты коротких дротиков встречаются в Серегинских комплексах. У нас они найдены в одном погребении (п. 61) с копьями III типа, что позволяет считать их существование синхронным и довольно ранним для Ново-Вочепшийского могильника, т. е. III—II вв. до н. э. Дротики второго типа имеют небольшие плоские ланцето- или листо-видной формы с длинной втулкой (рис. 4,7,8). Находились в одном комплексе с обычными дротиками (п. 36). Вообще этот тип встречается редко, известен в сарматских погребениях III—II вв. до н. э. [33, с. 58, рис. 23].

Наконечники стрел все железные, втульчатые, с трехгранной, вытянутой головкой (длина до 3,5 см.) Этот тип стрел встречается во всех меотских могильниках IV—I вв. до н. э. В п. 71 они найдены в комплексе с железными удилами и крестовидными псалиями (рис. 5,4), которые известны в памятниках III—II вв. до н. э. [5, с. 184, рис. 12,11].

Из орудий труда наиболее частой находкой являются железные ножи. Все они небольших размеров с прямым лезвием и горбатой спинкой (рис. 5, 6). Имеют широкие хронологические рамки: с середины I тыс. до н. э. до первых веков н. э. В п. 35 найден нож с прямой спинкой. Каменные оселки найдены в двух ранних комплексах. Глиняные пряслица обнаружены в 7 женских погребениях (рис. 5,7). Все они представлены ранними типами и известны на всех кубанских могильниках. Пряслица дисковидной формы, известные в комплексах I—III вв. н. э. и в синхронных слоях Ново-Вочепшийского городища, на могильнике отсутствуют.

Среди предметов туалета и украшений в Ново-Вочепшийском могильнике обнаружены бронзовые зеркала, браслеты, височные кольца и серьги, перстни и бусы.

Зеркала представлены тремя типами. В основном, они в виде круглого диска со слегка загнутым краем и плоской ручкой, сужающейся к концу. Выделяются два варианта: зеркала с фестончатыми выступами у места прикрепления ручки (п. 60, 75) и без фестонов (п. 50, 98). С орнаментом найдено два экземпляра (п. 50, 60, рис. 5, 12). Зеркало из п. 98 хранилось в футляре из ткани типа рогожки с редким переплетением и имело костяную рукоять. Подобные зеркала встречаются в грунтовых могильниках и курганах Северного Кавказа и Поволжья, начиная с III в. до н. э. [34, с. 62, 63], но с фестонами характерными для прикубанских памятников и датируются III—I вв. до н. э. [5, рис. 13,7,8; 35, с. 121, рис. 2, 6; табл. 663, 1]. В п. 31 (рис. 5, 3) найдено зеркало похожего вида, но без бортика. Они распространены у сарматов в среднесарматское время (I в. до н. э.—I в. н. э.), а в Крыму и Нижнем Поволжье до I—II вв. н. э. [34, с. 63, рис. 3,3; 36, с. 93, рис. 11, 47].

Бусы составляют основную группу украшений. Они имеются в 34 комплексах из 45, обнаружены возле шеи и на груди погребенных, а также у кистей рук, где они являлись обшивкой рукавов или служили в качестве браслетов. В основном это низко-цилиндрический бисер из синего, голубого и бирюзового стекла, который составлял вышивку одежды — ворота и груди. Значительная часть бус изготовлена из прозрачного и глухого стекла голубого, синего, зеленого и матового цвета. Среди них есть одноцветные и многоцветные, украшенные перистым орнаментом, го-

ризонтными и волнистыми полосами и сложными глазками. Основная масса бус округлой, дисковидной, эллипсоидной, цилиндрической формы. Есть небольшое количество пирамидальных, ребристых, однорядно-бугристых и веретенообразных. Встречаются отдельные экземпляры прозрачных, ребристых и в виде «гири». Все типы датируются III—I вв. до н. э. по классификации Е. М. Алексеевой. В некоторых погребениях (п. п. 9, 50, 54, 60 и др.) есть бусы с металлической прокладкой. В п. 34 найдены скарабей из египетского фаянса синего, бирюзового, желтого и светлорозового цвета (рис. 6, 5), которые Е. М. Алексеева датирует I в. н. э. [16, с. 41; табл. 10, 1—4]. В комплексе со стеклянными встречаются бусы, сделанные из других материалов: гагата и янтаря. Если гагатные являются частой находкой (8 погреб.) и известной для комплексов III—I вв. до н. э., то янтарь широко начал применяться с первых веков н. э. Чаще в комплексах, датируемых эллинистическим временем, встречаются отдельные подвески.

Из полудрагоценных камней для бус и подвесок употреблялся сердолик, горный хрусталь и халцедон. Браслеты чаще всего изготовлялись из бронзы. Самыми типичными являлись проволочные с несомкнутыми или заходящими концами (рис. 6, 3). Наибольший интерес представляют браслеты с заходящими друг на друга и перевитыми концами (рис. 6, 1), происходящие из п. 52, 53. В Устье-Лабинском могильнике № 2 они появляются в комплексах IV хронологической группы [5, с. 200], известны они в Елизаветинском могильнике I—II вв. н. э. [14, табл. IV, 34] и в погребениях Крыма рубежа н. э. [36, рис. 4, 31]. Это дает основание п. 52, 53 датировать не позже I в. до н. э., несмотря на другой инвентарь более раннего облика. Кроме того, из п. 31 происходит браслет со стилизованными змеиными головками на концах (рис. 6, 2). В могильниках Закубанья они известны с IV в. до н. э., но встречаются и в более поздний период [5, с. 186].

Бронзовые кольца и перстни найдены в 6 погребениях. Одни в виде простого проволочного кольца с несомкнутыми, заходящими друг на друга концами, другие имеют витой спиралевидный щиток (п. 52, 96) (рис. 6, 4). Если первый тип имеет широкие территориальные и хронологические рамки, то второй, а основном, характерен для первых веков н. э. Аналогичные перстни встречены в Устье-Лабинском могильнике № 2 и № 4, Краснодарском на ул. Тельмана, хут. Кубанском, Тахтамукаевском, а также в погребениях близ Ясеновой Поляны [15, с. 147; табл. VIII, 2]. Видимо, экземпляр из Ново-Вочепшийского могильника относится к ранним вариантам и датируется концом I в. до н. э. [36, с. 24; табл. 23, 33].

Анализ погребального обряда и инвентаря позволяет отнести группу ранних погребений Ново-Вочепшийского могильника к III—I вв. до н. э. К сожалению, при широких хронологических рамках основных категорий вещей, встречающихся в захоронениях, более узкую датировку значительной массы погребальных комплексов получить пока не удалось. Но некоторые наблюдения позволяют сделать вывод, что в могильнике самые ранние погребения датируются III в. до н. э. (п. 60, 75). Возможно, к ним относится еще какая-то часть полуразрушенных и бедных инвентарем могил. Большая группа захоронений приходится на III—II вв. до н. э.

(26,6% — см. табл. 1). Это, видимо, период наибольшей активности в использовании исследуемой части могильника. Значительно меньше удалось выявить комплексы, относящихся к последнему веку нашей эры (6), и только 2 погребения датируются началом нашей эры (п. 34, 35). Но, судя по большому количеству находок из разрушенного культурного слоя, этот хронологический горизонт на могильнике существовал, но был смещен в сторону от кладбища III—I вв. до н. э. и занимал другую территорию.

Изучение материалов Ново-Вочепшийского могильника выявляет черты его сходства с Пашковским № 3, Усть-Лабинским № 2, Елизаветинским, Уляпским и рядом других кубанских могильников. В первую очередь, это проявилось в погребальном обряде, что позволяет говорить об этнокультурной общности народа, оставившего могилы на берегу Псекупса с населением Среднего Закубанья и Прикубанья во второй половине I тыс. до н. э., которые исследователи связывают с меотами античных авторов.

Некоторое отличие от памятников раннего периода объясняется иными хронологическими рамками данного некрополя, охватывающими более поздний этап, синхронный III хронологической группе Усть-Лабинского № 2, Псекупского № 3, Серегинского могильников (III в. до н. э.—I в. н. э.). Несмотря на довольно длительный период существования, каких-либо качественных преобразований, кроме эволюции некоторых ритуалов, и изменения отдельных категорий сопровождающего инвентаря, в погребальном обряде не происходит. Это говорит о том, что развитие материальной культуры меотского населения Закубанья в последние века I тыс. до н. э. продолжается в традиционном направлении. Каких-либо существенных изменений в этническом составе населения не происходит, а появляющиеся новые черты свидетельствуют лишь о начале этого процесса. На прикубанских памятниках он проявился значительно ярче, что связано с усилением контактов с сарматским кочевым миром, вплотную приблизившимся к Прикубанью.

* * *

1. Мацкевой Л. Г. Новые мезолитические и неолитические поселения Краснодарского края //СА. 1981. № 1.

2. Миллер А. А. Краткий отчет о раскопках Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. //Сообщения ГАИМК. 1926. Вып. I.

3. Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станции Пашковской //МИА. 1958. № 64.

4. Анфимов Н. В. Тахтамукаевский могильник //Сб. материалов по археологии Адыгеи. Вып. II Майкоп. 1961.

5. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской //МИА. 1951. № 23.

6. Марченко И. И. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции. Раскопки могильника городища № 1 у хут. Ленина в 1981 г. //Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9146; 9146а-г.

7. Городцов В. А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. //СА. 1936. № 1.

8. Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупс // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. 1985

9. Каменцкий И. С. Итоги исследования Подазовского городища //СА. 1974. № 4.

10. Скрипкин А. С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья //Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: 1984.

11. Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени //СА. 1979. № 2.
12. Лесков А. М. и др. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1984 г. //Архив ИА АН СССР. Р-1 № 10482, а, б.
13. Лесков А. М. и др. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1985 г. //Архив ИА АН СССР Р-1 № 10973 а, б.
14. Анфимов И. Н. Меотский могильник I—II вв. н. э. близ ст. Елизаветинской //Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. 1984.
15. Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. 2. Майкоп. 1967.
16. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. 1975. Вып. 11—12.
17. Марченко И. И. Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станции Елизаветовской на Нижнем Дону //СА. 1972. № 1.
18. Анфимов Н. В. Меотские поселения Восточного Приазовья //КСИИМК. 1950. № 34.
19. Гущина И. И. О сарматах в юго-восточном Крыму (по материалам некоторых могильников I—IV вв.) //СА. 1967. № 1.
20. Шилов В. П. Новые данные о Елизаветинском городище //СА. 1955. № XXIII.
21. Каминская И. В. Меотский могильник у х. Александровского в Закубанье //Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. 1984.
22. Артамонов М. И. Раскопки курганов на р. Маныч //СА. 1949. XI.
23. Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа //КСИИМК. 1950. № XXXIV.
24. Анфимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья //КСИИМК. 1952. № XI, VI.
25. Лесков А. М. и др. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1981 г. //Архив ИА АН СССР. Р I № 8672, а, б.
26. Ловлаче Н. Г. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике //Вопросы археологии. Майкоп. 1981.
27. Лесков А. М. и др. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1981 г. //Архив ИА АН СССР. Р I № 8848, а.
28. Дитлер П. А. Меотский могильник в карьере Майкопского кирпичного завода № 2 //Сборник трудов по археологии Адыгеи. Майкоп: 1977.
29. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора //МИА. 1960. № 83.
31. Милюкова А. И. Вооружение скифов //САИ. 1964. Вып. Д 1—4.
32. Шилов В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. //СА. XXIII, 1955.
33. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии //М: Наука, 1984.
34. Хазанов А. М. Генезис сарматских зеркал //СА. 1963. № 4.
35. Сорокина И. А. Курганный могильник Греки IV в степном Прикубанье //КСИА. 1986. № 188.
36. Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. //Тр. ГИМ. 1982. Вып. 54.

Таблица 1

П/№ погребения	Ориентир.	Тип позы	Миски, лепные	Миски гончарные	Плиты	Гальки	Астрагал	Кости животного	Посуда	Копья	Стрелы	Крючки	Оселки	Ножи	Проколки	Зеркала	Бусы	Браслеты	Кольца	Серьги
9	ЮЗ	3																		III—I вв. до н. э.
24	—	—							+											III—I вв. до н. э.
31	ЮВ	1												+						II—I вв. до н. э.
32	—	—							+											III—I вв. до н. э.
34	ЮВ	2							+	+				+						I в. н. э.
35	ЮВ	2	1											+						I в. н. э.
36	ЮВ	1		3		+		+	+	+				+		+	+			III—I вв. до н. э.
37	ЮЗ	—		3				+	+	+				+						III—I вв. до н. э.
39	—	—		3					+	+				+						III—I вв. до н. э.
40	ЮВ	1							+	+										III—I вв. до н. э.
42	—	—							+	+										III—I вв. до н. э.
43	—	—						+	+	+										III—I вв. до н. э.
45	ЮВ	1							+	+						+			+	III—I вв. до н. э.
47	З	1							+	+										III—I вв. до н. э.
48	ЮВ	1							+	+	+									III—I вв. до н. э.
49	—	—							+	+				+						II—I вв. до н. э.
50	—	—							+	+										II—I вв. до н. э.
52	ЮЗ	1		3	+		+	+	+	+					+				+	III—I вв. до н. э.
53	ЮВ	2						+	+	+						+	+			II—I вв. до н. э.
54	ЮЮВ	—	3						+	+						+	+			III—I вв. до н. э.
55	СЗ	2							+	+										III—I вв. до н. э.
57	ЮЮВ	—	3						+	+								+	+	III—I вв. до н. э.
60	Ю	1		3	+	+		+	+	+				+	+				+	III в. до н. э.
61	ЮВ	1	1					+	+	+				+						III—II вв. до н. э.
64	ЮВ	2				+			+	+										III—II вв. до н. э.
66	ЮЗ	2							+	+								+		III—II вв. до н. э.
67	ЮВ	1	1						+	+							+			III—I вв. до н. э.
70	Ю	1		1					+	+										III—I вв. до н. э.
71	ЮЗЗ	1							+	+										III—II вв. до н. э.
73	ЮВ	—	1						+	+			+	+					+	III—II вв. до н. э.
75	СВ	1							+	+					+	+				III в. до н. э.
80	С	2							+	+				+	+					III—I вв. до н. э.
81	СВВ	1	1						+	+				+	+					III—II вв. до н. э.
82	ЮВ	2	1						+	+			+	+				+	+	III—II вв. до н. э.
84	ЮЮВ	1	1						+	+										III—II вв. до н. э.
86	З	1							+	+										III—I вв. до н. э.
87	ЮВ	1	1						+	+										III—I вв. до н. э.
89	ЮВВ	1	1						+	+									+	III—I вв. до н. э.
92	В	1							+	+				+	+					III—I вв. до н. э.
95	ЮЮВ	1	3						+	+				+	+					III—II вв. до н. э.
96	Ю	1	3					+	+	+				+	+				+	III—I вв. до н. э.
98	ЮВ	1		3			+	+	+	+				+	+					III—II вв. до н. э.
100	Ю	1		3					+	+				+	+					III—I вв. до н. э.
101	ЮВ	3	3						+	+			+	+						III—I вв. до н. э.

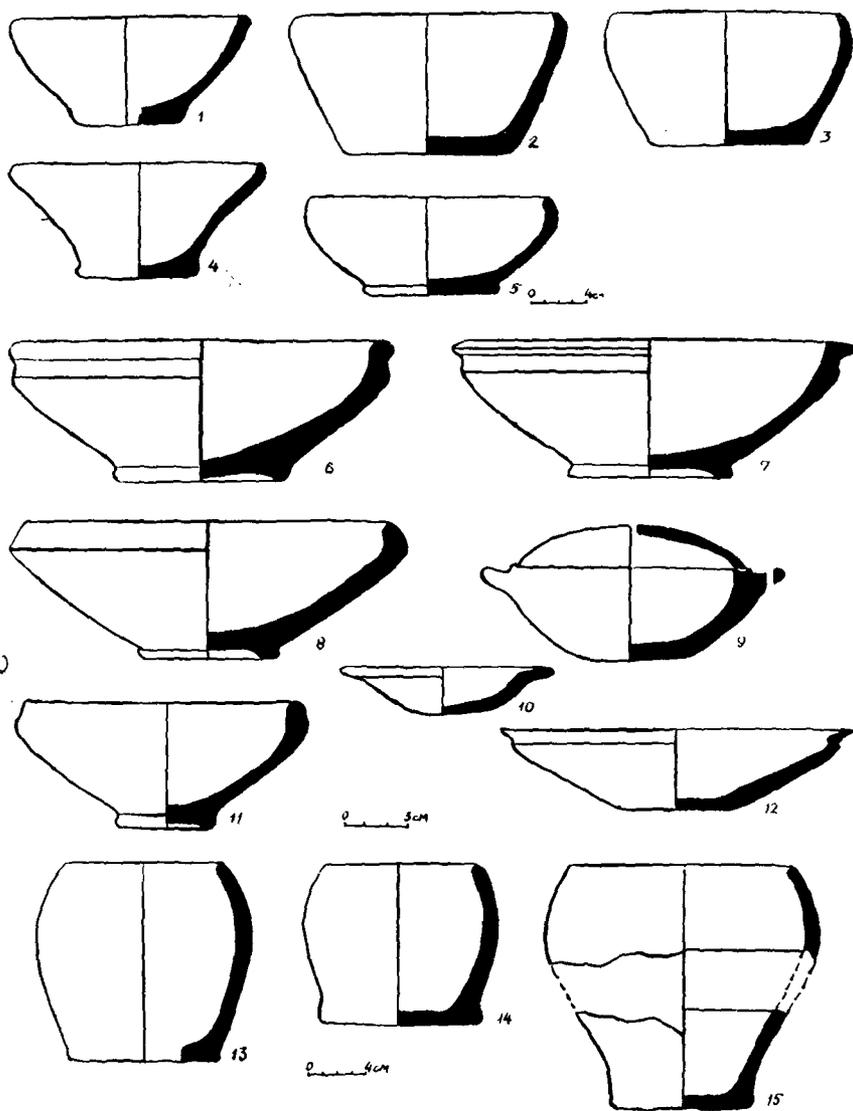

Рис. 1 Лепные миски: 1 — п. 36; 2 — п. 81; 3 — п. 57; 4 — п. 87; 5 — п. 67; Гончарные миски: 6 — п. 70; 7 — п. 100; 8 — п. 39; 9 — п. 98; 10 — п. 54; 11 — п. 73; 12 — п. 82. Лепные горшки: 13 — п. 36; 14 — п. 37; 15 — п. 35.

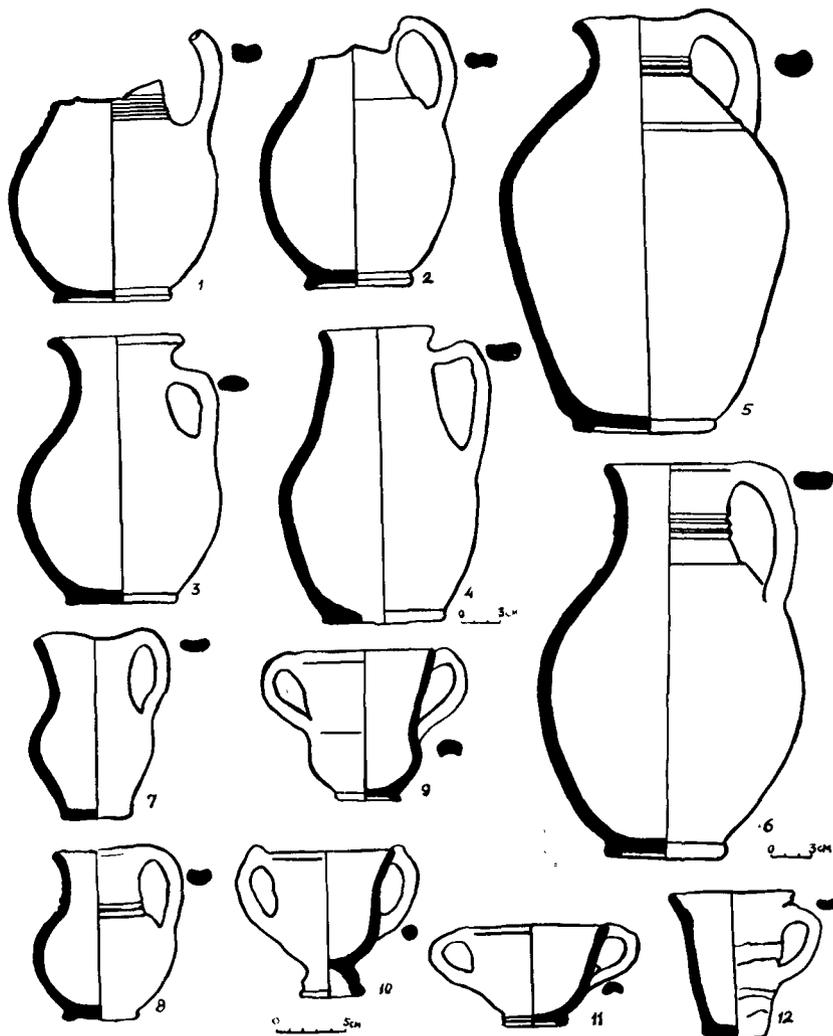

Рис. 2 Сероглиняные гончарные кувшины: 1 — п. 42; 2 — п. 47; 5 — п. 52; 6 — п. 43; 7 — п. 53; 8 — п. 52. Красноглиняные гончарные кувшины: 3 — п. 31; 4 — п. 45. Канфары — кубки: 9 — п. 36; 10 — п. 52; 11 — п. 31; 12 — п. 49.

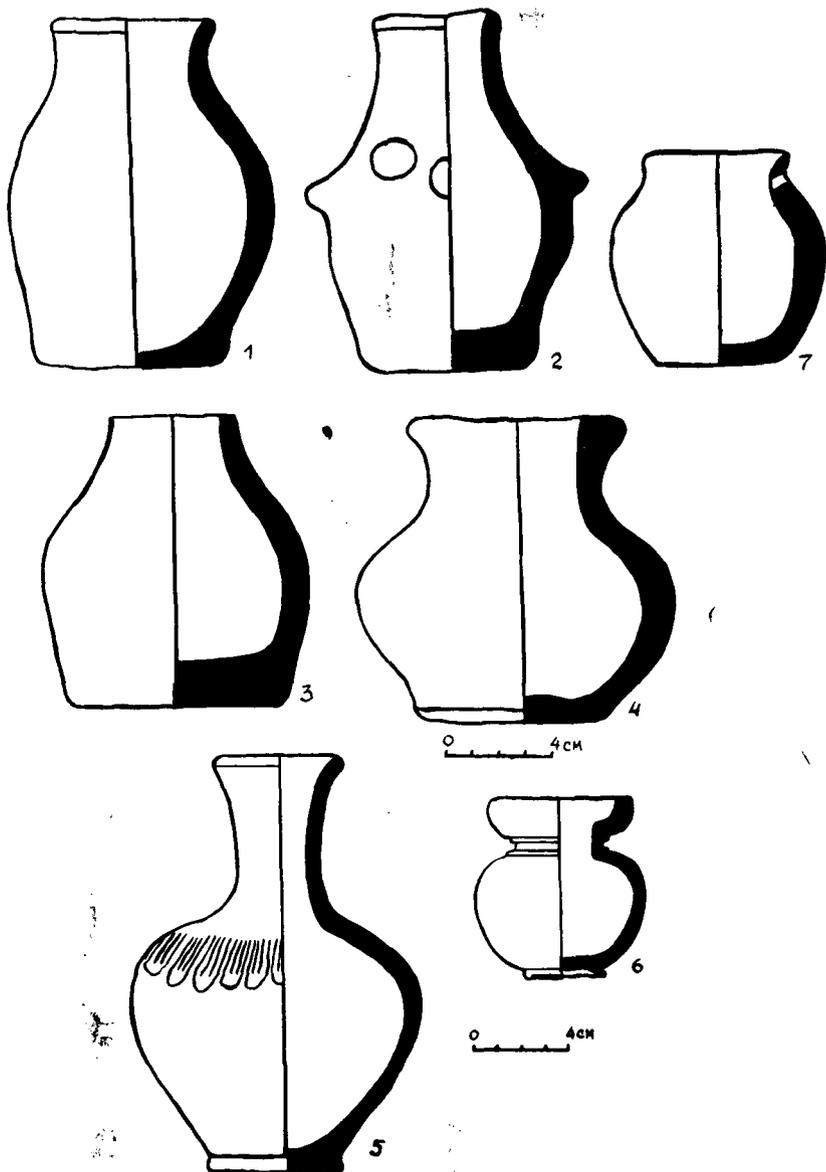

Рис. 3. Ритуальные сосуды: 1 — п. 75; 2 — п. 61; 3 — п. 82; 4 — п. 60; 7 — п. 80; 5 — сероглиняный кувшин с орнаментом из п. 98; 6 — чернолаковый сосуд из п. 75.

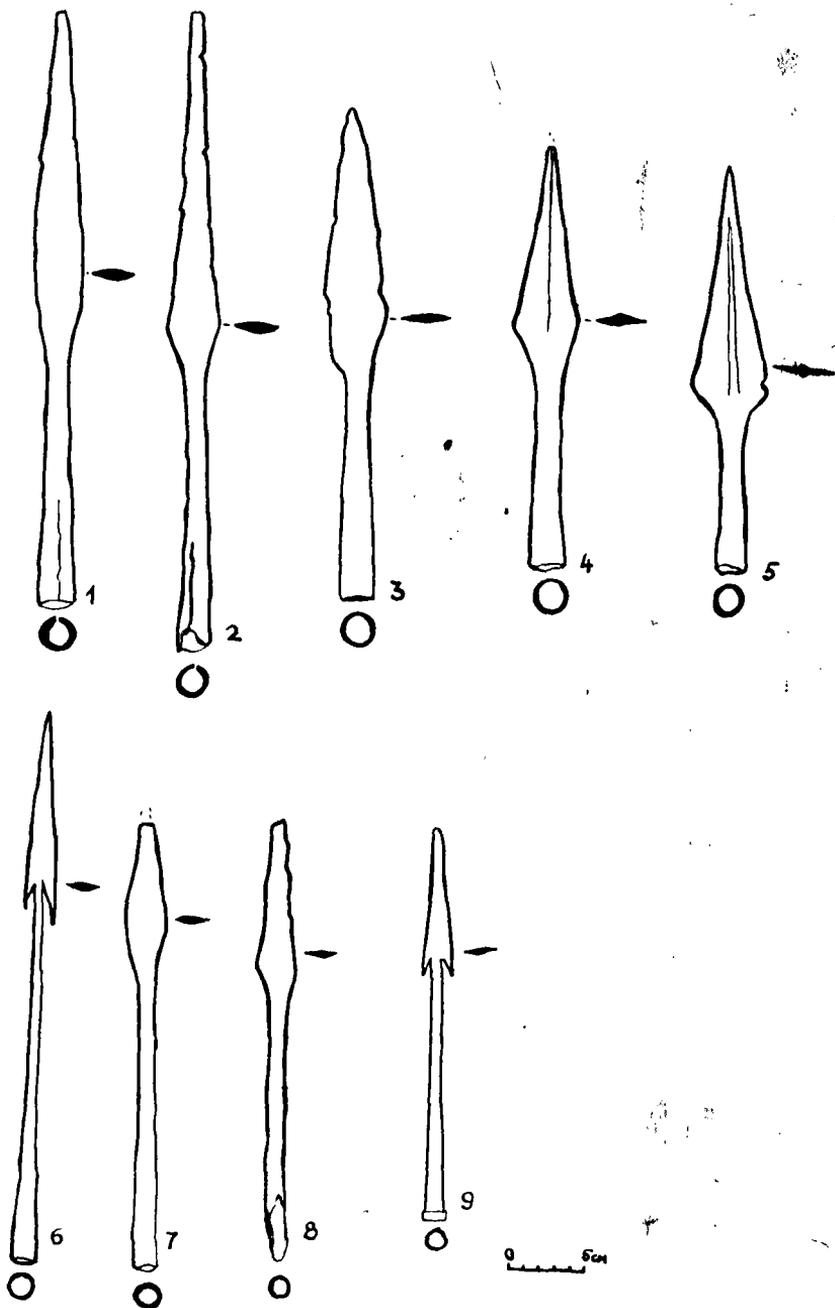

Рис. 4 Наконечники копий: 1, 2 — п. 40; 3 — п. 34; 4 — п. 49; 5 — п. 61; Наконечники дротиков: 6, 7 — п. 36; 8 — п. 49; 9 — случ. нах.

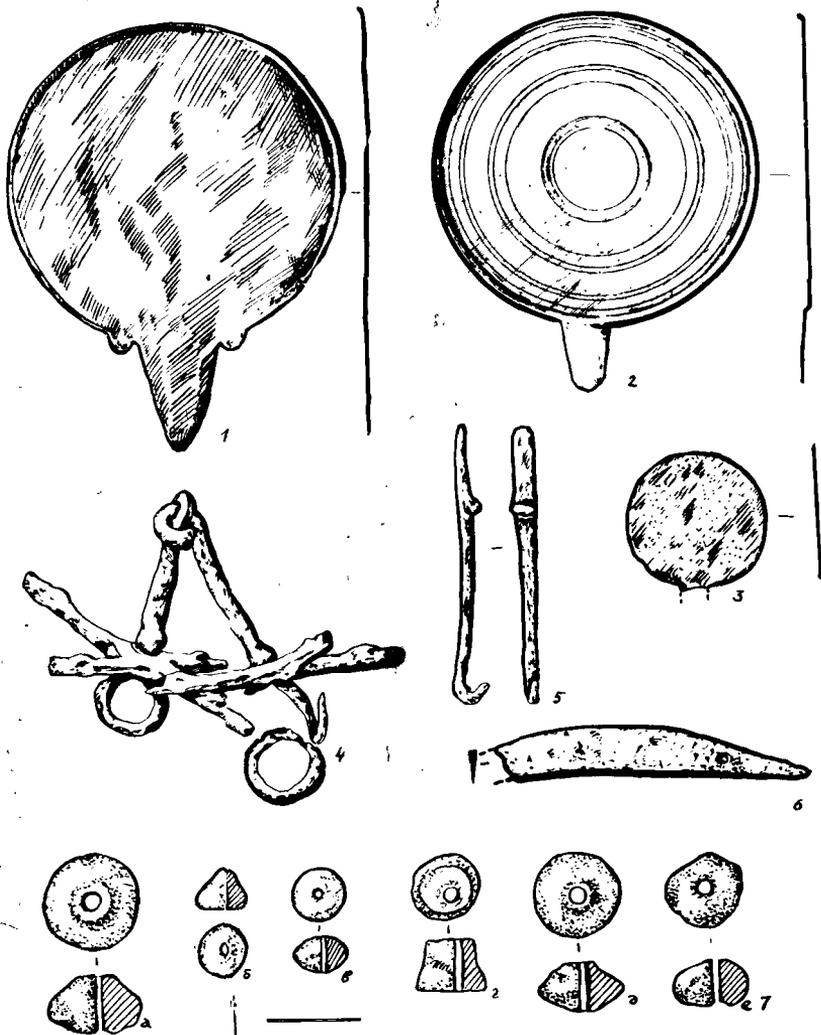

Рис. 5 Зеркала: 1 — п. 75; 2 — п. 50; 3 — п. 31. Удила и псални: 4 — п. 71; Крючок: 5 — п. 71. Нож: 6 — п. 82. Пряслнца: 7 — п. 67.

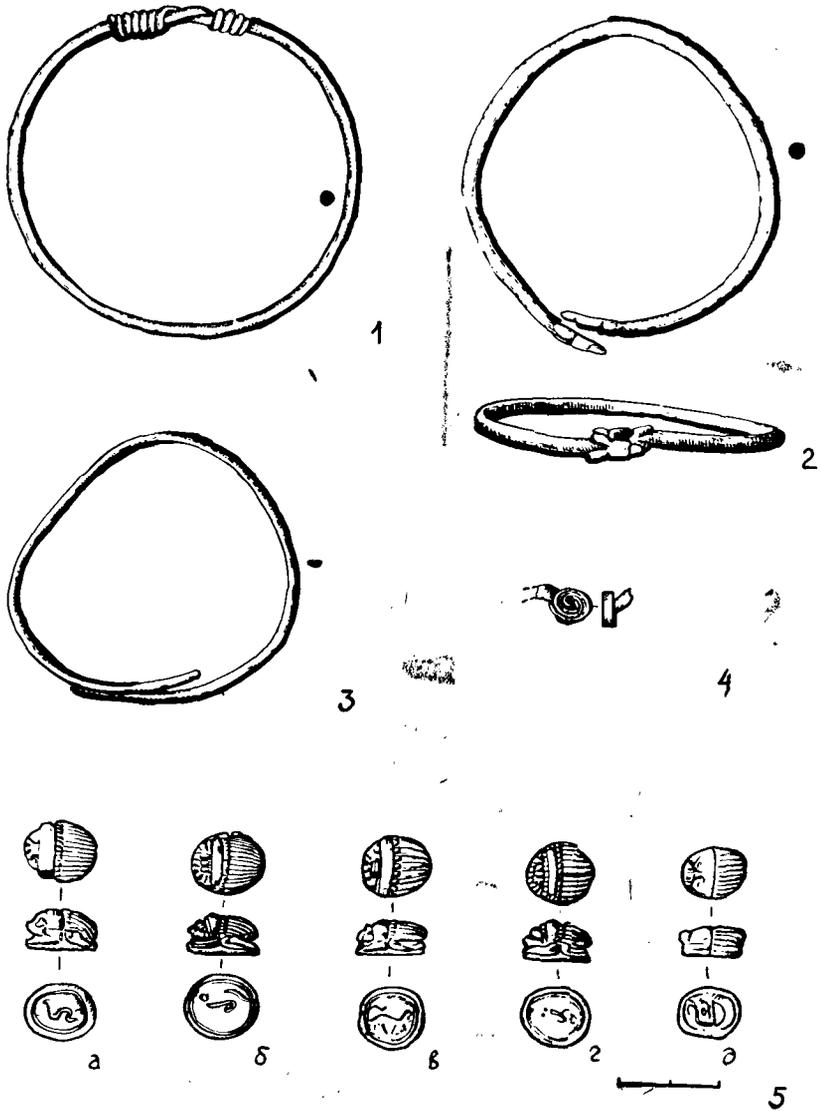

Рис. 6 Браслеты: 1 — п. 52; 2 — п. 31; 3 — п. 82. Перстень 4 — п. 96. Пронизи «скарабей»: 5 — п. 34.

ПОЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦЕ I

- Графа «тип позы» — 1, 2, 3 — соответствуют выделенным типам положения погребенного.
- Графа «миски лепные» — 1 — миски, накрывающие череп
2 — миски под черепом
3 — миски рядом с черепом.
- Графа «миски гончарные» — 1 — миски, накрывающие череп
2 — миски под черепом
3 — миски рядом с черепом.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД УЛЯПСКИХ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ В КРАСНОГВАРДЕЙСКОМ РАЙОНЕ

Одним из наиболее дискуссионных вопросов истории Закубанья эпохи раннего железа является проблема взаимоотношений скифов с меотами: носили эти отношения форму непосредственного этно-культурного контакта, или были ограничены лишь влиянием скифской культурной традиции на меотскую, что проявилось в своеобразии ритуальных сооружений и инвентаре наиболее богатых курганов, Келермесских и Ульских. Со времени открытия этих памятников Н. И. Веселовским и работ М. И. Ростовцева, посвященных истории и культуре индоиранцев, «большие кубанские курганы» принято считать скифскими памятниками. Однако известно, что курганы, исследованные Н. И. Веселовским были ограблены в древности и в 19 веке, и ни в одном из них не обнаружено неразрушенного погребения, дающего представление о погребальном обряде их создателей, который, как известно, является одним из определяющих признаков этнической принадлежности.

В 1982—1983 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Л. К. Галаниной продолжалось исследование курганного могильника у ст. Келермесской. В межкурганном пространстве был открыт меотский грунтовый могильник, синхронный скифским курганам. Л. К. Галанина датирует могильник второй половиной VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. и считает, что в целом, комплекс Келермесского некрополя этого времени оставлен меотами и «осевшими на их землях пришлыми ирано-язычными кочевниками»¹.

В эти же годы, 1982—1983 гг., экспедиция Государственного музея искусства народов Востока под руководством А. М. Лескова продолжала работы на полях колхоза «Кавказ» (Красногвардейский район, Адыгейской АО). Раскапывались курганы, расположенные на первой надпойменной террасе реки Ульки, в 1,5 км к востоку от аула Уляп. В 1982 году здесь были исследованы, помимо прочих, два кургана (№№ 1, 5), не содержавшие погребений, но по форме подкурганых сооружений и богатству инвентаря близкие к курганам Ульской группы. А. М. Лесков, не без основания, трактует эти два кургана как святилище, датируя их V—IV вв. до н. э. Всего же за два полевых сезона на Уляпском поле было исследо-

вано 17 курганов. На западном участке поля, кроме курганов №№ 1, 5 были раскопаны курганы № 4 (1982 г.) и № 7 (1983 г.), основные погребения которых совершены в эпоху ранней бронзы, а в меотское время эти курганы перекрыл грунтовый могильник. Аналогичная ситуация наблюдалась в 0,7 км к востоку. Здесь были раскопаны курганы №№ 12, 13, 15, 16, насыпанные в III тыс. до н. э., а в эпоху раннего железа перекрытые грунтовыми могильниками. В процессе первичной обработки материала и написания отчета, были вычленены все погребения грунтовых могильников, а различия в инвентаре и удаленность их друг от друга, дали основание считать их двумя могильниками.

Наиболее ранний могильник, находившийся на восточном участке поля, датирован по античному импорту серединой VI—V вв. до н. э. Второй могильник был расположен на западном крае террасы, относится к IV в. до н. э.

На раннем могильнике было исследовано 176 захоронений людей, 6 конских погребений и 34 скопления, состоящих из сосудов и костей животных. Судя по вскрытой площади (6604 м²) могильник был вытянут с северо-запада на юго-восток. С востока он ограничивался ложбиной, с севера — краем террасы. Западная и южная границы не выявлены. В планировке могильника среди бессистемного расположения погребений, можно было выявить короткие ряды по 5—6 захоронений. Наиболее ранние погребения, второй половины VI в. до н. э. сосредоточены в восточной части, в пределах кургана № 15. Захоронения совершались на глубине 0,9—1,5 м от современной поверхности. Небольшая глубина погребений отмечается для большинства раннемеотских могильников Закубанья и Прикубанья: Келермесского, Усть-Лабинского № 2, Пашковского 3-его².

В подавляющем числе погребений Уляпского могильника форма ямы не прослеживалась из-за характера грунта. Лишь в пяти случаях были выявлены ямы овальной и прямоугольной формы с вертикальными стенками. Размеры ямы определялись количеством погребенных и инвентаря. В среднем длина ямы равнялась 1,9—2,3 м, ширина 1,45—1,95 м.

Значительная часть захоронений — одиночные. В четырех могилах зафиксированы парные погребения, характерной чертой которых является то, что один из погребенных лежит вытянуто на спине, другой — скорченно на боку, лицом к вытянутому костяку. В трех погребениях вытянутый на спине костяк занимал левую, западную часть могильной ямы, скорченный — восточную. В одном случае наоборот.

На раннем могильнике зафиксированы три основных положения погребенных:

- 1 — на спине с вытянутыми ногами;
- 2 — на спине с согнутыми в коленях ногами;
- 3 — на боку в скорченном положении.

В одном случае (15/59) * зафиксировано положение костяка на животе, в так называемой «брошенной» позе. Положение рук погребенных довольно произвольное (всего отмечено 32 варианта положения рук). При положении на спине наиболее часто встречаются варианты, когда обе руки вытянуты или слегка согнуты в локтях, а кисти лежат на тазе. Встречено

* Первая цифра — № кургана, вторая — № погребения.

положение кистей на грудь и живот. У погребенных на боку, руки согнуты в локтях, кисти подняты к лицу или прижаты к груди. Однако, какой-либо связи между положением рук и основной позой скелета выявлено не было. Положение костяка зафиксировано в 98 погребениях: 46 погребенных лежат в первой позе (47%) *, 26 — во второй (26,5%) и 25 — в третьей (25,5%), причем отмечен лишь 1 случай положения на левый бок, в остальных 24 захоронениях костяк лежал на правом боку.

На основании проведенных наблюдений и сопоставления погребального инвентаря, можно сделать предположение, что на боку хоронили обычно женщин. Погребальный инвентарь этих комплексов состоит из сосудов, украшений, пряслиц, ни в одном из этих захоронений не было найдено предметов вооружения. Однако, скорченная поза костяка, не может являться единственным критерием для определения пола, так как подобный набор инвентаря был встречен и при погребенных на спине.

Господствующей ориентировкой является южная, которая прослежена в 49 погребениях (50%), большая часть ориентирована головой на Ю — Ю-В и Ю-В — 32 костяка (32,7%). Отмечены случаи юго-западной ориентировки (15,3%) и по одному случаю восточной и восточно-северо-восточной (2%).

Господство южной и юго-восточной ориентировки, сочетание вытянутой и скорченной на боку поз, при приобладании первой, отмечается для всех могильников раннемеотского времени. В Келермесском грунтовом могильнике количество скорченных на боку костяков невелико (3 погребения из 18) ³. В первой хронологической группе Усть-Лабинского могильника № 2 зафиксировано 12 вытянутых на спине и 6 скорченных на боку скелетов ⁴. Признаки скорченности отмечены и в некоторых раннемеотских погребениях Псекупского могильника ⁵.

Напутственная пища, обнаруженная в 54 погребениях, представлена костями овцы, лошади, коровы, свиньи. В могилу помещали, как правило, не целую тушу, а части — ноги, черепа, ребра. В некоторых захоронениях заупокойная пища представлена костями нескольких животных. В четырех комплексах (16/14, 16/15, 16/18, 16/19) найдены целые скелеты овцы. Напутственная пища располагалась справа от погребенного или в ногах. Среди костей животных часто находились железные ножи.

В качестве культовых атрибутов в погребениях обнаружены песчаниковые плиты, гальки и мел.

Плиты трапециевидной или подпрямоугольной формы встречены в 18 комплексах, они заглажены с одной или с двух сторон, длина их 20—50 см, ширина 15—37 см. Плиты находились, в основном, на уровне нижней части туловища или ног, и лишь в двух случаях у черепа.

В четырех погребениях встречены одиночные гальки, лежавшие около скелета, в одном случае — на груди (15/8).

В двух комплексах (12/21, 12/81) были найдены куски мела, положенные на грудь погребенному.

Подобные атрибуты погребального ритуала отмечены для многих ме-

* Процентное соотношение поз и ориентировок определялось из того количества погребений, где сохранились костяки, т. е. для раннего могильника 98 погребений составляют 100%, для более позднего ⁴⁰ погребений — 100%.

отских памятников, различия наблюдаются в наборе и в месте нахождения их по отношению к погребенному. Наличие галек и песчаниковых плит, как отмечает Н. В. Анфимов, один из характерных признаков обряда Усть-Лабинских и Пашковских захоронений VI—IV вв. до н. э., однако в Пашковском могильнике часто наблюдается положение гальки в сосуд⁶. Гальки зафиксированы в левобережных памятниках: в раннемеотских погребениях могильника Псекупс⁷, Начерзий⁸, однако здесь они очень малочисленные и существуют вместе с песчаниковыми плитами, наиболее своеобразной чертой этих могильников в погребальном обряде является обычай положения под голову «подушки» — перевернутой миски. Этот ритуал отсутствует в могильниках Уляпа и Келермесса. В трех погребениях последнего встречены песчаниковые плиты, расположенные у стоп костяков⁹. Атрибуты погребального культа, в определенной мере, отражают локальные особенности каждой из групп меотских памятников. В то же время гальки можно расценивать как наиболее общую и характерную черту для культуры в целом. Находка мела зафиксирована только в одном погребении Пашковского могильника (п. 4, 1947 г.)¹⁰.

В 16 комплексах раннего Уляпского могильника встречены конские захоронения. В 10 случаях лошади сопровождали погребение человека, в 6 — это самостоятельные комплексы. В большинстве случаев находилось по одному костяку коня, в двух (15/8, 15 кп. 2) обнаружены останки двух животных. В тех погребениях, где конь сопровождал человека, животное, как правило, лежит слева (8 погребений). Лошадь укладывали на бок с подогнутыми ногами, и лишь один раз зафиксировано положение лошади на животе (15/8). В основном, в могилу помещали целую тушу коня, в двух погребениях отмечены череп и конечности (12/58, 15/9), то есть остатки чучела.

Особая группа погребений — воинов с конем — отмечается не только в раннемеотских могильниках, но и в памятниках протомеотского времени: Николаевском и Кубанском грунтовых могильниках. Эти погребения выделяются из общей массы комплексов VIII — первой половины, начала VII в. до н. э. богатством и разнообразием инвентаря. Конь располагался слева от человека, на ступеньке; в могилу помещали не целую тушу, а шкуру с головой и конечностями¹¹. В Келермесском могильнике, относящемся к начальной стадии раннемеотского периода, в пяти комплексах находились остатки коней: в трех комплексах у стоп погребенного были положены конские шкуры, в двух комплексах найдены целые конские костяки, лежавшие слева от человека, на ступеньке. В погребении № 12 конь находился при женском костяке¹². Аналогичный случай имеет место и в Уляпском могильнике — в погребении 35 кургана 12 — конский костяк без узды находился слева от скорченного на правом боку женского скелета с украшениями и зеркалом, на одном уровне с ним, что отмечено и для других погребений этой группы, обычно помещать животное на ступеньку в Уляпских захоронениях отсутствует. На прото- и раннемеотском участке могильника Псекупс зафиксированы случаи одиночного захоронения лошадей, лежавших в сильно согнутом положении. Н. Г. Ловпаче допускает, что это кенотафы¹³. Возможно, что на Уляпском могильнике мы имеем аналогичные случаи.

Принадлежность к меотской культуре характеризуется не только обрядом погребения — глубиной и формой могилы, ориентировкой и позой костяка, но и определенным набором инвентаря, порядком расположения его в могиле.

Погребальный инвентарь раннего могильника а. Уляп представлен керамикой, оружием, предметами конского убора, зеркалами, украшениями и орудиями труда.

Наиболее многочисленной категорией являются глиняные сосуды, они зафиксированы в 142 захоронениях. Количество сосудов в погребении колеблется от одного до восьми, в среднем два-три сосуда. Традиционный набор: кружка-кувшинчик, миска и корчага. В более богатых комплексах встречены горшки, вазочки, миниатюрные сосудики, кувшинчики. Вся керамика лепная, часто лощенная. В богатых воинских погребениях найдены античные сосуды или их фрагменты: килики (15/8, 15/48, 15/51), протофасосская амфора (15/66), тулово чернофигурного лекифа (12/100) и ионийский светильник (12/82). Импортные сосуды датируются серединой VI—V вв. до н. э.¹⁴ В расположении сосудов в погребении есть определенная закономерность*: сосуды, как правило, стоят с правой стороны, вдоль скелета у черепа — кружка и мелкие сосуды, иногда миски. В большинстве же могил миски находятся на уровне груди или таза, рядом с костями животных. В ногах, справа от стоп, ставились корчаги и крупные горшки. В богатых погребениях в ногах часто отмечалось скопление инвентаря: сосуды, орудия труда и кости животных.

Подобный набор керамики и его расположение наблюдалось и в раннемеотских погребениях могильника Псекупс¹⁵, в Усть-Лабинском № 2 — в могилах первой хронологической группы.¹⁶ Особенностью Уляпских захоронений является отсутствие чарок (ковшей), типичных для керамических наборов этого времени.

Оружие представлено железными акинаками, железными и бронзовыми наконечниками стрел, наконечниками и втоками копий. Оружие обнаружено в 41 погребении.

Кинжалы найдены в 30 комплексах. Они имеют брусковидные или когтевидные навершия, бабочковидные, реже брусковидные или подтреугольные перекрестия. Местоположение акинаков относительно костяка зафиксировано в 22 погребениях: в шести случаях у правого бедра, в семи — у левого, в пяти погребениях — в области пояса и в пяти — между ногами. В двух парных захоронениях согнутые акинаки находились среди скопления инвентаря. На трех акинаках были найдены полуовальные бронзовые бутероли, что свидетельствует о ношении этих кинжалов в ножнах из дерева.

Надо отметить, что могильник VI—V вв. до н. э. у а. Уляп пока единственный из меотских памятников, где в таком количестве и разнообразии представлен этот тип вооружения. Одиннадцать железных аки-

* Так как из 142 погребений с керамикой, костяки сохранились в 75, то о схеме расположения сосудов по отношению к скелету можно говорить лишь на их примере.

наков найдены в объектах могильника Нечерзий; предположительно они располагались наискосок, от правой руки к левой ноге.*

Наконечники стрел: бронзовые, железные и костяные встречены в 19 могилах, из них в шести — костяки разрушены. В пяти погребениях находились довольно многочисленные колчаные наборы, с числом стрел от 9—11 до 42. В одном погребении (15/48) найдены два колчаных набора, в которых обнаружено 80 наконечников стрел. В восьми комплексах встречено по одному-три наконечника. В могилах, где обнаружены колчаные наборы, стрелы находились у ноги (15/48, 15/70) или у тела. Наконечники стрел — одна из немногих категорий погребального инвентаря, не имеющая определенного места в могиле.

Стрелы, тем более колчаные наборы, как и акинаки, редко встречаются в рядовых меотских погребениях. Они обнаружены в небольшом количестве в разрушенных погребениях могильника у а. Нечерзий.

Наконечники копий зафиксированы в 9 погребениях, из них два — разрушены. При костяке находилось от одного до трех наконечников, в трех случаях они лежали у левого плеча, в двух — у правого, в двух — среди скопления погребального инвентаря в ногах умершего. В погребении 51 кургана 15, которое датируется протофасосской амфорой серединой V в. до н. э., два наконечника копий лежали у правого плеча, в 146 см от них были найдены втоки. Подобное расположение частей копья в могиле позволило определить длину копья, которая равнялась 190 см.

Полный набор вооружения: акинак, копья, стрелы, зафиксирован лишь в одном погребении (15/8), — где был похоронен мужчина и два коня. В других могилах находился либо акинак и стрелы, либо акинак и копьё.

При конских костяках, в шести комплексах, встречены железные удила и псалии, лежащие под черепом лошади или рядом с ним.

Украшения — многочисленная и разнообразная категория, к ней относятся бусы, браслеты, кольца, перстни, височные колечки.

Одиночные и в наборах бусины встречаются в каждом четвертом погребении. Из 43 комплексов с бусами, костяки не потревожены в 21. В 16 могилах — бусы находились в области шеи, составляя ожерелье в 5 — у запястий рук. Наиболее многочисленны низки насчитывали 20—32 бусины и были расположены у шеи и на груди, у кистей рук лежали одиночные бусины. Сделаны они из сердолика, гешира, стекла, золота и бронзы. В наиболее богатых погребениях воинов найдены бусины из камня и золота.

Бронзовые и железные браслеты по 1 или по 2 часто встречались и в погребениях с другими типами украшений. Только в одном случае браслет был найден в комплексе с наконечниками стрел.

Височное кольцо сделанное из бронзовой проволоки в 1,5 оборота лежало под черепом женского костяка в погребении 62 кургана 15.

Более многочисленны находки бронзовых щитковых перстней (7 по-

* Подавляющее большинство костяков в погребениях могильника Нечерзий уничтожено грунтовыми водами.

погребений), их носили на правой руке, в погребении 15 кургана 16 по одному перстню было надето на каждую руку. Два массивных электровых кольца найдены в могилах воинов (15/8, 15/48). Бронзовое колечко из тонкой бронзовой проволоки с разомкнутыми концами происходит из женского захоронения № 15 кургана 15.

Из сравнительно большого набора украшений не удается выделить ни одну из категорий, кроме электровых колец, которая могла бы считаться чисто женской или мужской. Однако в женских погребениях были отмечены наиболее многочисленные и разнообразные наборы бус.

Предметы туалета представлены бронзовыми зеркалами. В погребении 45 кургана 12 было обнаружено архаичное бронзовое зеркало в виде диска с бортиком и петлей на обороте, оно находилось справа от черепа женщины. Второй тип зеркал — бронзовый диск с боковой ручкой — найден в 5 погребениях. Зеркала лежали у правой руки костяка. В трех случаях они носили следы преднамеренной порчи — были погнуты.

Среди погребального инвентаря встречены оселки, пряслица, железные ножи и шило. Оселки находились в 4 комплексах с акинаками, в области таза или рядом с кинжалом.

Среди напутственной пищи в 15 захоронениях встречены ножи с горбатой спинкой. В погребении середины VI в. до н. э. (15/48) рядом с акинаком находились два охотничьих ножа, длиной 22—23 см, судя по тлену, сохранившемуся под ними, лежали они в чехле.

Глиняные пряслица принято считать предметом женского инвентаря. Однако в мужском погребении, выделяющемся разнообразием и богатством инвентаря (15/8), среди скопления вещей было обнаружено и пряслице. Прочие 17 захоронений, где находились пряслица, принадлежали женщинам. В 16 комплексах было найдено по одному грузику, в одном — три. Железное шило обнаружено лишь в одном погребении (15/29).

Таким образом, для захоронений VI—V вв. до н. э. можно отметить довольно характерный набор инвентаря, в большинстве своем подобный набору других раннемеотских могильников.

В результате сделанного анализа можно отметить следующие наиболее существенные черты обряда в целом единой хронологической группы:

1. Захоронения совершались в грунтовых ямах.
2. Преобладание одиночных погребений.
3. Сочетание трех поз костяков: вытянутой на спине, полускорченной на спине, скорченной на боку.
4. Устойчивая южная и юго-восточная ориентировки костяков.
5. Наличие напутственной пищи во многих погребениях.
6. Присутствие в качестве культовых атрибутов плит, галек, мела.
7. Существование группы захоронений — человек с конем — отличающейся разнообразным и многочисленным инвентарем.
8. Определенный набор инвентаря в могиле — керамические сосуды, оружие, представленное акинаками, наконечниками копий и стрел, причем последние сделаны из бронзы, железа и кости, украшения и орудия труда.

9. Устойчивая схема расположения инвентаря: керамика справа вдовль тела, мелкие сосуды у головы, крупные в ногах, акинаки находятся у пояса, наконечники копий — у головы; украшения — соответственно их назначению; напутственная пища — справа от скелета или в ногах с железными ножами; в области ног располагались каменные плиты.

На могильнике IV в. до н. э. было исследовано 59 погребений, 6 конских захоронений, 35 скоплений и 1 ритуальный комплекс. Исследование этого могильника проводилось в течение двух полевых сезонов. В 1982 г. была вскрыта часть могильника, заходящая в северную полу кургана № 4, площадью 3593,75 м². В 1983 г. в ста метрах к северо-западу при раскопках кургана № 7 были открыты погребения аналогичные по обряду и инвентарю, что дало основания считать погребения, перекрывшие курган № 7, продолжением ранее открытого могильника. Исследованная в 1983 г. площадь составила 1250 м². Могильник располагался между курганами, заходя в полы курганов. В планировке его можно выделить короткие параллельные ряды по 4—5 погребений, ориентированные запад-восток. Погребения датируются инвентарем и античной керамикой IV в. до н. э. и относятся к единой хронологической группе.

Захоронения находятся на глубине 0,8—1,3 м от современной поверхности. Ямы не прослеживались, но судя по площади, занятой погребением, длина равнялась 1,7—1,9 м, ширина — 0,9—1,7 м. Большинство могил с одиночными костяками. В четырех могилах находились парные погребения и в четырех — тройные. В погребениях с двумя скелетами — один из костяков вытянутый, второй — полускорчен на спине и находится слева от первого. В других парных и в двух тройных захоронениях — все скелеты лежали вытянуто на спине. В двух других тройных погребениях — слева от центрального костяка лежит погребенный в полускорченной позе.

Случаи парных и коллективных захоронений в других меотских могильниках VI—IV вв. до н. э. пока не обнаружены.

В положении скелетов преобладает вытянутое на спине (32 погребения — 80%), уменьшилось, по сравнению с могильником VI—V вв. до н. э., число погребений на спине с согнутыми ногами (7 погр. — 17,5%) и практически исчезает скорченное на боку положение умерших. Только в одном погребении (4/8) костяк ребенка лежал на левом боку в сильно скорченной позе (2,5%). К. Ф. Смирнов справедливо отмечал, что положение умерших на спине с подогнутыми ногами является переходным типом от скорченности к вытянутому на спине положению, а обряд скорченности исчезает лишь в III—II вв. до н. э.¹⁸

В ориентировке погребенных продолжает господствовать южная. Из 40 комплексов этого могильника, где возможно определение направления — 19 ориентированы на юг (47,5%), 15 — на юго — юго-восток и юго-восток (37,5%) и 5 — в юго-западный сектор (12,5%). В погребении 8 кургана 4 у скорченного костяка ребенка зафиксирована восточная ориентировка (2,5%).

В 19 погребениях Уляпского могильника IV в. до н. э. положение и ориентировка не определяется из-за плохой сохранности костяков.

Господство южного направления отмечается как один из наиболее характерных признаков для большинства могильников среднемеотского периода — второй хронологической группы Усть-Лабинского могильника № 2¹⁹, погребений IV в. до н. э. могильника в устье Псекупса²⁰, в погребениях Начерзия²¹, Пашковского могильника²².

Напутственная пища Уляпских погребений IV в. до н. э. представлена костями животных, что и на могильнике VI—V вв. до н. э. В могилу по-прежнему клали части туши, но количество захоронений с заупокойной пищей увеличивается. Кости животного находятся всегда справа от скелета на уровне ног или груди. Часто среди костей животного попадались железные ножи.

Из культовых атрибутов в трех могилах IV в. до н. э. встречены каменные плиты, стоявшие справа от верхней части туловища человека, в двух захоронениях найдены одиночные гальки.

В четырех комплексах вместе с человеком была захоронена лошадь (4/11, 4/19, 7/12, 7/28). Животные были положены на бок и занимали восточную половину могилы. Коней помещали в погребение целиком, ни разу не была зафиксирована шкура.

Набор инвентаря в погребениях IV в. до н. э. практически не отличается от набора вещей в могилах VI—V вв. до н. э.: это сосуды, оружие, зеркала, украшения и орудия труда, но некоторые категории предшествующего времени исчезают: железные акинаки, бронзовые и костяные наконечники стрел, некоторые типы сосудов, например, «бомбовидные» сосудики с шаровидным туловом.

Керамика, по-прежнему, наиболее многочисленная категория, встречена в 49 погребениях. Количество сосудов в погребении колеблется от 1 до 8, в среднем 3—5. Наряду с лепной керамикой в большом количестве встречены красно- и сероглиняные сосуды на кольцевом поддоне. Наиболее типичный набор состоит из миски, часто лепной и гончарной, кружки или кубка, корчаги, лепного горшка и кружального кувшинчика. Некоторые гончарные формы повторяют типы посуды предшествующего времени, это в первую очередь относится к мискам с загнутым бортиком, внешняя поверхность которых лощеная. В то же время сероглиняные кувшины с лентовидной ручкой, двуручные кубки не имели прототипов в лепной посуде предшествующей времени. Схема расположения сосудов в погребении остается прежней — они ставились справа от костяка; кружки, вазочки, мелкие сосудики — в головах, миски — на уровне туловища, лепные горшки и корчаги в ногах. В рядовых погребениях IV в. до н. э. количество греческой керамики невелико: в двух могилах обнаружены фрагменты амфор круга Менде (4/28, 4/29), частично сохранившийся чернолаковый скифос (7/12). Однако на тризновых площадках, расположенных поблизости курганов (№№ 1, 5, 6), количество импортных сосудов значительно больше.

Появление и широкое распространение гончарных сосудов отмечено для большинства меотских могильников именно в IV в. до н. э. Марченко И. И.²³ на основании только одной находки краснофигурного скифоса V в. до н. э. вместе с сероглиняным кружальным кувшином в погребении грунтового могильника городища № 3 хут. Ленина считает, что появле-

ние быстровращающегося гончарного круга у меотов надо относить не к грани V и IV вв. до н. э., а к середине V в. до н. э.*

Оружие представлено мечами, так называемого синдо-меотского типа, наконечниками копий и железными наконечниками стрел.

Длинные мечи с брусковидным навершием без перекрестия встречены в 13 погребениях. Они лежат слева от костяка, вдоль ноги или у пояса. В одном из комплексов (4/11) найдено три меча! К. Ф. Смирнов отмечает появление этого типа на Кавказе во второй половине V в. до н. э., а наиболее широкое распространение их в Прикубанье приходится на IV в. до н. э.²⁴

Количество погребений со стрелами на могильнике IV в. до н. э. не велико. Они встречены в 3 комплексах. Все стрелы железные, втульчатые, трехлопастные. В двух погребениях (4/26, 4/29) отмечены колчанье наборы из 19 и 5 иаконечников. В первом случае стрелы находились у левого локтя, во втором — правее черепа.

Наконечники копий и дротиков обнаружены в 7 комплексах, количество их при одном костяке колеблется от 1 до 3. В пяти захоронениях было по два наконечника копья, которые располагались слева у черепа. Подобное местоположение копий засвидетельствовано в погребениях могильника Начерзий.²⁵ Наборы оружия в могильниках среднемеотского, как и раннемеотского, времени стандартны и состоят из стрел, копий и мечей. Однако в комплексе полный набор оружия встречен лишь один раз на могильнике IV в. до н. э. (4/29). В пяти погребениях из 16, найдены мечи и наконечники копий, в прочих комплексах было по одной категории оружия.

Железные удила и псали находились при конских костяках в трех комплексах.

Набор украшений могил IV в. до н. э. практически не отличается от предшествующего времени. Он представлен бусами, височными колечками, браслетами, перстнями и гривнами.

Браслеты — наиболее многочисленная категория украшений, сделаны из бронзовой и железной проволоки, в 1—3 оборота. Найдены они на 26 костяках, по 1—4 браслета на каждом. Часты находки браслетов и других украшений в мужских погребениях с оружием.

Наборы бус этого времени отличаются многочисленностью и разнообразием, они найдены в каждом втором погребении, обычно в области груди и шеи, только в четырех комплексах — одиночные бусины лежали в области запястья левой руки.

Височные колечки из тонкой бронзовой проволоки в 1,5 оборота располагались у черепа. В двух комплексах с оружием (4/41, 7/25) находились парные кольца, в прочих четырех погребениях при костяке было по одному височному колечку.

Щитковые бронзовые перстни были надеты на правую руку погребенных в двух комплексах (4/19, 4/41).

* Примеч. редак. Марченко И. И. не учитывает, что импортная художественная посуда попадала к меотам через относительно длительный срок после ее изготовления и могла еще долго бытовать у них, от того на основании одной только находки делать глобальные выводы нельзя.

В двух погребениях — воина (4/29) и ребенка (4/8) обнаружены бронзовые проволочные гривны.

Зеркала IV в. до н. э. дисковидные с боковой ручкой, возможно, деревянной. Зеркала располагались у правой руки (4/30) или на груди (7/20) умерших.

Орудия труда, встреченные на этом могильнике, — немногочисленны: железные ножи найдены в 9 погребениях с напуганной пищей; глиняные пряслица встречены в четырех погребениях, в трех из них — пряслица находились в комплексе с украшениями и сосудами, в 1 погребении (4/17) с оружием было найдено четыре пряслица.

В результате сравнительного анализа выяснилось, что существенных изменений в обряде и наборе погребального инвентаря не произошло. А те различия, которые имеют место, носят характер естественной эволюции обряда в рамках одной культуры.

Отличия могильника IV в. до н. э. от более раннего проявилось в следующих признаках:

1. В IV в. до н. э. практически исчезает скорченное на боку положение умерших и уменьшается процент погребенных в полускорченном положении.

2. Появляются тройные захоронения.

3. В погребения воинов помещают тушу коня, отсутствуют случаи положения шкуры в могилу.

4. Появляется в большом количестве гончарная керамика, исчезают некоторые типы лепных сосудов предшествующего времени. Количество сосудов в погребениях увеличивается.

5. Исчезают акинаки, на смену им пришли мечи; исчезли из наборов бронзовые наконечники стрел.

6. Увеличивается количество погребений с украшениями.

В заключение можно отметить, что последовательно сменившиеся Уляпские могильники, характеризуются сходством основных признаков погребального обряда и оставлены носителями меотской культуры. Влияние скифской традиции проявилось в облике оружия раннего могильника. Однако в захоронениях не прослеживаются признаки присутствия иных этнических элементов.

* * *

1. Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным раскопок Келермесского курганного могильника) //СА № 3, 1985 г., с. 164.

2. Галанина Л. К. Там же, с. 159. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской //МИА 23, М—Л 1951 г., с. 158. Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской //МИА 64, М. 1958 г., с. 282—290.

3. Галанина Л. К. Там же, с. 160.

4. Анфимов Н. В. Там же, с. 159.

5. Ловпаче Н. Г. Могильники в устье реки Псекупс //Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985 г., с. 21.

6. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник ... с. 159.

7. Ловпаче Н. Г. Отчет об археологической экспедиции Адыгейского НИИ за 1982—1983 гг. //Архив ИА АН СССР, Р—1, № 10918.

8. Ждановский А. М. Отчет об исследованиях курганного могильника близ аула Начерзий Теучежского района Адыгейской АО, проводившихся в 1976 г. //Архив ИА АН СССР, Р—1, № 6169.

9. Галанина Л. К. К проблеме ... с. 160.
10. Смирнов К. Ф. Меотский могильник ... с. 296.
11. Анфимов Н. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // В сборнике: Проблемы скифской археологии. МИА 177, М 1971 г., с. 174.
12. Галанина Л. К. К проблеме ... с. 160.
13. Ловпаче Н. Г. Отчет об археологической экспедиции ... с. 135. Ловпаче Н. Г. Могильники ... с. 22.
14. Определение античной керамики сделано сотрудником ГМИНВ Ксенофоновой И. В.
15. Ловпаче Н. Г. Могильники ... с. 21.
16. Анфимов Н. В. Меото-Сарматский могильник ... с. 159.
17. Ждановский А. М. Отчет ...
18. Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Прикубанья // КСИИМК, вып. XLVI, 1952 г., с. 5.
19. Смирнов К. Ф. Меото-сарматский могильник ... с. 162.
20. Ловпаче Н. Г. Могильники ... с. 22.
21. Ждановский А. М. Отчет...
22. Смирнов К. Ф. Меотский могильник..., с. 296—299.
23. Жупанин О., Марченко И. И. К вопросу о технологии производства меотской керамики // Материалы к семинару «Древности Кубани». Краснодар 1986 г., с. 10.
24. Смирнов К. Ф. О мечех синдо-меотского типа // КСИА № 162. М. 1980 г., с. 41.
25. Ждановский А. М. Отчет...

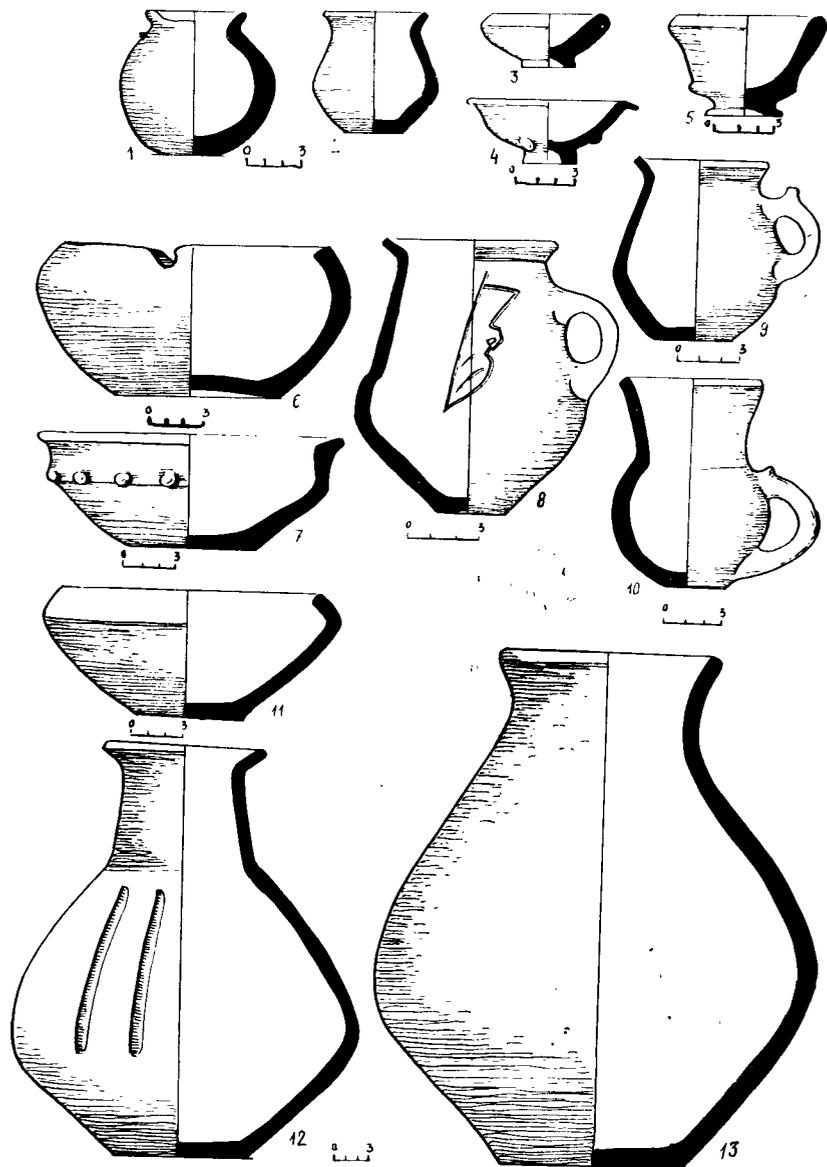

Рис. 1. Грунтовый могильник VI—V вв. до н. э. у аула Уляп.
 Сосуды: 1—13/7, 2—13/10, 3—15/22, 4—15/5, 5—15/70, 6—15/43,
 7—12/100, 8—15/48, 9—12/100, 10—13/7, 11—15/29, 12—15/23, 13—15/9.
 (1—13 — глина).

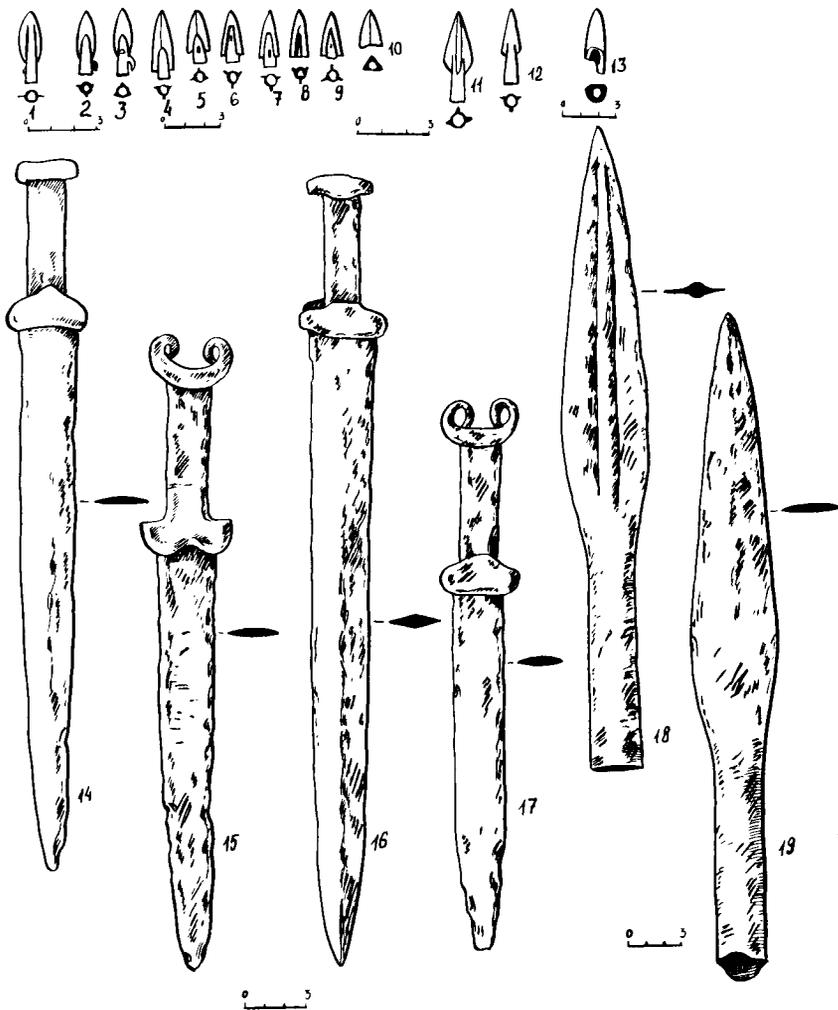

Рис. 2. Грунтовый могильник VI—V вв. до н. э. у аула Уляп.
 Оружие: 1—6—15/48, 7—9—15/66, 10—15/48, 11—12/45, 12—15/8, 13—15/66.
 14—16/14, 15—15/5, 16—15/51, 17—12/42, 18—19—15/70. (1—10 — бронза,
 11—12 — железо, 13 — кость, 14—19 — железо).

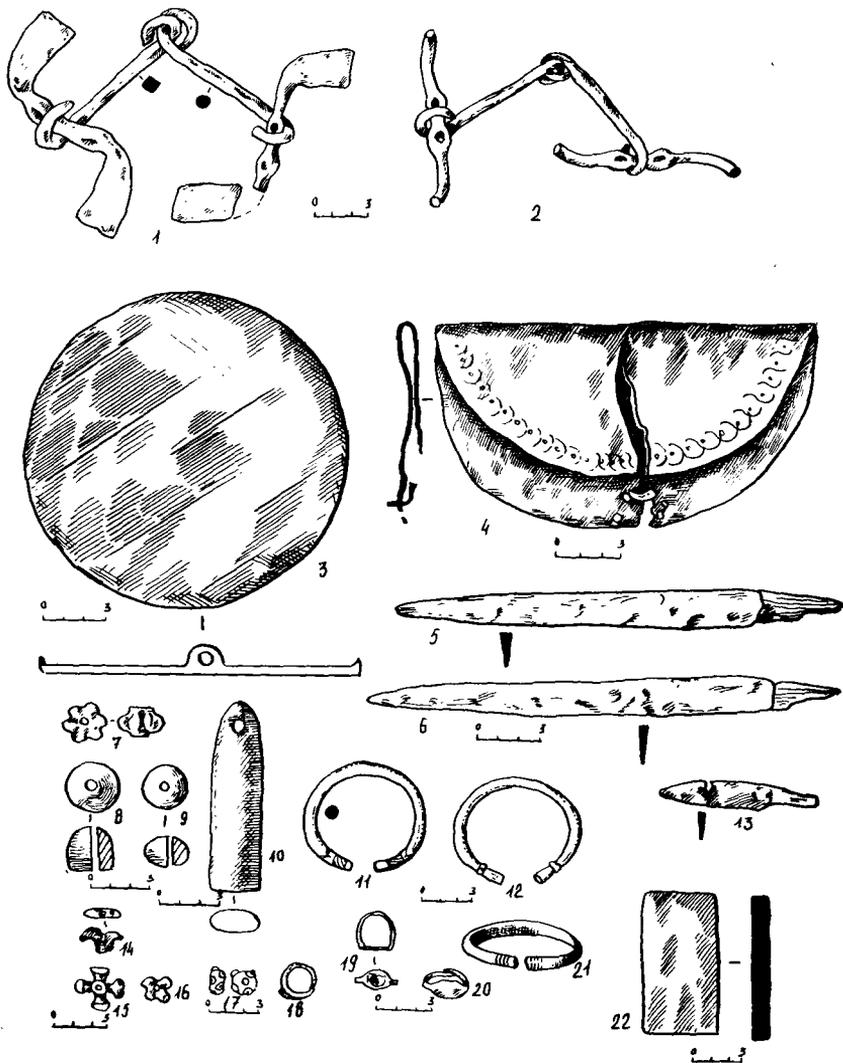

Рис. 3. Грунтовый могильник VI—V вв. до н. э. у аула Уляп.

Удила и псалли, зеркала, украшения, орудия труда:

1—15/8, 2—15/27, 3—12/45, 4—15/63, 5—6—15/48, 7—8—15/40, 9—15/36,
10—15/8, 11—15/29, 12—12/16, 13—15/70, 14—15/7, 15—15/6, 16—15/12,
17—15/33, 18—15/21, 19—20—16/15, 21—12/100, 22—15/70.

(1—2, 5—6, 13 — железо, 3—4, 11—12, 15—16, 18—21 — бронза, 7—9 — глина,
10, 22 — камень, 14, 17 — стекло).

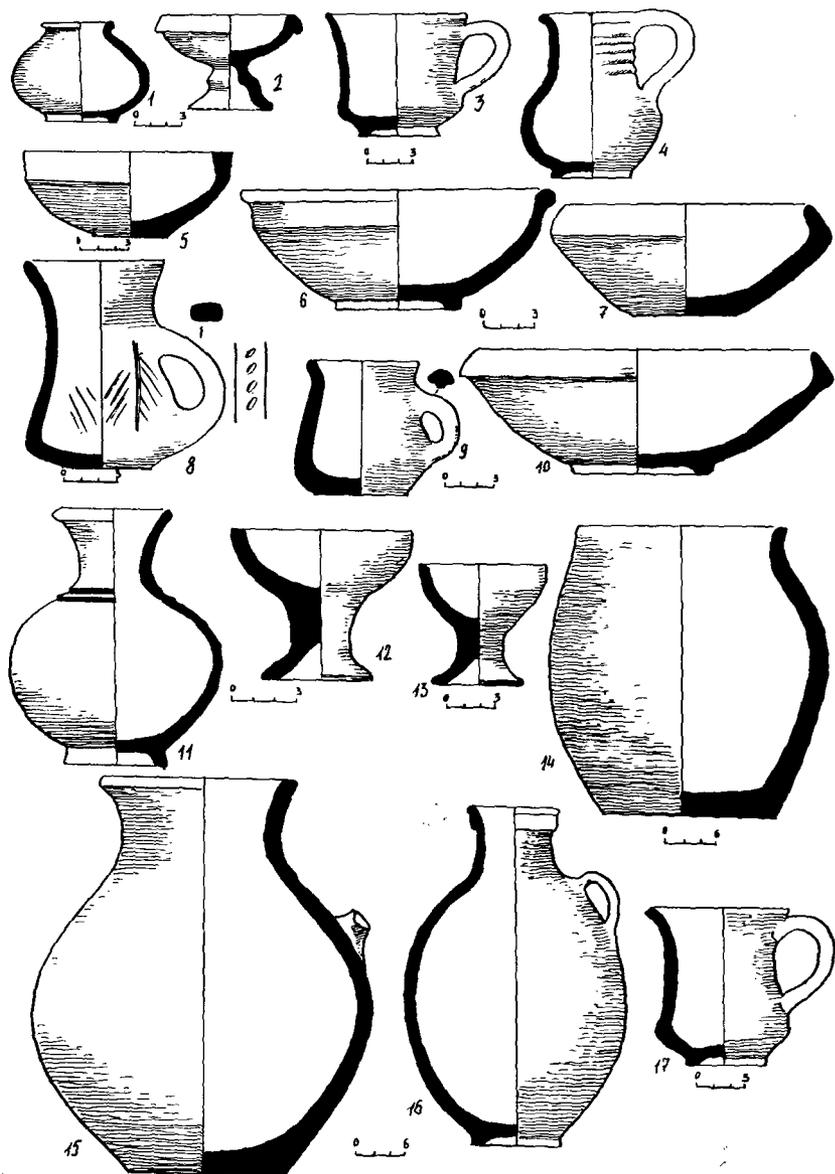

Рис. 4. Грунтовый могильник IVв. до н. э. у аула Уляп.
 Сосуды: 1—4/29, 2—4/13, 3—4/11, 4—4/31, 5—4/22, 6—4/23, 7—4/19,
 8—7/21, 9—7/20, 10—7/11, 11—4/41, 12—4/41, 13—4/33, 14—4/23, 15—4/20,
 16—4/23, 17—4/29. (1—17 — глина).

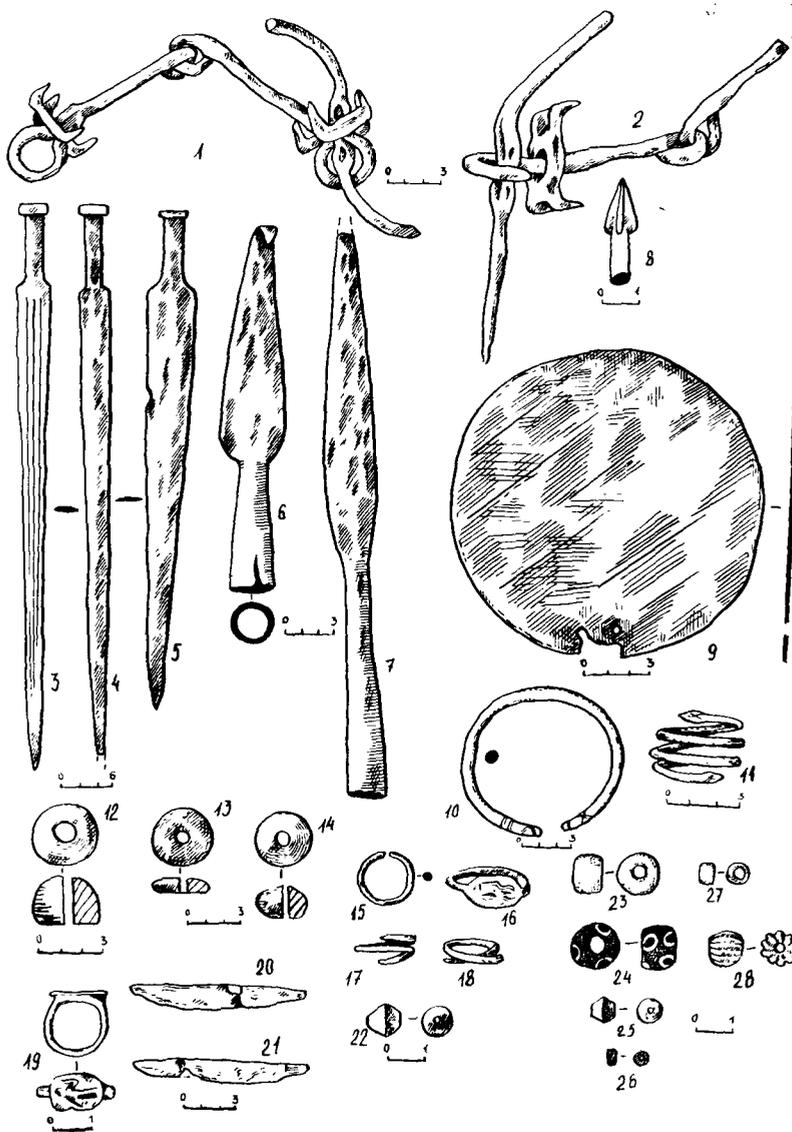
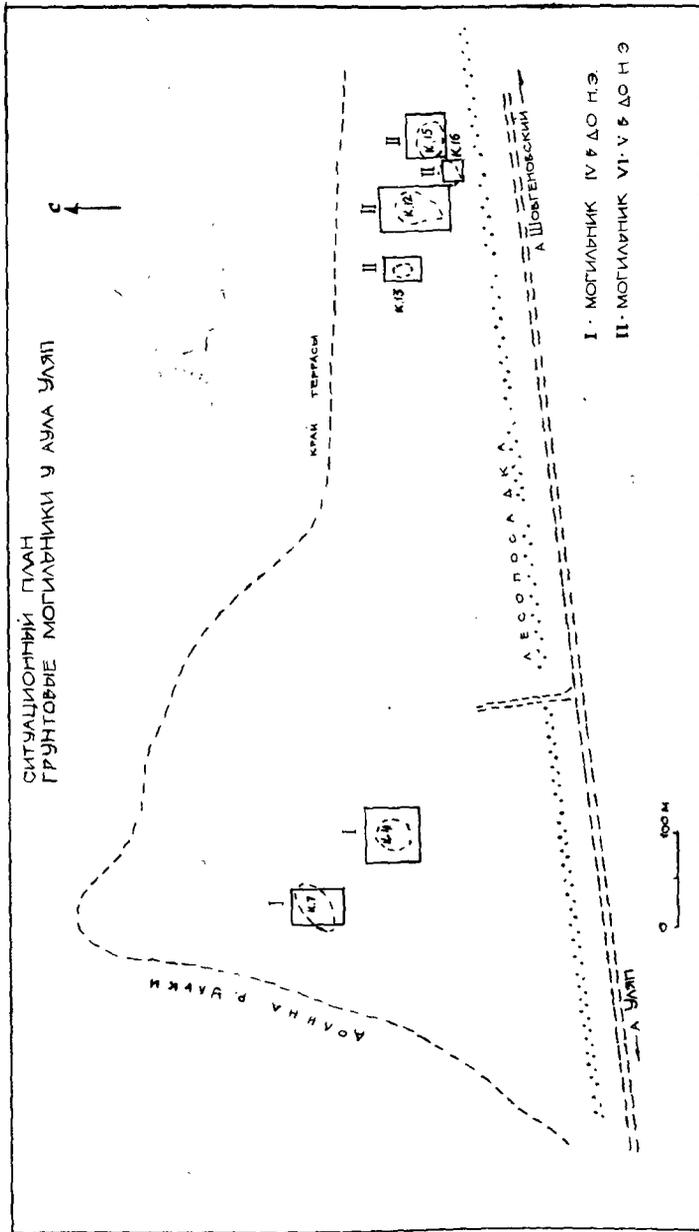

Рис. 5. Грунтовый могильник IV в. до н. э. у аула Уляп.

Удила и псалии, оружие, зеркало, украшения, орудия труда:

1 — 7/28, 2 — 7/кп. 5, 3 — 4/11, 4 — 4/4, 5 — 4/29, 6 — 4/19, 7 — 4/29, 8 — 4/26, 9 — 4/30, 10 — 4/14, 11 — 4/31, 12 — 4/17, 13 — 4/33, 14 — 4/34, 15 — 16 — 4/19, 17—18 — 4/23, 19 — 4/41, 20—21 — 4/41, 22 — 4/18, 23 — 4/26, 24 — 4/38, 25—26 — 4/26, 27—28 — 4/21. (1—8 — железо, 9—11, 15—19 — бронза, 20—21 — железо, 12—14 — глина, 22—28 — стекло).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАА — Вопросы археологии Адыгеи
ГИМ — Государственный исторический музей
ИА — Институт археологии
КИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Аутлев П. У.</i> К этногенезу адыгов	7
<i>Анфимов Н. В., Пьянков А. В.</i> Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья	11
<i>Анфимов И. Н.</i> Могильник протомеотской культуры хутора Казазово	27
<i>Тов А. А.</i> Протомеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль в Теучеж- ском районе	36
<i>Шарафутдинова Э. С.</i> Двуслойное поселение Красногвардейское II — памятник эпохи поздней бронзы — начала раннего железа на Кубани	46
<i>Галанина Л. К.</i> Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника	74
<i>Терехова Н. Н.</i> Характеристика техники кузнечного производства железных из- делий из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника в Гиагин- ском районе	103
<i>Носкова Л. М., Кожухов С. П.</i> Меотские погребения Ново-Вочепшийского мо- гильника (по материалам раскопа 1985—1986 гг.)	119
<i>Беглова Е. А.</i> Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красно- гвардейском районе	140